

441

ТЮРКСКИЙ
ВОКАЛИЗМ
И СИНГАРМОНИЗМ

М. А. Черкасский



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
АЛМА-АТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

М. А. Черкасский

ТЮРКСКИЙ ВОКАЛИЗМ И СИНГАРМОНИЗМ

Опыт историко-типологического исследования



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1965

Ответственный редактор
Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Характер эволюции некоторых кардинальных лингвистических идей подтверждает то общеизвестное положение, что развитие науки, как и всякое развитие, происходит путем «отрицания отрицания». В самом деле, еще сравнительно недавно наиболее «крайние» структуралисты, отталкиваясь от возведенного в самоцель историзма языкознания XIX в., практически игнорировали какую бы то ни было диахронию (так же, как в свое время компаративисты с пренебрежением отрицали научную правомерность статических описательных и дедуктивных грамматик). Однако сегодня проблемы историко-лингвистического процесса, языковых изменений (хотя и на совершенно новой основе — в чем немалая заслуга тех же «крайних» структуралистов) все более прочно занимают достойное место в языкознании.

Сказанное относится, в частности, к лингвистической типологии. Если проследить ее развитие за последние примерно полтора века, то и здесь мы обнаружим такую же чересполосицу периодов, когда интерес к статичным, изолированным друг от друга языковым типам сменялся стремлением обнаружить их взаимопереход и движение от «низших» к «высшим» или наоборот. Затем как реакция на субъективизм и замаскированную ксенофобию — опять увлечение сосуществующими в пространстве, а не последовательными во времени системами. И, наконец, в языкознании наших дней снова возникает проблема динамической типологии, но, разумеется, освобожденная от всякого оценочного или телеологического момента.

Важная особенность нынешнего этапа разработки динамической типологии состоит в том, что сфера ее приложения уже не ограничивается традиционной областью морфологического строения слова, но имеет тенденцию охватить систему языка в целом.

Особенно перспективными представляются изыскания, направленные на выявление динамики отношений между разными ярусами языковой иерархии. Мы имеем в виду не столько проблему так называемого изоморфизма, т. е. структурного подобия, сколько вопрос о взаимной корреляции между явлениями разных ярусов. Однако важно отметить, что наличие упомянутой корреляции отнюдь не означает абсолютной гармоничности системы языка. Будь это так, ни о каких структурных изменениях в языке не могло бы быть и речи. Напротив, мы убеждены, что система языка пронизана многочисленными противоречиями и постоянно находится в состоянии неустойчивого равновесия. Эти противоречия порождены тем, что разные ярусы системы обладают неодинаковой мерой подвижности, resp. инертности, и потому каждый из них в любой данный момент может соответствовать не синхронной с ним, а уже минувшей ступени эволюции других ярусов той же системы. «Так как ни один момент языковой истории, — указывает Е. Д. Поливанов, — не выпадает из общей линии безостановочной диалектической эволюции языковых фактов, мы должны встретить в любую эпоху языковой истории, а следовательно, и в современном языке ряды неразрешенных диалектических противоречий»¹.

Именно наличие упомянутых противоречий позволяет рассчитывать на то, что путем анализа некоторого доступного наблюдению состояния одного из ярусов языковой системы удастся восстановить незасвидетельствованные состояния других ярусов этой же системы, иначе говоря, произвести внутреннюю реконструкцию лингвистического процесса. Подобная же процедура осуществима также внутри какого-либо одного яруса, поскольку и в этих пределах имеется определенная корреляция элементов и в то же время обнаруживаются противоречия между отдельными частями архитектуры яруса (ср., с одной стороны, структурность любого яруса языка, а с другой — наличие признаков неустойчивости систем, как ее понимает, например, А. Мартине²). Таким образом, внутренняя реконст-

¹ Цит. по книге: Звегинцев, стр. 228.

² См.: Мартине, стр. 135—138.

рукция в принципе может осуществляться двумя путями — междуярусным и внутриярусным. Первый состоит в том, что некоторое незасвидетельствованное состояние одного яруса моделируется на основании засвидетельствованных фактов другого яруса исходя из закономерностей междуярусной корреляции. Второй способ заключается в совмещении (или «наложении» друг на друга) нескольких засвидетельствованных состояний системы разного относительного возраста в пределах одного яруса, причем делаются предположения о предшествующих или промежуточных (незасвидетельствованных) состояниях системы. Естественно, что в конкретном исследовании оба способа реконструкции могут сочетаться в различных пропорциях.

Одной из интересных проблем рассматриваемого круга явлений представляется динамика грамматико-фонологических соотношений, в частности взаимосвязь закономерностей строения слова и сингармонизма. Этой проблеме применительно к тюркским языкам и посвящена настоящая работа. Знаменательно, что более или менее развитые системы сингармонизма регулярно сопутствуют двум морфологическим типам — агглютинации и полисинтетизму (ср. большинство алтайских и уральских языков, а также многие «палеоазиатские» языки). Совпадение это столь часто, что вряд ли может считаться случайным. В языках же других типов явления сингармонизма если и встречаются, то лишь спорадически и составляют скорее исключения, чем правило. Уже одно это наводит на мысль, что между сингармонизмом и структурой слова существует некоторая закономерная зависимость. Но если это так, то исследование историко-фонологических процессов в области сингармонизма немыслимо без одновременной реконструкции параллельных изменений на морфологическом уровне. Трудно определить, что в данном случае является целью, а что — средством: производится ли восстановление морфологических процессов на основе вскрытия противоречий в фонологической сфере или, напротив, фонологические изменения сами выводятся из смены морфологических состояний. Скорее всего объектом подобного изыскания должна служить динамика всего морфо-фонологического (или уже — агглютинативно-сингармонического) комплекса как целого. Естественно, что при таком подходе, точка зрения наблюдателя может в процессе его работы периодически изменяться сообразно с тем, какими данными он располагает в каждом конкретном случае: если «дана» фонология, то «выводится» морфология и соответственно наоборот.

Как известно, сингармонизм — это достаточно сложное явление, определяющее собой весь фонетический облик языка — его вокализм, консонантизм и особенности слогового строения. В настоящей работе задача ограничена рассмотрением лишь одной стороны сингармонизма, а именно гармонии гласных, поскольку и здесь, по-видимому, достаточно явственно прослеживаются черты корреляции с морфологической структурой слова. Безусловно, указанное ограничение предмета исследования является вынужденным. Задача исчерпывающего истолкования такого интереснейшего и очень важного для понимания многих кардинальных проблем общей типологии феномена, каким является сингармонизм, настоятельно требует тщательного изучения всех его аспектов. К сожалению, это в значительной мере дело будущего.

Упомянутая выше процедура историко-типологической реконструкции предусматривает в качестве начального этапа исследования выявление противоречий в пределах той синхронической плоскости, которая принимается за исходную для движения вниз по временной оси. Мы используем в качестве отправной точки современное состояние тюркского вокализма и его соотношение с господствующей в тюркских языках морфологической структурой слова. В этой области обнаруживаются три группы явлений, сосуществование которых сопряжено с рядом противоречий структурного и функционального порядка:

- 1) гармония гласных и соответствующее ей специфическое строение системы гласных фонем, составляющие в совокупности основной структурно-функциональный комплекс тюркского вокализма;

- 2) спорадические непозиционные колебания огласовки значительного числа тюркских корней, т. е. сингармонические варианты и параллелизмы;

- 3) современная система тюркского ударения и обусловленные ею фонетические явления: редукция неударного вокализма (в том числе огласовки начального слога) и регрессивная ассимиляция гласных.

Синхронному описанию этих групп явлений и попытке раскрыть сущность противоречий между ними посвящена первая глава исследования. В последующих трех главах предпринимается опыт комплексной историко-морфологической (в указанном выше смысле) интерпретации названных групп явлений, на основании чего устанавливается их относительная хронология и одновременно реконструируются типологические условия генезиса каждой из них.

Излишне говорить подробно о том, что понятие относительной хронологии при типологических изысканиях никак не соотносится с астрономическим временем, а тем более с какими бы то ни было абсолютными датами. Оно предполагает исключительно лингвистическое время, т. е. определенную последовательность чередования чисто языковых событий и состояний, которые мыслятся как закономерно сменяющие друг друга и органически вытекающие одно из другого.

В свете всего сказанного должно быть также ясно, что в данном случае совершенно несущественны проблемы генеалогических связей рассматриваемых языков. И если мы, не входя в специальное обсуждение этого вопроса, оперируем в дальнейшем такими понятиями, как «протоалтайская» стадия, «алтайская» стадия, «тюркская» стадия (с подразделением последней на «раннетюркский» и «позднетюркский» этапы), то это продиктовано исключительно соображениями терминологического удобства (так как иначе пришлось бы говорить не только о «тюркской» и «прототюркской», но и о «протопрототюркской» и т. д. стадиях). По существу же такой термин, как, например, «алтайская» стадия, вовсе не связан здесь с тем проблематичным фактом, что тюркские языки генеалогически восходят к некой алтайской общности (этот вопрос совершенно не затрагивается нами, так как лежит за пределами нашей темы). Он обозначает лишь то типологическое состояние, черты которого, с одной стороны, прослеживаются в языках, традиционно относимых к алтайским (т. е. в монгольских и тунгусо-маньчжурских), а с другой — реконструируются и для определенной ступени эволюции тюркских языков.

Как явствует из предшествующего изложения, основным объектом исследования служит тюркский вокализм, точнее, те его стороны, которые так или иначе связаны с гармонией гласных, а через нее — с агглютинацией. Разумеется, «у исследователя никогда не может быть уверенности, что избранный им признак является тем, который может быть положен в основу всеобщей периодизации истории языка»³. Легко допустить, что при диахроническом изучении разных областей тюркской фонетики или грамматики полученные периодизации не во всем совпадут между собой. Однако нельзя упускать из виду и того, что, как уже говорилось, каждая сфера языкового строя так или иначе коррелирует со строем в целом. Поэтому мы убеждены, что любая обосо-

³ Бернштейн, стр. 51.

ванная периодизация по какому-либо частному признаку в конечном счете не может объективно не увязываться с той «всеобщей периодизацией языка», которая представляет идеал историко-типологического исследования.

Необходимо иметь в виду, что вся письменно засвидетельствованная история тюркских языков полностью укладывается в последнюю из устанавливаемых нами стадий — «тюркскую». Более того, она может быть почти целиком отнесена к «позднетюркскому» периоду этой стадии. Таким образом, подавляющая часть исследуемого отрезка эволюции падает на предысторию тюркских языков и фактически представлена только реликтами. Очевидно, что при указанных условиях мы не можем рассчитывать на что-либо большее, кроме как на выдвижение и сильное обоснование более или менее вероятных гипотез по затронутому кругу вопросов. Но поскольку никаких прямых данных для решения этих вопросов в распоряжении тюркологии нет, представляется, что и с такими весьма ограниченными задачами исследование подобного рода может оказаться в теоретическом плане небесполезным.

В качестве транскрипции мы применяем для тюркского материала латиницу В. В. Радлова⁴ с некоторыми изменениями.

Для большей наглядности сопоставлений все взаимно корреспондирующие (хотя бы и материально не совпадающие) гласные разных тюркских языков изображаются одними и теми же знаками. Таким образом:

- | | |
|--|------------------------------|
| а) тат., башк., хак. <i>i</i> (орф. <i>u</i>) | передается знаком <i>ä</i> ; |
| б) тат., башк. <i>ë</i> (орф. <i>e</i>) | |
| каз., хак. <i>ẽ</i> (орф. <i>i</i>) | — <i>i</i> ; |
| в) тат., башк. <i>ö</i> (орф. <i>o</i>) | |
| каз. <i>õ</i> (орф. <i>y</i>) | — <i>u</i> ; |
| г) тат., башк. <i>ö</i> (орф. <i>ø</i>) | |
| каз. <i>õ</i> (орф. <i>y</i>) | — <i>ä</i> ; |
| д) тат., башк. <i>u</i> (орф. <i>y</i>) | — <i>o</i> ; |
| е) тат., башк. <i>ü</i> (орф. <i>y</i>) | — <i>ö</i> . |

Поскольку различие между гласными *e* и *ä* (например, в казахском, азербайджанском, туркменском языках) с точки зрения сингармонизма абсолютно не существенно, обе гласные передаются знаком *ä*. Лишь в случаях особой необходимости (например при описании новоуйгурского «умлаута») гласные *e* и *ä* графически дифференцируются.

⁴ См. Radloff (1).

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

I. ОСНОВНОЙ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ТЮРКСКОГО ВОКАЛИЗМА

Описываемые в настоящем разделе закономерности отнюдь не исчерпывают всех связей и процессов, наблюдаемых в сфере тюркских гласных. Тем не менее они настолько полно характеризуют собой специфику тюркского языкового типа в указанной области, что их совокупность можно рассматривать как основной структурно-функциональный комплекс тюркского вокализма.

В морфологической структуре тюркского слова господствует агглютинация суффиксального типа. Словообразование и словоизменение осуществляется путем последовательного присоединения к неизменяемому, как правило, корню ряда постпозитивных аффиксов. Каждый аффикс имеет одного строго определенное грамматическое значение, обычно весьма четко ограничен от смежных с ним морфем и поэтому обладает в составе слова заметной долей семантической и конструктивной автономности. Ср., например, каз. *üjimdägilärgä* 'тем, которые находятся в моем доме', где *üj* — корень со значением 'дом', *-(i)m* — аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа, *-dä* — аффикс местного падежа, *-gi* — словообразовательный аффикс прилагательных, *-lär* — аффикс множественного числа, *-gä* — аффикс дательно-направительного падежа; каз. *balalarınızdağylardan* 'от тех, которые у ваших детей', где *bala* 'ребенок', *-lar* — аффикс множественного числа, *-(y)nuz* — аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа, *-da* — аффикс местного падежа, *-yu* — словообразовательный аффикс прилагательных, *-dan* — аффикс исходного падежа.

С подобным морфологическим строением слова тесно связано наличие в тюркских языках гармонии гласных, играющей роль своеобразного делимитативного средства: отрезок речевого потока, соответствующий отдельному слову, формально определяется тем, что все его гласные элементы находятся в сингармонической взаимозависимости (см. примеры выше).

В наиболее общем виде гармония гласных может быть определена как регламентация последовательности гласных в слове посредством ограниченного числа сингармонических моделей. Выбор той или иной из имеющихся в данном языке моделей обусловлен качеством огласовки начального слога слова. Совокупность всех сингармонических моделей, присутствующих данному языку, образует сингармоническую систему последнего.

Хотя сама по себе гармония гласных есть явление синтагматического плана *par excellence*, она в очень большой степени обуславливает также и строение вокализма как системы. Ниже мы попытаемся показать, что строение системы тюркских гласных в целом почти полностью подчинено одной задаче — служить парадигматической базой гармонии гласных. С этой последней мы и начнем свое исследование.

А. Парадигматическая база гармонии гласных

Из данного выше определения гармонии гласных вытекает, что в этом процессе взаимодействуют две категории функционально неравноценных вокалических единиц: 1) гласные начального слога, определяющие выбор сингармонической модели слова, и 2) гласные неначальных слогов, сами обусловленные действующей в данном случае сингармонической моделью. Обе упомянутые категории гласных образуют в пределах тюркского вокализма две особые фонологические подсистемы. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

1. Вокализм начального слога

Необходимо еще раз оговорить, что совокупность особенностей вокализма, непосредственно связанных с гармонией гласных и составляющих парадигматическую базу последней, чаще всего полностью не покрывает систему вокализма данного языка в целом. Почти в каждом тюркском

языке имеется некоторый «остаток» фактов, которые с точки зрения гармонии гласных несущественны.

В области вокализма начального слога к такого рода фактам относятся присущие некоторым языкам отдельные оппозиции или целые корреляции гласных, все члены которых в сингармоническом отношении абсолютно эквивалентны. Это значит, что, находясь в начальном слоге слова, такие гласные обуславливают совершенно одинаковый выбор огласовки последующих слогов. Таковы, например: оппозиция *e — ə* в казахском, азербайджанском, туркменском и некоторых других языках (ср. каз. *sen-dik* 'твой' и *sən-dik* 'нарядность', 'украшение'; *dem-gä* 'дыханию' и *dəm-gä* 'вкусу'); корреляция гласных по признаку долготы в туркменском, якутском и других языках (ср. туркм. *āduma* 'моему' имени' и *atuma* 'моему коню'); корреляция фарингализованных — нефарингализованных гласных в тувинском языке (ср. *adym* 'мое имя' и *a'dym* 'мой конь') и др.

Однако, за вычетом указанного, в общем сравнительно небольшого «остатка» фактов, система вокализма начального слога любого тюркского языка (кроме узбекского и частичного новоуйгурского), как уже говорилось, в высокой степени функциональна с точки зрения сингармонизма. В этом отношении все тюркские языки (за упомянутыми исключениями) весьма сходны между собой. Сказанное дает основание рассматривать систему гласных начального слова в общетюркологическом плане и в соответствии с нашей задачей учитывать только те черты системы, которые играют какую-либо роль для гармонии гласных.

Число гласных фонем, различаемых в начальном слоге, колеблется в разных тюркских языках от восьми до шестнадцати¹. Однако, если исключить оппозиции, которые для сингармонизма не существенны, то вокализм начального слога можно свести к восьми единицам, составляющим «классическую восьмерку» тюркских гласных: *a, ä, o, ö, u, i, u, й*. Исходя из соображений, высказанных выше, мы считаем возможным ограничиться здесь анализом «восьмерки» и не принимать во внимание имеющиеся расхождения в конкретном составе вокализма начального слога различных тюркских языков.

Специализация системы тюркского вокализма в качестве парадигматической базы гармонии гласных находит свое выражение в определенной, мы бы сказали, «нарочитости»

¹ Меньше восьми гласных фонем начального слога только в несингармонических говорах узбекского языка.

строения системы. Это в равной мере относится к общей конфигурации системы и к природе составляющих систему оппозиций.

Структура «классической восьмерки» гласных начального слога отличается на общем фоне большинства других вокалических систем необычайной стройностью, последовательностью, уравновешенностью, а значит, экономичностью.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что любая из восьми фонем конституируется комплексом одних и тех же трех вокалических признаков (разумеется, в их разных значениях) — ряда, раствора и огубленности²:

- a* — широкая заднего ряда неогубленная,
- ä* — широкая переднего ряда неогубленная,
- o* — широкая заднего ряда огубленная,
- ö* — широкая переднего ряда огубленная,
- u* — узкая заднего ряда неогубленная,
- i* — узкая переднего ряда неогубленная,
- u* — узкая заднего ряда огубленная,
- ï* — узкая переднего ряда огубленная.

В пределах начального слога оппозиции по этим признакам, как правило, не нейтрализуются (об исключениях см. ниже) и всегда могут служить для дифференциации значений; ср. казахские корни³:

<i>bal</i> 'мед'	<i>bul-</i> корень со значением 'трясти', 'мять', 'месить' (ср. <i>bulġama, bulġanyş</i>)
<i>bäl</i> 'поясница'	<i>bil-</i> 'знать'
<i>bol-</i> 'быть'	<i>bul</i> 'этот'
<i>böl-</i> 'делить'	<i>bül-</i> корень со значением 'разорение', 'смятение', 'хаос' (ср. <i>bülginşilik, büldirüw</i>)

Во-вторых, строение «восьмерки» идеально симметрично: каждый из трех названных выше дифференциальных признаков делит всю систему в определенной плоскости на две

² Ср. с этим замечание А. Мартине о том, что подобные «кубические» (т. е. основанные на трех признаках) системы представляют собой теоретический оптимум в смысле экономичности и устойчивости, причем в реальных языках этот оптимум практически очень редко достигается (см. Мартине, стр. 141—142).

³ Палатализованный или веляризованный характер согласных в приводимых примерах принимается нами как обусловленный качеством согласовки.

совершенно одинаковые по численности группы соотносительных фонем:

<u>широкие</u>	<u><i>a, ä, o, ö</i></u>
<u>узкие</u>	<u><i>y, i, u, ü</i></u>
<u>заднего ряда</u>	<u><i>a, o, y, u</i></u>
<u>переднего ряда</u>	<u><i>ä, ö, i, ü</i></u>
<u>неогубленные</u>	<u><i>a, ä, y, i</i></u>
<u>огубленные</u>	<u><i>o, ö, u, ü</i></u>

Благодаря отмеченной симметричности строения «классической восьмерки» система противопоставлений каждой фонемы относительно остальных семи совершенно одинакова. Любая фонема соотносительна:

а) с тремя фонемами, каждая из которых отличается от данной по одному какому-либо признаку (например, *a—ä* — по признаку ряда, *a—y* — по признаку раствора, *a—o* — по признаку огубленности или ее отсутствия);

б) с тремя фонемами, каждая из которых противопоставлена данной по совокупности двух признаков (например, *a—i* — по признакам ряда и раствора, *a—u* — по признакам раствора и огубленности или ее отсутствия, *a—ö* — по признакам ряда и огубленности или ее отсутствия);

в) с одной фонемой, противопоставленной данной фонеме по совокупности всех трех признаков (например, *a—ü* — по признакам ряда, раствора и огубленности или ее отсутствия).

В большинстве доступных нам тюркологических работ для графического изображения системы гласных фонем применяются плоские фигуры — квадраты⁴, треугольники⁵ и др. Однако в силу своей двухмерности такие фигуры не могут последовательно передать всю совокупность фонологических противопоставлений между тюркскими гласными начального слога, система которых, как было показано, симметрична в трех плоскостях. Для адекватного графического отражения структуры тюркского вокализма начальных слогов необходима такая схема, в которой каждая фонема находилась бы в точке пересечения трех координат, изображающих три дифференциальных признака, на которых основаны фонологические противопоставления внутри рассматриваемой системы. Этому условию удовлетворяет схема, имеющая форму трехмерного геометрического тела, а именно куба, на восьми вершинах которого размещены символы тюркских

⁴ См. Radloff (2), стр. 428.

⁵ См.: Батманов (1), стр. 25; Современный казахский язык, стр. 23—24.

гласных фонем начального слога и каждая из трех взаимно-перпендикулярных координат соответствует одному из трех признаков противопоставления фонем (рис. 1)⁶.

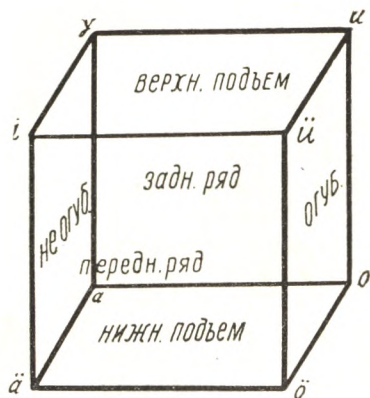


Рис. 1

Такая схема отражает все три плоскости симметрии системы гласных начального слога: противоположность заднего и переднего квадратов соответствует корреляции фонем по признаку ряда; противоположность нижнего и верхнего квадратов — корреляции по признаку раствора; противоположность правого и левого квадратов — корреляции по признаку огубленности. В то же время схема передает и систему оппозиций каждой фонемы с точки зрения одно- или многомерности этих оппозиций: члены

одномерных оппозиций находятся на вершинах, примыкающих к одному и тому же ребру куба (например: $a - \ddot{a}$, $a - o$, $a - y$ и т. д.), члены двухмерных оппозиций расположены на концах диагоналей граней (например: $a - i$, $a - u$, $a - \ddot{o}$); члены трехмерных оппозиций помещены на противоположных вершинах куба (например: $a - \ddot{y}$).

В терминах концепции Н. С. Трубецкого «классическая восьмерка» определяется как четырехугольная четырехклассная двухступенчатая система:

$o, a, \ddot{o}, \ddot{a}$
 $u, y, \ddot{y}, i$

т. е. такая система, в которой все гласные обладают как дифференциальным признаком раствора, так и локальными дифференциальными признаками (ряд и огубленность); имеется четыре тембровых (т. е. по локальным признакам) класса; различаются две ступени полноты звучности (по признаку раствора)⁷. В связи со сказанным выше о «наочности» строения тюркского вокализма обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как указывает Н. С. Трубецкой, среди существующих вокалических систем четырехклассные

⁶ См. Дену (2), стр. 57; см. также: Глисон, стр. 236; Черкасский, стр. 58; Мельников, стр. 33 и сл.

⁷ Трубецкой, стр. 118, 122.

встречаются гораздо реже, чем двухклассные или трехклассные; двухступенчатые — менее обычны, чем трехступенчатые, а среди двухступенчатых четырехугольные наблюдаются значительно реже, чем трехугольные⁸.

Подобную же «необычность» мы находим и в самой природе фонологических противопоставлений тюркских гласных начального слога. Поскольку наиболее универсальная и детальная систематизация фонологических фактов до сих пор принадлежит Н. С. Трубецкому, мы будем ориентироваться в данном случае на его «Основы фонологии».

По утверждению Н. С. Трубецкого, «в любой системе оппозиций многомерные противоположения (т. е. основывающиеся одновременно на нескольких дифференциальных признаках. — М. Ч.) численно превышают одномерные (основывающиеся на одном каком-либо признаке. — М. Ч.)»⁹. Сказанное справедливо и по отношению к тюркской «восьмерке». Однако процент одномерных оппозиций здесь необычно высок. Если, например, в системе русского вокализма из десяти оппозиций одномерными являются только две ($u - \text{э}$ и $y - o$), т. е. 20%, а в немецком консонантизме, по свидетельству Н. С. Трубецкого, их всего 7% общего числа оппозиций¹⁰, то в тюркском вокализме начального слога одномерные оппозиции составляют около 43% всех оппозиций (12 из 28):

- 1) по признаку ряда: $a - \text{ä}$, $o - \text{ö}$, $y - i$, $u - \text{ü}$;
- 2) по признаку раствора: $a - y$, $\text{ä} - i$, $o - u$, $\text{ö} - \text{ü}$;
- 3) по признаку огубленности: $a - o$, $\text{ä} - \text{ö}$, $y - u$, $i - \text{ü}$.

У Н. С. Трубецкого читаем: «Совершенно очевидно, что в совокупной фонологической системе любого языка неоднородные многомерные оппозиции (т. е. такие, которые нельзя представить в виде цепочки одномерных оппозиций. — М. Ч.) должны быть многочисленнее однородных»¹¹. Однако вопреки этому в тюркской «восьмерке» все многомерные оппозиции оказываются однородными¹²:

$$\begin{array}{ll} a - \text{ö} = a - (\text{ä}) - \text{ö} & o - y = o - (u) - y \\ a - i = a - (y) - i & o - i = o - (u - y) - i \end{array}$$

⁸ Там же, стр. 117, 122—123.

⁹ Там же, стр. 76. Здесь и далее в цитатах из Н. С. Трубецкого разрядка моя. — М. Ч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 77.

¹² Поскольку все эти однородные оппозиции являются, по терминологии Н. С. Трубецкого, непрямолинейными, каждую из них можно было бы изобразить и иначе, например: $a - \text{ö} = a - (o) - \text{ö}$; $\text{ä} - u = \text{ä} - (\text{ö} - o) - u$ и т. д.

$$\begin{array}{ll}
 a - u = a - (y) - u & o - \ddot{u} = o - (u) - \ddot{u} \\
 a - \ddot{u} = a - (y - i) - \ddot{u} & \ddot{o} - y = \ddot{o} - (\ddot{u} - u) - y \\
 \ddot{a} - o = \ddot{a} - (a) - o & \ddot{o} - i = \ddot{o} - (\ddot{u}) - i \\
 \ddot{a} - y = \ddot{a} - (i) - y & \ddot{o} - u = \ddot{o} - (\ddot{u}) - u \\
 \ddot{a} - u = \ddot{a} - (i - y) - u & y - \ddot{u} = y - (i) - \ddot{u} \\
 \ddot{a} - \ddot{u} = \ddot{a} - (i) - \ddot{u} & i - u = i - (y) - u
 \end{array}$$

Далее Н. С. Трубецкой утверждает: «В любой системе изолированные оппозиции гораздо многочисленнее пропорциональных (т. е. таких, отношение между членами которых тождественно отношению между членами каких-либо других оппозиций. — М. Ч.)»¹³. Однако и в этом отношении тюркский вокализм начального слога представляет резкое исключение, ибо в нем подавляющее большинство оппозиций (24 из 28, т. е. около 86%) являются именно пропорциональными:

1) пропорциональные одномерные по признаку ряда: $a - \ddot{a}$, $o - \ddot{o}$, $y - i$, $u - \ddot{u}$;

2) пропорциональные одномерные по признаку раствора: $a - y$, $\ddot{a} - i$, $o - u$, $\ddot{o} - \ddot{u}$;

3) пропорциональные одномерные по признаку огубленности: $a - o$, $\ddot{a} - \ddot{o}$, $y - u$, $i - \ddot{u}$;

4) пропорциональные двухмерные по признаку ряда и раствора:

а) задние широкие — передние узкие: $a - i$, $o - \ddot{u}$;

б) задние узкие — передние широкие: $y - \ddot{a}$, $u - \ddot{o}$;

5) пропорциональные двухмерные по признакам ряда и огубленности:

а) задние огубленные — передние неогубленные: $o - \ddot{a}$, $u - i$;

б) задние неогубленные — передние огубленные: $a - \ddot{o}$, $y - \ddot{u}$;

6) пропорциональные двухмерные по признакам раствора и огубленности:

а) широкие неогубленные — узкие огубленные: $a - u$, $\ddot{a} - \ddot{u}$;

б) широкие огубленные — узкие неогубленные: $o - y$, $\ddot{o} - i$;

Не соответствует положению вещей в системе тюркских гласных начального слога и следующий тезис Н. С. Трубецкого: «В одномерных оппозициях преобладают пропорциональные, а в многомерных — изолированные отношения»¹⁴.

Как видно из приведенных выше схем, все одномерные оппозиции в тюркской «восьмерке» действительно являются пропорциональными. Однако и в многомерных оппозициях

¹³ Трубецкой, стр. 78.

¹⁴ Там же.

изолированные отношения не только не преобладают, но встречаются всего лишь в четырех случаях из шестнадцати, а именно в трехмерных оппозициях по всем трем основным вокалическим признакам: $a - \bar{a}$, $\bar{a} - u$, $o - i$, $\bar{o} - y$.

И, наконец, еще один вывод Н. С. Трубецкого, который не может быть распространен на тюркскую «восьмерку»: «Само собой разумеется, что абсолютные цифры варьируют от языка к языку. Однако отношение в основном остается всюду одним и тем же: наибольшую группу образуют изолированные многомерные оппозиции, наименьшую — изолированные одномерные оппозиции»¹⁵.

В действительности же тюркский вокализм начального слога (ср. схемы выше) дает следующее соотношение оппозиций:

многомерных изолированных	— 4
многомерных пропорциональных	— 12
одномерных изолированных	— 0
одномерных пропорциональных	— 12

28

Итак, если изолированные одномерные оппозиции действительно составляют «наименьшую группу» (их нет совсем), то изолированные многомерные, вопреки Н. С. Трубецкому, по своей численности занимают не первое, а лишь предпоследнее место. Основную же массу оппозиций образуют пропорциональные оппозиции — как одномерные, так и многомерные (двухмерные).

Мы столь подробно остановились на особенностях оппозиций в системе тюркских гласных начального слога для того, чтобы обратить внимание на весьма своеобразное и в определенном смысле исключительное положение тюркской классической «восьмерки» среди большинства других вокалических систем. Как нам представляется, указанное своеобразие непосредственно связано с тем, что строение «восьмерки» подчинено одной функции — быть парадигматической базой гармонии гласных. Попробуем конкретизировать этот тезис.

Поскольку любой из трех дифференциальных признаков гласных фонем начального слога способен прямо или косвенно принимать участие в гармонии гласных (он может либо сам быть сингармонически релевантным, либо обуславливать сингармоническую релевантность другого, сочетающегося с ним признака — см. ниже), этот признак должен быть легко

¹⁵ Там же.

вычлением из совокупности всех признаков, конституирующих данную фонему. Иными словами, гармония гласных предполагает высокую степень «аналитичности» фонологического содержания фонем начального слога. В свою очередь это зависит от свойств системы фонем в целом. «Чем больше в данной системе нейтрализуемых привативных пропорциональных одномерных и однородных оппозиций, — говорит Н. С. Трубецкой, — тем структура связи внутри нее прозрачнее; наоборот, чем более доминируют в данной системе логически эквивалентные изолированные многомерные и разнородные оппозиции, тем связи внутри структуры менее прозрачны»¹⁶. Выше мы могли убедиться в том, что по большинству признаков тюркская «восьмерка» относится именно к первому из упоминаемых Н. С. Трубецким типов систем: из 28 составляющих ее оппозиций 12 нейтрализуемые (если, разумеется, выйти за пределы начального слога) и привативные; 24 являются пропорциональными, из них половина — одномерные, а все многомерные (в том числе и четыре изолированные) — однородные.

2. Вокализм неначальных слогов

Хотя в материальном отношении вокализм неначальных слогов отличается от вокализма начального слога в общем незначительно¹⁷, с фонологической точки зрения он представляет совершенно иную картину.

Из трех дифференциальных признаков здесь только признак раствора независим и потому может служить для семантической дифференциации, например: каз. *malda* 'у скота' (мест. пад.) — *maldu* 'скот' (вин. пад.).

Что же касается признаков ряда и огубленности, то они в силу закона гармонии гласных обусловлены качеством огласовки начального слога¹⁸; ср. кирг. *malda* 'у скота', *bäldä* 'на пояснице', но *qoldo* 'в руке', *koldo* 'в озере'.

Правда, сфера проявления «губного притяжения» в большинстве тюркских языков значительно уже, чем «нёбного притяжения». Но это ни в какой мере не противоречит тезису о

¹⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷ Эти отличия сводятся главным образом к тому, что не все звучащие, встречающиеся в начальном слоге, возможны также и в неначальных слогах.

¹⁸ Особый случай составляют два типа независимых огубленных гласных неначальных слогов, один из которых представлен, например, в но-воу-турских формах *jam'ur* 'дождь', *käldük* '[мы] пришли', а другой — в киргизском *qarō* 'защита', хакасском *pyzo* 'теленки' и т. п. Об этих гласных см. в гл. IV.

зависимом характере признака огубленности гласных нена-
 чальных слогов. Там, где нет «губного притяжения», огуб-
 ленные гласные в неначальных слогах просто не встречаются¹⁹, и, следовательно, говорить о фонологическом противо-
 поставлении по этому признаку не приходится.

Как явствует из приведенных выше примеров, сочетания
-da, *-dä*, *-do*, *-dö*, несмотря на материальные различия в их
 огласовке, представляют собой фонетические варианты одно-
 го и того же аффикса — показателя местного падежа. Сле-
 довательно, входящие в них гласные *a*, *ä*, *o*, *ö* не обладают
 способностью различать звуковые оболочки морфем. То же
 можно сказать и о гласных *y*, *i*, *u*, *ü* в составе, например,
 аффикса винительного падежа: *-ny* (*-dy*, *-ty*), *-ni* (*-di*, *-ti*), *-ni*
 (*-du*, *-tu*), *-nü* (*-dū*, *-tū*). И только в том случае, если мы со-
 поставим между собой два ряда гласных: 1) *a*, *ä*, *o*, *ö* и
 2) *y*, *i*, *u*, *ü*, мы найдем, что между ними существует фоно-
 логическое противопоставление, ср. кирг.:


Местный падеж

Винительный падеж

malda 'у скота'

maldy 'скот'

bäldä 'на поясице'

bäldi 'поясицу'

goldo 'в руке'

goldu 'руку'

köldö 'в озере'

köldü 'озеро'

Таким образом, в неначальных слогах приходится конста-
 тировать наличие всего двух самостоятельных вокалических
 единиц, противопоставление между которыми зиждется на
 единственном релевантном признаке — признаке раствора.
 Поэтому указанные единицы целесообразно обозначать как
 «широкую» и «узкую».

Обратимся теперь к вопросу о фонологическом «ранге»
 названных вокалических единиц и об их месте в общей па-
 радигматике тюркских гласных. В лингвистической литературе
 этот вопрос трактуется по-разному.

По мнению некоторых языковедов, все гласные неначаль-
 ных слогов, чередующиеся в силу гармонии, суть самостоя-
 тельные фонемы, идентичные тем, которые различаются в
 начальном слоге. Это по существу означает следующее. По-
 скольку в начальном слоге какие-либо гласные (например,
a и *ä* в корнях *bar-* 'идти' и *bär-* 'дать') представляют собой
 отдельные фонемы, то и в неначальных слогах материально
 сходные с ними гласные (например, *a* и *ä* в вариантах аф-
 фикса множественности *-lar* и *-lär*) следует рассматривать

¹⁹ См. предыдущее примечание.

как те же самые фонемы. Правда, в последнем случае эти фонемы находятся в отношении «зависимой альтернации»²⁰.

Однако согласиться с приведенным взглядом на тюркский вокализм вряд ли возможно. Ведь единственным основанием для фонематической идентификации гласных начального и неначальных слогов служит для названных авторов, по-видимому, факт материального сходства этих гласных. Между тем физическое тождество звуков само по себе отнюдь не может служить критерием тождества фонематического. Оно представляет собой лишь сопутствующее обстоятельство, поскольку фонема — это прежде всего единица функциональная. Функциональное же неравенство гласных начального и неначального слогов не подлежит сомнению. Еще в 20-х годах В. А. Богородицкий²¹ и Г. Алпаров²² утверждали, что количество основных «звуковых типов» гласных, функционирующих в указанных позициях, неодинаково: в начальном слоге их насчитывается восемь, а в неначальных — всего два. Полную ясность внес в этот вопрос Н. С. Трубецкой. По его мнению, все восемь тюркских гласных фонем, образуемых комбинацией трех основных вокалических дифференциальных признаков (раствор, ряд, огубленность), различаются только в начальном слоге. В неначальных же слогах оппозиции по признакам ряда и огубленности нейтрализованы. Поэтому здесь выступают всего две вокалические единицы, представляющие собой по отношению к гласным начального слога архифонемы, которые противопоставлены друг другу только по признаку раствора. Реализация каждой из этих архифонем в определенных комбинаторных (т. е. сингармонических) условиях материально совпадает с теми или иными самостоятельными фонемами начального слога, но отнюдь не идентична им фонематически. Таким образом, по Н. С. Трубецкому, тюркский вокализм состоит из двух «частных систем» (мы употребляем термин подсистемы), отличающихся друг от друга не только по составу единиц, но также и по их функциональной «ценности»²³. Концепция Н. С. Трубецкого в той или иной мере практически разделяется в настоящее время большинством тюркологов²⁴.

Как видим, строение подсистемы тюркского вокализма неначальных слогов специализировано с точки зрения гармонии

²⁰ См. Novák, стр. 84; ср. также аналогичную точку зрения: Зиндер (2).

²¹ См. Богородицкий (2), стр. 65; Богородицкий (3), стр. 112.

²² См. Алпаров, стр. 118.

²³ См. Trubetzkoy, стр. 44 и сл.; Трубецкой, стр. 109, 118, 266—267.

²⁴ См. Voegelin, стр. 36; Батманов (1), стр. 77; Баскаков (2), стр. 24, 48; Krámský, стр. 118.

гласных еще в большей степени, чем строение вокализма начального слога (см. выше). Это сказывается и на общей конфигурации подсистемы, и на природе оппозиции внутри нее. Поскольку дифференциальным в этой подсистеме является только признак раствора, она относится к так называемому линейному типу, вообще встречающемуся весьма редко²⁵. Излишне доказывать, что столь просто устроенная система, включающая всего две единицы и, следовательно, одну единственную оппозицию, не может не быть предельно «стройной» и «прозрачной», несмотря даже на то что упомянутая оппозиция является хотя и одномерной, но постоянной (ибо противопоставление по признаку раствора в тюркских языках, как правило, вообще не нейтрализуется) и изолированной (в силу самой своей единичности).

Б. Гармония гласных как явление синтагматического плана

Как должно быть ясно из предыдущего изложения, фонологическая сущность гармонии гласных в любом тюркском языке сводится к тому, что реализация обеих гласных архифонем неначальных слогов в той или иной мере обусловлена определенными сторонами качества огласовки начального слога.

Однако конкретное распределение отдельных репрезентантов гласных архифонем неначальных слогов относительно огласовки начального слога в разных тюркских языках неодинаково. Так, например, в киргизском языке наличие фонемы *o* в начальном слоге слова предполагает, что в последующих слогах «широкая» архифонема представлена своим аллофоном *o*, а «узкая» — аллофоном *u* (ср. *goldor* 'руки' — *qolu* 'его рука'); в тувинском языке в тех же условиях фигурируют соответственно аллофоны *a* и *u* (ср. *goldar* — *qolu*); в алтайском — соотношение огубленных и неогубленных аллофонов обратное (ср. *goldor* — *qoly*, правда, последнее факультативно)²⁶; наконец, в казахском языке «широкая» архифонема всегда, а «узкая» — в одной из разновидностей произношения представлены неогубленными аллофонами (ср. *goldar* — *qoly*).

Детальный анализ подобных различий представляется весьма важным, ибо без него картина гармонии гласных того или иного языка была бы неполной. Кроме того, мы пола-

²⁵ См. Трубецкой, стр. 109.

²⁶ Фактические сведения о гармонии гласных в алтайском и некоторых других тюркских языках подчерпнуты нами из работы: Исхаков (3).

гаем, что такой анализ может пролить свет и на некоторые проблемы исторической эволюции гармонии гласных.

Ниже мы позволим себе предложить способ формального описания существующих систем гармонии гласных (в тюркских языках). При разработке этого метода мы исходили из следующих общих соображений.

Во-первых, так называемое «губное притяжение» в тюркских языках не есть некая механическая накладка на «нёбное притяжение». Каковы бы ни были взаимоотношения между этими явлениями в плане генезиса (т. е. возникли ли они одновременно или разновременно, наслоившись одно на другое), в своем настоящем виде они представляют собой единое целое — гармонию гласных вообще²⁷. Поэтому раздельное описание «нёбной гармонии» и «губной гармонии», принятое во многих специальных работах²⁸, нам кажется необоснованным.

Во-вторых, поскольку имеется в виду «чистая» синхрония, гармонию гласных следует представлять не как событие (например, ассимиляции и т. п.), а исключительно как сеть дистрибутивных отношений.

В основе предлагаемого способа лежит определенная иерархия понятий, относящихся к разным этапам процедуры анализа, resp. к разным ступеням обобщения. Те из применяемых нами терминов, которые не являются общепринятыми, будут оговорены по мере изложения.

1. Сингармонические цепочки

Анализ текста на любом тюркском языке выявляет в нем определенное число регулярно повторяющихся последовательностей гласных начального и неначальных слогов слова. Такие последовательности будем называть сингармоническими цепочками (сокращенно СЦ)²⁹. Так, например, киргизский текст достаточного объема дает нам следующие

²⁷ Ср.: «...говорить о нёбном и губном притяжении как об отдельно действующих процессах нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение» [Дмитриев (2), стр. 17; ср. также Мельников, стр. 44]

²⁸ Из последних работ см., например, Исхаков (3).

²⁹ В настоящем разделе ограничимся анализом сингармонических соотношений только в двухсложных именных словоформах, состоящих из несложного корня и одного из двух словоизменительных формантов: аффикса множественного числа или аффикса принадлежности 3-го лица (случаи использования фактов другого рода будут оговариваться особо). Однако указанное ограничение диктуется исключительно целями простоты изложения, а также стремлением оперировать безусловно сопоставимым материалом. Вообще же, как нам кажется, выдвигаемые ниже положения применимы к любым случаям гармонии гласных в тюркских языках.

шестнадцать СЦ, полностью исчерпывающих³⁰ взаимную сочетаемость гласных в этом языке³¹:

<i>A — a: baštar</i> 'го́ловы'	<i>Ä — ä: bättär</i> 'ли́ца'
<i>A — y: bašy</i> 'его голова'	<i>Ä — i: bätī</i> 'его лицо'
<i>Y — a: qyzdar</i> 'девушки' (мн. ч.),	<i>I — ä: ittär</i> 'собаки' (мн. ч.)
<i>Y — y: quzy</i> 'его девушка'	<i>I — i: iti</i> 'его собака'
<i>O — o: qoldor</i> 'ру́ки'	<i>Ö — ö: köldör</i> 'озе́ра'
<i>O — u: qolu</i> 'его рука'	<i>Ö — ü: kölü</i> 'его озеро'
<i>U — a: quštar</i> 'птицы'	<i>Ü — ö: kündör</i> 'дни'
<i>U — u: qušu</i> 'его птица'	<i>Ü — ü: күнү</i> 'его день'

2. Сингармоническая релевантность

Сопоставляя между собой отдельные СЦ какого-либо тюркского языка, легко заметить, что разные вокалические признаки гласных фонем начального слога играют отнюдь не одинаковую роль в организации сингармонического рисунка слова. С этой точки зрения среди вокалических признаков целесообразно различать сингармонически релевантные и сингармонически нерелевантные³². Под сингармонически релевантными мы подразумеваем такие признаки гласных фонем начального слога, которые влияют на выбор аллофонов данной архифонемы неначальных слогов. Ясно, что сингармонической релевантностью могут обладать в тюркских языках только признаки ряда и огубленности, так как признак раствора в этих языках, как правило, не нейтрализуется, и, следовательно, наличие широкого или узкого гласного в неначальном слоге фонетически не обусловлено.

Сингармоническая релевантность лабиального признака в разных тюркских языках неодинакова. Если, например, в киргизском языке с точки зрения гармонии гласных не безразлично, имеется ли в начальном слоге слова гласная *a* или *o* (ср., например, *baštar* 'го́ловы', но *qoldor* 'ру́ки'), то в казахском языке это не играет никакой роли (ср. соответствую-

³⁰ Если, разумеется, не говорить о случаях sporadического нарушения гармонии гласных, например в заимствованных словах и в некоторых композитах.

³¹ В дальнейшем в схемах гласные начального слога изображаются прописными буквами, а гласные неначальных слогов — строчными.

³² Сингармоническую релевантность необходимо строго отличать от релевантности дистинктивной (обычно называемой просто релевантностью). Последней обладают в тюркских языках все три основных вокалических признака гласных фонем начального слога — раствор, ряд и огубленность (см. выше).

щие: *bastar* и *goldar*). Следовательно, огубленность фонемы *o* начального слога в киргизском языке — сингармонически релевантный признак, а в казахском — сингармонически нерелевантный.

Сингармоническая релевантность вокалических признаков подразделяется на несколько типов, которые могут быть классифицированы на основании двух перекрещивающихся признаков: абсолютная — относительная и комбинаторная — независимая.

Абсолютная — относительная сингармоническая релевантность. Абсолютной мы называем сингармоническую релевантность, которая проявляется независимо от того, какая из двух гласных архифонем («широкая» или «узкая») фигурирует в данном нена начальном слоге. Ср. каз. *qyzdar* 'девушки' (мн. ч.) — *qyzy* 'его девушка (дочь)', *ittär* 'собаки' — *iti* 'его собака', *bastar* 'го́ловы' — *basu* 'его голова', *žärlär* 'зёмли' — *žäri* 'его земля'. Такая релевантность всегда пр суца признаку ряда. Сингармоническая же релевантность признака огубленности в большинстве случаев относительна, так как обычно проявляется только по отношению к какой-либо одной из архифонем нена начальных слогов. Так, например, в киргизском языке гласная *U* начального слога обуславливает выбор огубленного аллофона только «узкой» архифонемы (ср. *qušu* 'его птица'); «широкая» же архифонема в положении после *U* реализуется в неогубленном звучании *a*, т. е. так же, как и в положении после неогубленных гласных *A* и *Y* (ср. *quštar* 'птицы' — *baštar* 'го́ловы' — *qyzdar* 'девушки').

Однако в некоторых случаях лабиальный признак может быть и абсолютно сингармонически релевантным, т. е. определять выбор аллофонов обеих архифонем нена начальных слогов. Таков, например, лабиальный признак киргизской фонемы *Ů*, после которой как «узкая», так и «широкая» архифонемы всегда реализуются в своих огубленных аллофонах (ср. *künü* 'его день' и *kündör* 'дни').

Комбинаторная — независимая сингармоническая релевантность. Иногда сингармоническая релевантность данного вокалического признака проявляется лишь при том условии, что этот признак находится в определенном сочетании с другими вокалическими признаками. Так, в киргизском языке признак огубленности релевантен по отношению к «широкой» архифонеме в двух случаях: либо когда он сочетается с широким раствором (независимо от того, к какому ряду относится данная фонема начального слога), например: *goldor* 'руки', *köldör* 'озёра' — *quštar* 'птицы', либо

когда он сочетается с передним рядом (независимо от признака раствора данной фонемы начального слога), например: *köldör* 'озёра', *kündör* 'дни', но опять-таки *quštar* 'птицы'.

Комбинаторной сингармонической релевантностью обладает в тюркских языках только признак огубленности, что же касается признака ряда, то его сингармоническая релевантность не зависит от того, в каком сочетании он находится с другими признаками.

3. Сингармонические модели

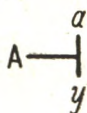
При сопоставлении всех СЦ какого-либо тюркского языка обнаруживается, что в большинстве случаев один и тот же гласный элемент входит одновременно в состав двух или нескольких из них. Так, в киргизском языке фонема *A* начального слога составляет левый компонент двух СЦ (см. стр. 23): *A — a* и *A — u*; аллофон *a* неначальных слогов входит в качестве правого компонента в состав трех СЦ: *A — a*, *Y — a*, *U — a* и т. д. Поскольку это так, любая отдельно взятая СЦ, очевидно, не может исчерпать дистрибутивные возможности каждого из своих компонентов относительно других гласных. Следовательно, для полного описания сингармонической дистрибуции того или иного гласного на уровне СЦ необходимо каждый раз приводить всю совокупность отдельных СЦ, в составе которых данный гласный встречается. Однако подобное описание неизбежно окажется громоздким и неэкономным³³. Гораздо более рациональным нам представляется другой путь: сведение СЦ, обладающих одинаковыми компонентами, к ограниченному числу сингармонических моделей (СМ), каждая из которых полностью регламентирует последовательность гласных в слове при заданной огласовке начального слога³⁴ и, таким образом, может считаться основным понятием и элементарной ячейкой гармонии гласных.

Процесс выявления отдельных СМ данного языка складывается из двух последовательных операций. Прежде всего необходимо обобщить везде, где это возможно, правые

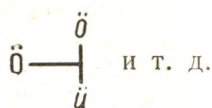
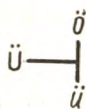
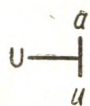
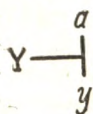
³³ Именно в этом, на наш взгляд, состоит один из существенных недостатков табелярного способа описания «губной гармонии», применяемого некоторыми тюркологами; ср., например: Богородицкий (4), стр. 58—73; Исхаков (3), стр. 156.

³⁴ Разумеется, здесь не принимаются во внимание спорадические нарушения гармонии гласных, например в заимствованных словах, отдельных композитах и несингармонических аффиксах.

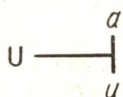
части имеющихся СЦ. Поскольку каждый ненаачальный слог слова в принципе может содержать одну из двух гласных архифонем — либо «широкую», либо «узкую» (причем выбор той или иной из них с точки зрения гармонии гласных является произвольным; он зависит от лексической характеристики морфемы), постольку правая часть любой СМ всегда должна отражать возможные в данном случае аллофоны обеих названных архифонем. Такие аллофоны составляют сингармоническую пару (СП). Если, допустим, анализ текста дает нам две СЦ: $A-a$ и $A-u$, левые части которых совпадают, а правые отличаются только по признаку раствора, то мы можем обобщить обе СЦ в единую СМ:



Эта СМ отражает такое положение, при котором после фонемы A начального слога «широкая» архифонема ненаачальных слогов представлена своим аллофоном a , а «узкая» — аллофоном u (например, кирг. *baštar* 'го́ловы', *bašu* 'его го́лова'). Аналогичным образом в киргизском языке устанавливаются и другие СМ:



В ряде случаев данная СП может соотноситься только с одной определенной фонемой начального слога и не встречается в данном языке ни в каких других сочетаниях. Таковы, например, киргизские СМ:

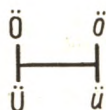


(ср. *quštar* 'птицы' — *qušu* 'его птица', но *goldor* 'руки' — *qolu* 'его рука'). Подобные СМ мы будем называть однок-

значными. Однако гораздо чаще одна и та же СП оказывается общей для двух и более СМ, например в киргизском языке:

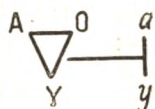


Это означает, что гласные фонемы, представленные в левых частях таких СМ, сингармонически эквивалентны: они обладают одинаковыми сочетаниями сингармонически релевантных признаков и в силу этого обуславливают один и тот же выбор аллофонов каждой из архифонем неначальных слогов (ср., с одной стороны, *köldör* 'озёра' — *kölü* 'его озеро', а с другой — *kündör* 'дни' — *künü* 'его день'). Сказанное дает нам основание обобщить также и левые части СМ и таким образом свести обе СМ в одну:



Эта обобщенная СМ соответствует следующему фактически наблюдаемому в киргизском языке положению: если в начальном слоге слова имеется фонема *Ö* или фонема *Ü* (но никакая другая!), то в неначальных слогах того же слова «широкая» архифонема реализуется в аллофоне *ö*, а «узкая» — в аллофоне *ü*.

В зависимости от числа сингармонически эквивалентных фонем, фигурирующих в левой части СМ, среди последних различаются двух- трех- и четырехзначные. Пример двухзначной модели приведен выше. Трехзначная СМ:



Эта модель свойственна, например, хакасскому языку: ср. *attar* 'лошади' — *ady* 'его лошадь', *tonnar* 'шубы' — *tonu* 'его шуба', *symnar* 'рябчики' — *symu* 'его рябчик'.

Четырехзначные СМ с некоторыми оговорками (см. ниже) можно констатировать в казахском, ногайском и некоторых других языках:



Такая СМ может быть выведена из сопоставления следующих казахских примеров: *bastar* 'го́ловы' — *basu* 'его голова', *goldar* 'ру́ки' — *qoly* 'его рука', *qyzdar* 'девушки' — *qyzu* 'его девушка', *qustar* 'птицы' — *qusu* 'его птица'.

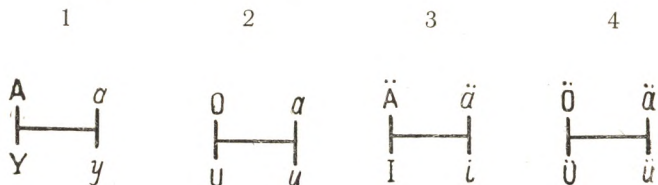
Итак, сингармоническая модель — это присущее данному языку устойчивое соотношение между данной гласной фонемой или несколькими сингармонически эквивалентными гласными фонемами начального слога, с одной стороны, и возможными после них (и только после них!) аллофонами каждой из гласных архифонем неначальных слогов — с другой.

4. Сингармонические системы

Число СМ в разных тюркских языках колеблется от шести до двух. Совокупность всех СМ того или иного языка, а также существующие между ними взаимоотношения составляют сингармоническую систему (СС) данного языка (в ряде случаев СС нескольких тюркских языков совпадают).

Разные СС могут отличаться друг от друга как по своей внутренней структуре, так и по функциональным особенностям.

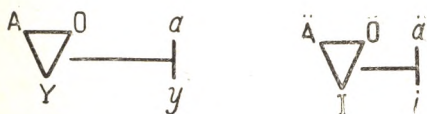
В зависимости от сочетания сингармонически релевантных признаков фонем начального слога, входящих в ту или иную СМ, все СМ данной СС разделяются по классам, количество которых не может превышать четырех: 1 — задние неогубленные, 2 — задние огубленные, 3 — передние неогубленные, 4 — передние огубленные. В качестве примера приведем СС турецкого языка:



Ср.: 1) <i>başlar</i> 'го́ловы'	— <i>başu</i> 'его голова'
<i>qızlar</i> 'девушки'	— <i>quzu</i> 'его девушка'
2) <i>qollar</i> 'ру́ки'	— <i>qolu</i> 'его рука'
<i>quşlar</i> 'птицы'	— <i>quşu</i> 'его птица'
3) <i>järlär</i> 'зёмли'	— <i>järi</i> 'его земля'
<i>itlär</i> 'собаки'	— <i>iti</i> 'его собака'
4) <i>göllär</i> 'озёра'	— <i>gölü</i> 'его озеро'
<i>günlär</i> 'дни'	— <i>günü</i> 'его день'

Четырехклассные СС свойственны подавляющему большинству тюркских языков. Однако группировка СМ по классам, а также внутренняя структура самих классов может быть неодинаковой.

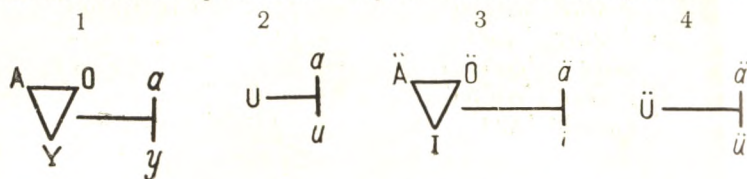
Как уже говорилось выше, при распределении СМ данного языка по классам имеют значение только сингармонически релевантные вокалические признаки фонем начального слога. Поэтому если у какой-либо огубленной гласной фонемы лабиальный признак является абсолютно сингармонически нерелевантным (т. е. не влияет на выбор аллофонов какой бы то ни было из архифонем неначальных слогов), то такая фонема включается в СМ соответствующего (по признаку ряда) неогубленного класса — 1-го или 3-го. Именно таким путем образовались трехзначные СМ типа хакасских:



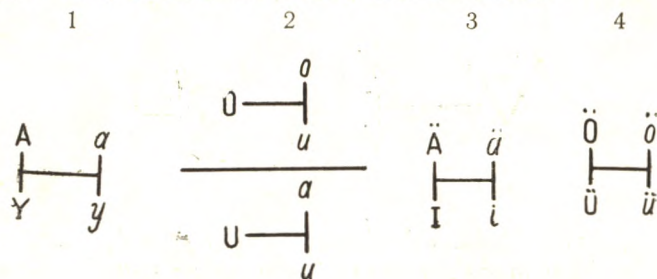
например, *pastar* 'го́ловы' — *pazu* 'его головы', *tonnar* 'шубы' — *tonu* 'его шуба', *symnar* 'рябчики' — *symu* 'его рябчик'; *ärlär*³⁵ 'мужчины' (мн. ч.) — *äri* 'его мужчина' ('ее муж'), *tillär* 'языки' — *tili* 'его язык', *köllär* 'озера' — *köli* 'его озеро'. Естественно, что при этом во 2-м и 4-м классах могут фигурировать лишь однозначные СМ, включающие (соответственно) фонемы *U* и *Ü*, поскольку лабиальный признак этих последних остается сингармонически релевантным (хотя бы и только относительно «узкой» архифонемы неначальных слогов

³⁵ Напомним, что для удобства сопоставления мы изображаем все взаимно корреспондирующие гласные разных тюркских языков одинаковыми знаками. Фактически слово со значением «мужчина» в хакасском языке звучит *ir* (орфогр. *up*).

неразложимой основы³⁶; ср. хак. *puluŋ* 'угол', но *xulax* 'ухо', *kümüs* 'серебро', но *sülän* 'цапля'). Таким образом, СС хакасского языка предстает перед нами в следующем виде:



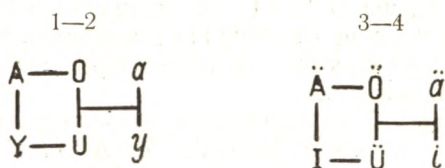
Если две гласные фонемы начального слога, обладающие одинаковыми признаками ряда и огубленности, но различающиеся по признаку раствора, сингармонически не эквивалентны друг другу и если при этом ни одна из них не эквивалентна какой-либо третьей гласной фонеме, то обе образуемые этими фонемами СМ остаются в пределах одного и того же класса, составляя две ступени последнего. Так, киргизские фонемы *O* и *U* не эквивалентны друг другу, поскольку лабиальный признак первой из них обладает абсолютной сингармонической релевантностью (ср. *goldor* 'руки' — *qolu* 'его рука'), а второй — только относительной релевантностью (ср. *quštar* 'птицы' — *qušu* 'его птица'). Поэтому 2-й класс включает две СМ, и сама СС этого языка такова:



Если данная СС содержит все четыре теоретически возможных класса, то ее можно охарактеризовать как полную. Разные структурные варианты СС такого типа, как уже говорилось, свойственны большинству тюркских языков.

³⁶ Имеющиеся в литературе высказывания о губной гармонии в хакасском языке разноречивы. По одним сведениям, действие губной гармонии ограничено лишь неначальными слогами основы [см. Баскаков, Инкижекова-Грекул (1), стр. 373], по другим же в реальном произношении губная гармония распространяется, постепенно затухая, и за пределы основы [см. Исхаков (3), стр. 155]. Так или иначе, мы в данном случае вынуждены отступить от принятого нами правила (см. сноску 29) и использовать в качестве примеров двухсложные хакасские основы.

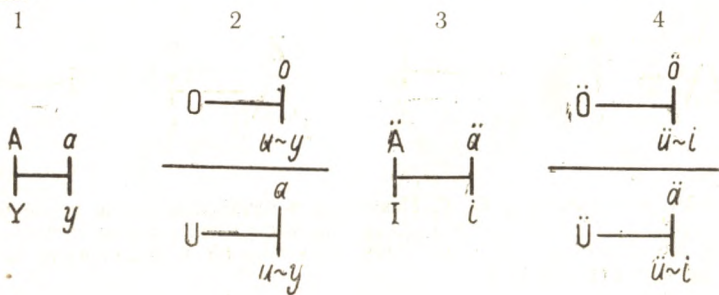
Само собой разумеется, что четырехклассные, т. е. полные, СС возможны лишь при том условии, если сингармонической релевантностью обладают оба локальных признака гласных фонем начального слога — как лингвальный, так и лабиальный (независимо от того, является ли их сингармоническая релевантность абсолютной или относительной, независимой или комбинаторной). Если же сингармоническая релевантность присуща в данном языке только одному, лингвальному, признаку гласных начального слога, то классы 1-й и 2-й, с одной стороны, и 3-й и 4-й — с другой, попарно контактируются, в результате чего образуется двухклассная, или стяженная, СС типа:



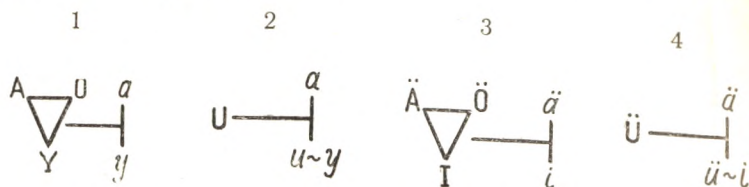
В чистом виде подобная СС ни в одном тюркском языке не наблюдается. Однако к ней явно тяготеют такие языки, как казахский, каракалпакский, ногайский и некоторые другие, в которых сингармоническая релевантность лабиального признака гласных начального слога постепенно исчезает (см. ниже о переходных типах СС).

Остановимся теперь на некоторых функциональных особенностях разных типов СС.

В большинстве случаев все аллофоны гласных архифоном неначальных слогов в пределах каждой СМ данной системы обязательны. Такие СС мы будем называть основными. Однако в отдельных СМ некоторых тюркских языков допустимы факультативные колебания в выборе аллофонов (огубленных или неогубленных), главным образом «узкой» архифонемы. Таковы, например, СМ 2-го и 4-го классов в алтайском языке:

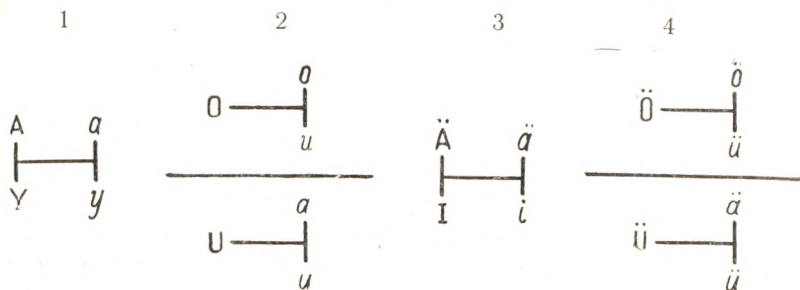


Сходное положение наблюдается в казахском, ногайском и некоторых других языках:

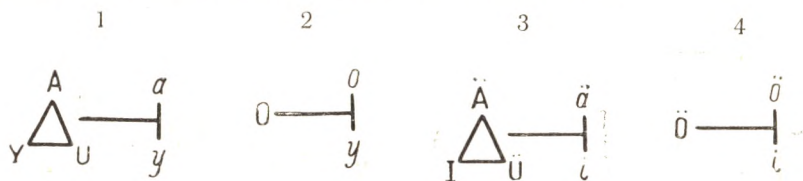


Хотя подобные колебания аллофонов непосредственно проявляются в сфере СМ, они не безразличны и для СС в целом, так как по существу приводят к перестройке структуры последних. Покажем это на примере тех же алтайского и казахского языков.

Когда говорящий по-алтайски произносит: *bozu* 'теленек', *qulun* 'жеребенок', *kömür* 'уголь', *tülkü* 'лиса'³⁷ и т. п., то его речь соответствует четырехклассной СС типа:

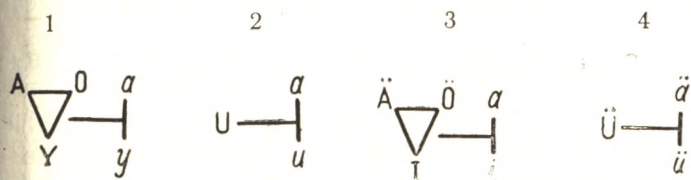


В случае же, если те же самые слова произносятся: *bozu*, *qulun*, *kömir*, *tülki* (что также возможно), то перед нами четырехклассная СС совершенно особого типа:

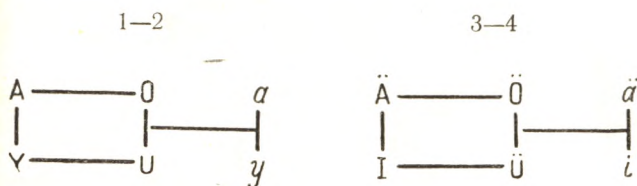


³⁷ По свидетельству Ф. Г. Исакова, в алтайском языке после широких огубленных гласных начального слога огубление узких наблюдается (факультативно) только в пределах двухсложной неразложимой основы [см. Исаков (3), стр. 146].

Еще более радикальную перестройку претерпевает в результате колебания аллофонов СС казахского языка. Если индивид произносит: *künü* 'его день', *qusu* 'его птица' и т. п., то его речь подчиняется закономерности четырехклассной СС типа:



Если же приведенные слова звучат, как *küni*, *qusu* (что вполне допустимо по нормам казахского языка), то сингармонический рисунок речи соответствует СС двухклассного (стяженного) типа:



Исходя из сказанного, системы, включающие СМ с колеблющимися аллофонами, можно квалифицировать как переходные.

Наконец, еще одним классификационным признаком СС можно считать их последовательный или непоследовательный характер. (Этот признак в наших схемах графически не отражен).

Последовательной является такая СС, при которой на протяжении всего слова (сколько бы в нем ни содержалось слогов) действует одна и та же СМ. К подобным моделям относятся все СМ 1-го и 3-го классов (во всех тюркских языках) и только часть СМ 2-го и 4-го классов. Непоследовательность действия остальных СМ 2-го и 4-го классов проявляется в выборе огубленных или неогубленных аллофонов как «широкой», так и «узкой» архифонем; ср. кирг.: *äjlorübäzdö* ~ *äjlorübäzdä* 'в наших домах'³⁸, каз. *tülkünü* ~ *tülküni* 'лису' и т. п. При этом действие указанных СМ в одних языках

³⁸ См. Батманов (1), стр. 72.

распространяется на два-три первых слога слова независимо от морфологической принадлежности этих слогов (например СМ 2-го и 4-го классов в туркменском языке: *oturýuç* 'табуретка', *çörök~çöräk* 'хлеб'³⁹), а в других — только на слоги неразложимой основы (например, СМ тех же двух классов в алтайском: *tozun* 'пыль', но *toštyn* 'льда'; *tülkü* 'лиса', но *küni* 'его день'⁴⁰).

Типы СС, содержащие подобные СМ, мы называем непоследовательными. Не случайно признак последовательности-непоследовательности рассматривается нами на уровне сингармонических систем (а не моделей). Ведь по существу в непоследовательных типах на протяжении многосложного слова действует не одна, а две сменяющие друг друга СС.

Например, в казахском *tülküni* 'лису' соотношение между огласовками начального и второго слогов соответствует четырехклассной СС, а соотношение огласовки начального и третьего слогов — двухклассной (стяженной) СС.

II. ЯВЛЕНИЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С ОСНОВНЫМ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ КОМПЛЕКСОМ ТЮРКСКОГО ВОКАЛИЗМА

Как уже упоминалось, в тюркских языках имеют место явления, находящиеся в резком противоречии с описанным выше структурно-функциональным комплексом вокализма. Указанные явления составляют две группы, каждая из которых образует относительно замкнутую сферу и подчиняется собственным закономерностям:

1) сингармонические варианты и параллелизмы (т. е. спорадические непозиционные колебания огласовки начального слога некоторых корней по любому из трех вокалических признаков — раствора, ряда, огубленности — или по комбинациям этих признаков);

2) современная система тюркской акцентуации и обусловленные ею фонетические явления (редукция предударного вокализма, регрессивная ассимиляция гласных).

Ниже попытаемся выяснить существо противоречий между каждой из названных групп явлений и основным структурно-функциональным комплексом вокализма.

³⁹ См. Исхаков (3), стр. 154.

⁴⁰ Там же, стр. 146.

А. Сингармонические варианты и параллелизмы

Несмотря на то что относящиеся к этому факты давно и неоднократно описывались алтаистами и финно-угроведами⁴¹, в специальной литературе нет единства в терминологии, и сами явления, как нам кажется, рассматриваются недостаточно расчлененно. Поэтому в последующем кратком изложении фактической стороны этих явлений мы позволим себе определить некоторые понятия и оговорить соответствующие термины, которыми предстоит оперировать в дальнейшем.

Чаще всего упомянутые выше колебания в огласовке основ безразличны для смысла, например: к.-калп. *qyral* ~ *qural* 'оружие', тур. *tapa* ~ *tyra* 'затычка', кирг. *čömül-* ~ *čomul-* 'нырять', 'погружаться', каз. *izgi* ~ *äzgi* 'священный', 'заветный' и т. д. Такие случаи мы будем называть сингармоническими вариантами.

Иногда различия в огласовке начальных слогов связаны с определенной семантической дифференциацией основ, например: каз. *änrä-* 'рыдать', 'плакать навзрыд' // *ynura-* 'тихо и протяжно стонать'; кирг. *aqyr-* 'кричать (бранить кого-либо)' // *ökür-* 'кричать (издавать крик)'; тат. *açu* 'горький' // *äči* 'кислый'; башк. *qafnu* 'свекор', 'тесть' // *käjni* 'теща'; тув. *arun* 'лицо' // *ärin* 'губа' и т. д. Для обозначения подобных основ мы используем термин сингармонические параллелизмы⁴².

Кроме внутриязыковых (внутридиалектных) сингармонических вариантов и параллелизмов в тюркских языках имеются также и межъязыковые (междиалектные) варианты (например: каз. *mäni* ~ тув. *mönä* 'вечный'; каз. *žibäk* ~ туркм. *jüpäk* 'шелк'; каз. *kümis* ~ як. *kömüs* 'серебро'; каз. *žumurtqa* ~ тув. *пумурха* 'яйцо'; каз. *tyrna* ~ тур. *turna* 'журавль'; каз. *šom-* ~ тув. *šum* ~ уйг. *čöm-* 'нырять' и т. д.⁴³) и межъязыковые (междиалектные) син-

⁴¹ См.: Schott, стр. 45—46; Schleicher (2), стр. 17; Radloff (1), стр. 64; Grunzel (2), стр. 21—22; Катанов, стр. 35—47; Bang, стр. 6; Владимирцов (2), стр. 126—134; Németh, стр. 94—96; Балашша, стр. 51 и сл.; Баскаков (2), стр. 36—49; Егоров (2), стр. 159—188; Дмитриев (4), стр. 115; Кнекбаев, стр. 143 и сл.; Щербак (1), стр. 25—26.

⁴² Термин «сингармонические параллелизмы» позаимствован у И. Балашша (см. Балашша, стр. 51), но используется нами в более специальном значении.

⁴³ Межъязыковые (междиалектные) сингармонические варианты отличаются от обычных звуковых корреспонденций в родственных языках (таких, как, например, каз. *qol* — тат. *qul* 'рука', каз. *köl* — тат. *kül* 'озеро', каз. *käl* — тат. *kil* 'приходить' и т. д.) тем, что первые лишены какой-либо регулярности. Подробнее об этом см. в следующей главе.

гармонические параллелизмы (например: каз. *žir* 'нитка', 'шпагат', 'шнур' // туркм. *jür* 'веревка', 'канат', 'аркан' // чув. *đer* 'веревка из волоса'; каз. *suluw* 'красивый', 'изящный' // кирг. *sylyq* 'гладкий', 'жеманный', 'деликатный', 'вежливый' и т. п.). Правда, выделение межъязыковых (междиалектных) сингармонических параллелизмов сопряжено с определенными трудностями. Иногда вся совокупность значений двух или нескольких сопоставляемых основ может входить в систему полисемии каждой из них, с той только разницей, что для одной основы данное значение является ведущим, а для другой — периферийным или переносным. Так, например, приведенные выше каз. *suluw* 'красивый', 'изящный' и кирг. *sylyq* 'гладкий', 'жеманный', 'деликатный', 'вежливый' в определенном контексте могут, по-видимому, оказаться синонимами. Подобные случаи трудно отграничить от межъязыковых (междиалектных) сингармонических вариантов. Далее, само собой разумеется, что говорить о сингармонических параллелизмах мы можем только при условии гомогенности сопоставляемых основ. Следует, однако, сказать, что часто гомогенность таких основ является проблематичной, ибо семантические основания для ее констатации обычно не лишены элемента субъективности.

Как мы уже упоминали выше, наличие сингармонических вариантов и параллелизмов противоречит основному структурно-функциональному комплексу тюркского вокализма. Прежде всего это относится к внутриязыковым (внутридиалектным) сингармоническим вариантам. Вопреки общему правилу, по которому признаки ряда, подъема и огубленности являются для гласных начального слога релевантными, в рассматриваемом случае фонологические противопоставления гласных начального слога по этим признакам оказываются нейтрализованными, ибо различия в огласовке сингармонических вариантов безразличны для смысла. Если, например, в казахском *šyr* (*ajna-*) 'кругом (вращаться)' и *šir-* 'гнить', 'разлагаться' гласные *y* и *i* — отдельные фонемы, различающие звуковые оболочки слов и противопоставленные друг другу по признаку ряда, то в сингармонических вариантах казахских *šyl* ~ *šil* 'рябчик' фонематическое противопоставление между теми же гласными, находящимися в аналогичных фонетических условиях, отсутствует и, следовательно, признак ряда не является дифференциальным.

Что же касается сингармонических параллелизмов, то они находятся в противоречии не непосредственно с фонологической структурой тюркского вокализма, а с принципом агглютинации, который, как было сказано, определяет собой и

гармонию гласных и специфику системы гласных фонем. Вопреки принципу агглютинации, согласно которому словообразование, как и словоизменение, происходит путем аффиксации, в случаях сингармонических параллелизмов семантическая дифференциация зависит от различий в звуковом составе основ. Ср., например, с одной стороны, обычное аффиксальное словообразование: каз. *qys-* 'сжимать' — *qysqaš* 'щипцы'; *kürä-* 'сгребать' — *küräk* 'лопата', а с другой — сингармонические параллелизмы с примерно такими же семантическими соотношениями: каз. *tarta-* — деепричастие от глагола *tart-* 'тянуть' // *tärtä* 'оглобля'; *qyl-* 'делать' // *qol* 'рука' // *qul* 'раб'⁴⁴ и т. д.

Таким образом, несмотря на свою относительно широкую распространенность в современных тюркских языках, явления сингармонических вариантов и параллелизмов занимают в фонетико-морфологическом строе этих языков изолированное положение: они не только лишены живой фонетической обусловленности, но и противоречат важнейшим закономерностям названных языков — принципу агглютинации и основному структурно-функциональному комплексу вокализма.

Б. Система тюркского ударения и обусловленные ею фонетические явления

Проблему тюркского ударения по степени ее сложности иногда ставят рядом с проблемой сингармонизма⁴⁵. Однако нужно сказать, что приоритет в этом отношении принадлежит ударению. Если в проблеме сингармонизма спорными являются главным образом вопросы его внутренней сущности и генезиса, то что касается ударения, невыясненной остается до сих пор даже его внешняя, фактическая сторона⁴⁶. Многочисленные суждения о физической природе, типе локализации и о самом существовании словесного ударения в тюркских языках крайне разноречивы и порой диаметрально противоположны друг другу.

Нет необходимости останавливаться здесь на перипетиях дискуссии о тюркском ударении, продолжающейся уже более полувека, так как в ряде работ дается обстоятельное изложение и разбор этой полемики⁴⁷. Для нас в данном слу-

⁴⁴ О соотношении *qyl-* 'делать' // *qol* 'рука' ср.: Гулямов, стр. 381.

⁴⁵ См., например: Севортян (1), стр. 7.

⁴⁶ См. замечание Веглина и Эллингхаузена: «Stress and tone in Turkish is not easy to record» (см. Voegelin, стр. 37).

⁴⁷ См., например, Grönbech, стр. 375—377; Старостов, стр. 98; Рясянен, стр. 33—40; Севортян (1), стр. 127—128.

чае важен лишь тот признаваемый большинством тюркологов факт, что главное динамическое ударение в тюркских языках, как правило, не имеет обязательной связи с начальным слогом слова⁴⁸.

Конфликт между действующей системой тюркской акцентуации и основным структурно-функциональным комплексом вокализма имеет двоякий характер. С одной стороны, в области гласных наблюдается ряд явлений, идущих вразрез с современной локализацией динамического ударения. С другой стороны, фонетические явления, вызываемые к жизни самим ударением, приходят в столкновение с господствующей структурой вокализма.

1. Тюркский фонетический парадокс

Факты первого рода настолько не соответствуют общей закономерности, свойственной большинству других языков, обладающих динамическим ударением, что их совокупность можно было бы охарактеризовать как тюркский фонетический парадокс. В лингвистической литературе отмечалось, что в тюркских языках позиция максимальной дифференциации гласных фонем совершенно не зависит от места экспираторного усиления и определяется исключительно структурными условиями функционирования гласных⁴⁹. Возьмем ли мы, например, казахские словоформы *álma* 'не бери' и *kálmā* 'не приходи' с динамическим ударением на начальном слоге, или *alá*, *kälā* — деепричастия настоящего времени тех же глаголов, имеющие ударение на конечном слоге, — и в том и в другом случае гласные *a* и *ā* в начальных слогах суть разные фонемы, а в неначальных — обусловленные сингармонизмом аллофоны одной и той же фонемы (точнее, архифонемы).

Далее, гласные начального слога в тюркских языках фонетически весьма устойчивы: их качественная характеристика стабильна и лишь в очень небольшой степени подвержена воздействиям со стороны фонетического окружения. Напротив, гласные неначальных слогов характеризуются значительно меньшей устойчивостью. Знаменательно, что указанная черта присуща, в частности, и гласным конечного слога, т. е. именно тем, на которые чаще всего приходится главное динамическое ударение. Эти гласные легко изменяют свое качество (причем изменение может происходить и по признаку

⁴⁸ Это мнение оспаривалось, насколько нам известно, только Куношем [см. изложение его взглядов в работе: Grönbech, стр. 375] и Ракеттом (см. Raquette).

⁴⁹ См.: Jakobson (2), стр. 4; Трубецкой, стр. 267.

раствора — единственному релевантному признаку гласных неначальных слогов, например: шорск. *āra* ~ *āry* 'туда'⁵⁰, сокращаются количественно (ср. туркм. *juqā* 'тонкий' и т. п.⁵¹), а в ряде случаев и совсем выпадают (ср. сокращение турецких глагольных основ: *qoq*- < *qoqi*- 'пахнуть', *qaz*- < *qazy*- 'копаться' и т. п.⁵²). Фонетическая неустойчивость гласных 'конечного слога проявляется в явлении синкопы узкого гласного во втором закрытом слоге ряда основ при наращении аффиксов (ср. каз. *awuz* 'рот' — *awzum* 'мой рот', *oryn* 'место' — *ornumuz* 'наше место' и т. п.), а также в том, что при возникновении хиагуса на стыке слов стяжение, как правило, происходит за счет именно конечного гласного предшествующего слова (например, каз. *alt(y)aj* 'шесть месяцев', *sar(y)at* 'гнедой конь', *žuyjrm(a)üş* 'двадцать три' и т. п.).

2. Редукция и регрессивная ассимиляция предударных гласных

К фонетическим явлениям, обусловленным ударением и в свою очередь находящимся в противоречии с системой тюркского вокализма, следует отнести, во-первых, редукцию предударного вокализма и, во-вторых, регрессивную ассимиляцию гласных («умлаут»).

Хотя, по общему признанию, редукция неударных гласных в тюркских языках не столь интенсивна, как например, в русском³ (что связано с относительной слабостью экспираторного ударения), все же она, несомненно, имеет место, причем, что для нас особенно важно, она затрагивает и гласные начального слога. В первую очередь редукции подвергаются узкие гласные, которые в тюркских языках вообще обладают меньшей длительностью, чем широкие. Многочисленные примеры редукции узких гласных начального слога можно привести на материале любого тюркского языка⁵⁴. В ряде случаев длительность неударного узкого гласного в начальном слоге настолько сокращается, что он практически перестает существовать. Это, между прочим, было отражено и в действовавшей до недавнего времени каракалпакской орфографии: *блим* (вместо *билим*) 'знание', *бри* (вместо *бири*) 'один из них' и т. п.

⁵⁰ См. Дыренкова, стр. 8—9.

⁵¹ См. Исхаков (2), стр. 66.

⁵² См. Дмитриев (5), стр. 266.

⁵³ См.: Алекберли, стр. 69, 84; Киссен, стр. 153, 221; Степанова, стр. 86—92; Севортян (1), стр. 142; Убрятова (2), стр. 40.

⁵⁴ См.: Билялов, стр. 371; Пальмбах, стр. 136; Севортян (2), стр. 23; Дмитриев (6), стр. 281; Исхаков, Пальмбах, стр. 208—216.

Редукция неударных гласных имеет в тюркских языках главным образом количественный характер и, как правило, не приводит к смешению фонем. Однако сам факт распространения редукции на гласные начального слога не лишен фонологического интереса, так как знаменует собой следующее парадоксальное положение: позицией максимальной фонематической дифференциации гласных служит начальный слог, которому принадлежит и главенствующая роль в определении звукового облика слова; позицией же наиболее полного выявления фонетических (материальных) особенностей гласных является конечный (особенно открытый) ударный слог⁵⁵. Но в отдельных случаях редукция неударных гласных ведет и к нейтрализации фонологических противопоставлений, правда, не в первых слогах слова. Мы имеем в виду редукцию неударных гласных срединных открытых слогов уйгурского языка, в результате которой на месте широких гласных *a*, *ə* появляются узкие *i*, *u*, *ü*, например: *bala* 'ребенок' — *balisi* 'его ребенок'; *kemə* 'лодка' — *kemilər* 'лодки'; *bolma-* 'не быть' — *bolmuğan* 'не бывший', *tögə* 'верблюд' — *tögülär* 'верблюды'. Здесь единственный релевантный признак гласных фонем неначальных слогов — признак раствора — оказывается нейтрализованным.

Регрессивная ассимиляция гласных наблюдается во всех тюркских языках⁵⁶, но в большинстве из них она представлена лишь спорадически, главным образом, в композитах типа *bägün* (< *bu күн*) 'сегодня', *bu yıl* (< *bu yıl*) 'в этом году', а также в немногих производных словах вроде киргизского *ökö* (< *äki + äw*) 'двое' и т. п. Только в современном уйгурском языке и в некоторых («уйгуризированных») говорах узбекского языка⁵⁷ регрессивная ассимиляция гласных представляет собою целостную систему и проявляется регулярно.

Внешне уйгурский умлаут состоит в следующем:

если во втором слоге слова имеется гласный *i* (который сам не является результатом редукции — см. выше), то в начальном открытом неударном слоге гласные *a*, *ə* заменяются гласным *e*, например: *baq-* 'смотреть', присматривать', но *beqim* 'присмотр', 'забота', *kəs-* 'резать', 'пилить', но *kesil-* 'быть срезанным, распиленным';

если во втором слоге слова имеется гласный *u* или *ü* (также не являющийся результатом редукции), то в на-

⁵⁵ О последнем см.: Богородицкий (3), стр. 113; Севортян (2), стр. 17.

⁵⁶ См. Ряснянен, стр. 70 и сл.

⁵⁷ См. Боровков (1), стр. 29—30.

чальном слоге гласные *a* и *ə* заменяются соответственно гласными *o*, *ö*, например: *ač*- 'открывать', но *očiŋ* 'открытый', *jə*- 'есть', 'кушать', но *jödüz*- 'кормить'.

Противоречие между умлаутом и гармонией гласных состоит в противоположном по своему характеру распределении доминирующего и зависимого элементов: гласный начального слога, служащий для гармонии определяющим, в результате умлаута сам оказывается зависимым от другого гласного. Кроме того, умлаут противоречит также и господствующей системе гласных, так как ведет к нейтрализации противопоставлений между гласными начального слога. Об этом свидетельствуют такие омоформы, возникшие в результате умлаута, как, например, уйгурские имена действия *etiš* от глагола *at*- 'стрелять' и *etiš* от глагола *ət*- 'закрывать', *čečiš* от глагола *čač*- 'сеять' и *čečiš* от глагола *čəč*- 'развязывать', 'распутывать', *beriš* от глагола *bar*- 'идти' и *beriš* от глагола *bər*- 'давать' и т. п. Ср. также омофонию корней: *oč-ıq* (<*ač-ıq*) 'открытый' и *oč*- 'гореть' и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотренный в этой главе материал убеждает нас в том, что весь строй современного тюркского вокализма пронизан внутренними противоречиями. Принцип гармонии гласных и строение системы гласных фонем находятся в резком несоответствии с действующими нормами акцентуации и в то же время сами нарушаются многочисленными случаями сингармонических вариантов и параллелизмов.

Поскольку с точки зрения синхронии сосуществование рассматриваемых явлений необъяснимо, остается допустить, что они представляют собой отложения разных периодов типологической эволюции тюркских языков. Приняв такое предположение в качестве рабочей гипотезы, мы в последующих главах попытаемся разместить указанные явления во временной перспективе и выяснить морфо-фонологические условия их генезиса.

Так как относительный возраст явлений последней группы (т. е. связанных с современной системой ударения) не представляет проблемы, они здесь специально не рассматриваются. Остальные же группы явлений мы располагаем в такой последовательности, которая, с нашей точки зрения, оправдывается результатами исследования: 1) сингармонические варианты и параллелизмы; 2) основной структурно-функциональный комплекс тюркского вокализма.

ГЛАВА II

О «ПРОТОАЛТАЙСКИХ» ЯВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ТЮРКСКОМ ВОКАЛИЗМЕ (СИНГАРМОНИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ И ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ)

Хотя сингармонические варианты и параллелизмы уже давно привлекают к себе внимание многих алтаистов и финно-угроведов, до сих пор в науке отсутствует обстоятельное описание этих явлений, что значительно затрудняет их изучение в генетическом плане. Тем не менее в специальной литературе высказывался целый ряд разных предположений о происхождении рассматриваемых фактов. Все эти суждения можно свести к двум основным концепциям. Согласно одной из них, сингармонические варианты и параллелизмы возникли благодаря определенным внутренним или внешним причинам в условиях современного состояния тюркских языков; по мнению других исследователей, эти явления восходят к тому или иному предшествующему этапу типологической эволюции тюркских языков¹. Обе указанные точки зрения варьируются в довольно широких пределах. Это зависит, во-первых, от того, какое именно из рассматриваемых явлений — сингармонические варианты или сингармонические параллелизмы — находится в центре внимания исследователя, и, во-вторых, от того, какие конкретные факторы принимаются за причины возникновения этих явлений.

Следует оговорить, что под современным строем или состоянием тюркских языков мы понимаем типологию, характеризующуюся следующими основными признаками: агглютиацией суффиксального типа и прогрессивной гармонией гласных, действующей в пределах одноосновного слова.

¹ Ссылки на авторов приводятся ниже, при анализе соответствующих концепций.

Должно быть ясно, что в таком понимании строй тюркских языков является «современным» на всем протяжении своей письменно засвидетельствованной истории, т. е. по крайней мере с V в. н. э. Однако даже а priori можно полагать, что подобный внутренне согласованный комплекс морфо-фонологических черт является результатом длительной эволюции и что в истории тюркских языков ему должна была предшествовать целая цепь каких-то других состояний. Для такого предположения имеются и фактические основания, например признаваемое большинством алтаистов происхождение аффиксов из первоначально самостоятельных слов, а также некоторые другие, о которых речь будет ниже. Таким образом, под «предшествующим» этапом типологической эволюции мы понимаем те состояния — каковы бы они ни были, — которые существовали до сложения указанного комплекса морфо-фонологических особенностей, составляющих основу современного строя тюркских языков.

В настоящей главе мы рассмотрим обе упомянутые выше концепции в вопросе об условиях возникновения сингармонических вариантов и параллелизмов и, исходя из главнейших особенностей самих явлений, попытаемся проанализировать степень правомерности каждой из них.

1. ПОЛОЖЕНИЕ СИНГАРМОНИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ И ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ СТРОЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Сингармонические варианты и параллелизмы и комбинаторные изменения гласных

Языковеды, ищущие причины сингармонических вариантов и параллелизмов в условиях современного строя тюркских языков, нередко связывают генезис этих явлений с теми или иными комбинаторными изменениями огласовки начального слога, главным образом с различными ассимилятивными процессами, обусловленными либо окружающими согласными, либо гласными последующих слогов (умлаут)², либо теми и другими вместе.

Однако при этом обращает на себя внимание одно весьма примечательное обстоятельство: по свидетельству самих же авторов, воздействие предполагаемых комбинаторных факто-

² См., например: Radloff (1), стр. 64; Баскаков (2), стр. 41; Рясянен, стр. 70—86; Севортян (1), стр. 58—64; Киекбаев — 143 и сл.; Щербак (1), стр. 25—26; Ramstedt, стр. 163, 182.

ров на вокализм начального слога оказывается чрезвычайно нерегулярным, спорадическим. Так, например, говоря о том, что гласный *у* начального слога по соседству с губным согласным переходит в *и*, М. Рясянен тут же указывает на случаи, когда в аналогичных фонетических условиях налицо обратный переход: *и* > *у*³. То же относится и к переходу *й* в *й*⁴. О переходе *а* > *у* в чувашском языке М. Рясянен пишет: «По Рамстедту этот переход был вызван *ĵ*, *l(l')*, *r(r')*, *j*. Однако наблюдаются случаи, не удовлетворяющие этим условиям... Я думаю, что здесь прав Грёнбек, считавший, что в некоторых случаях указанный переход был вызван *и* (очевидно, наряду с *ĵ*), хотя это правило нельзя применить ко всем случаям»⁵ (разрядка — моя М. Ч.).

Под влиянием согласных *j* и *s'* гласный *а* в чувашском языке переходит, по М. Рясянену, через ступень **и* в *й*. «Но иногда это явление встречается и независимо...»⁶. Перечень аналогичных фактов легко продолжить. Подобную же нерегулярность и непостоянство «комбинаторных чередований» гласных начального слога констатируют и другие тюркологи⁷. Более того, как правило, не удастся определить даже направление таких звуковых изменений, ибо имеющийся материал не дает оснований для установления хронологической последовательности тех или иных вариантов огласовки начального слога⁸.

Остановимся несколько подробнее на гипотезе об «умлаутном» происхождении сингармонических вариантов и параллелизмов в интерпретации Д. Г. Киекбаева, автора одной из последних по времени работ, посвященных специально этому вопросу⁹.

По мнению названного исследователя, сингармонические варианты и параллелизмы (точнее те из них, огласовка которых колеблется по признаку ряда) обязаны своим возникновением изменению гласного начального слога под влиянием гласного *й* последующих слогов, например: башк. *äkrin* < **aqirin* 'тихо'; *hālmäk* < **salimaq* 'увесистый'; *äsi* < **açi* 'горький', 'кислый'; *jäbištir* < **jabištir* 'клеить' и т. п.

³ Рясянен, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 72.

⁶ Там же, стр. 74.

⁷ См.: Батманов (1), стр. 82—84; Севортян (1), стр. 58—64; Ramstedt, стр. 184.

⁸ См.: Рясянен, стр. 53; Егоров (2), стр. 181.

⁹ Киекбаев, стр. 143.

Указанная концепция вызывает ряд возражений. Прежде всего, по логике рассуждений Д. Г. Киекбаева, следует, что первоначально узкие гласные непервых слогов могли относиться только к переднему ряду, иначе говоря, они не подчинялись гармонии гласных. Между тем последовательное небное притяжение засвидетельствовано уже в наиболее ранних памятниках тюркских языков, а также известно подавляющему большинству других алтайских языков.

Правда, некоторые тюркологи высказывали предположение, что гласный *i* первоначально действительно был нейтральным в отношении гармонии гласных¹⁰. Основанием для этого послужил, в частности, тот факт, что в орхоно-енисейской письменности наблюдается непоследовательность в употреблении знаков для палатализованных и непалатализованных согласных, что может быть связано с непоследовательностью и самой гармонии гласных. Например, в памятнике в честь Кюль-Тегина¹¹ наряду с «правильным» написанием *sabytun*¹ 'мою речь' (вин. пад.) встречается и «неправильное» — *sabytun*²; в памятнике в честь Тоньюкука находим столь же «неправильное» написание: *qysajyn*² 'да притесню я'¹² и т. п.

Однако нам кажется, что эти факты могут быть объяснены и без допущения нейтральности гласной *i*. Не подлежит сомнению, что в языке орхоно-енисейских памятников, как и в современных тюркских языках, были сингармонические варианты. Поскольку же гласные переднего и заднего ряда (по крайней мере неогубленные) графически не дифференцировались, то можно предположить, что колебания в огласовке основ (а значит, и целых словоформ) по признаку ряда нашли свое отражение в непоследовательном употреблении знаков для палатализованных и непалатализованных согласных (в том числе и входящих в состав аффиксов). Кроме того, не в пользу гипотезы о первоначально «нейтральном» *i* свидетельствует и сопоставление с другими алтайскими языками. Во всяком случае, как полагал Б. Я. Владимирцов, еще в классическом монгольском языке гласные *i* и *ü* различались¹³. В новоуйгурском «нейтральность» *i* имеет явно вторичный характер.

Далее, из рассуждений Д. Г. Киекбаева вытекает, что умлаут господствовал в тюркских языках уже в древнейшую

¹⁰ См.: Gabain, стр. 45; Ramstedt, стр. 183.

¹¹ В принятой транслитерации орхоно-енисейских памятников непалатализованность согласных обозначается индексом¹ над буквой, а палатализованность — индексом².

¹² См. Малов, стр. 43—44, 71.

¹³ Владимирцов (2), стр. 170—176.

эпоху, во всяком случае до установления последовательной прогрессивной гармонии гласных, распространяющейся также и на узкие гласные (ибо в противном случае на месте гласного *i* непервых слогов в таких словах, как восстанавливаемые Д. Г. Киекбаевым **aqirin* 'тихо', **salimaq* 'увесистый' и т. д., непременно был бы у, который не вызывает никакого умлаута). Между тем, хотя отдельные проявления регрессивной ассимиляции гласных и наблюдаются в разных тюркских языках, в большинстве случаев они имеют спорадический характер и встречаются преимущественно в композитах (каз. *bügün* < *bu(l)kün* 'сегодня'). Систематически же умлаут проявляется, как известно, лишь в уйгурском языке и в некоторых диалектах узбекского языка, т. е. как раз в тех языках, которые в наибольшей степени отошли от общетюркского фонетического типа.

Кроме того, если принять предположение о роли умлаута в изменении огласовки начального слога, остается непонятным, почему умлаут действует не во всех словах, где для этого были достаточные основания, и даже не всегда в одном и том же слове (а ведь именно в результате такой непоследовательности и возникли, согласно этой гипотезе, сингармонические варианты). Почему, например, из первоначального (по Д. Г. Киекбаеву) **salimaq* 'увесистый' в одном случае развилась форма *halmaq* (без умлаута), а в другом — *hālmäk* (с умлаутом)? Ведь и в германских языках, и в уйгурском, которые привлекаются автором для сопоставления, это явление весьма последовательно.

Не объясняет эта гипотеза и того, каким образом изменение огласовки начального слога распространилось со словоформ, имевших в своем составе (в неначальных слогах) гласный *i*, на словоформы, такого звука не имевшие. Иначе говоря, неясно, почему наряду с такими формами, как башк. *sökiš* 'молот', *kāñäši* 'его совет' (по Д. Г. Киекбаеву — из **soqiš*, **qañäši*) существуют и формы *sök* 'бей', *kāñäš* 'совет' и т. п. Ни в уйгурском, ни в германских языках ничего подобного не наблюдается: ср. уйг. *etim* 'моя лошадь', но *at* 'лошадь'; нем. *die Gäste* (< **gasti*) 'гости' (мн. ч.), но *der Gast* 'гость'. Именно поэтому германский умлаут и смог стать одним из смыслоразличительных средств.

Наконец, колебания *a ~ ä* в огласовке сингармонических вариантов башкирского языка коренным образом отличаются от умлаута (например, в уйгурском языке) и в собственно фонологическом плане. С фонологической точки зрения уйгурский умлаут вовсе не приводит к изменению огласовки начального слога по признаку ряда, так как оппозицией по

этому признаку в уйгурском языке является противопоставление *a* — *ə*. Гласный же *e*, появляющийся в результате умлаута как на месте *a*, так и на месте *ə* (ср. *at*- 'стрелять' — *etiš* 'выстрел', *ət*- 'закрывать' — *etiš* 'закрывание'), по отношению к признаку ряда фонологически нейтрален. Правда, в башкирском языке исторически коррелятом фонемы *a* начального слога по признаку ряда является *i* (< *ä*) (ср., например, с одной стороны, др.-тюрк. *qal*- 'оставаться' — *käl*- 'приходить', а с другой — баш. *qal*- 'оставаться' — *kil*- 'приходить'). Однако гласный *ä* в башкирском все же не является нейтральным в отношении признака ряда: находясь в начальном слоге, он требует после себя только гласных переднего ряда. Таким образом, хотя башкирский *ä* начального слога, по-видимому, появился относительно поздно, уже после перехода исконого *ä* в *i*, в корреляции по признаку ряда он занимает ту же «клетку», что и гласный *i*.

Итак, мы видим, что гипотеза об умлаутном происхождении сингармонических вариантов и параллелизмов, так же как и вообще предположение о комбинаторной (в пределах современного строя) природе этих явлений, не в состоянии объяснить многие важные обстоятельства, и в первую очередь — факт нерегулярности и спорадичности действия предполагаемых комбинаторных причин¹⁴.

Б. Сингармонические варианты и параллелизмы и «спонтанные» изменения гласных

Поскольку непосредственной фонетической обусловленности возникновения сингармонических вариантов и параллелизмов в большинстве случаев обнаружить не удастся (в остальных случаях такая обусловленность может быть подвергнута сомнению, так как проявляется, как мы говорили, чрезвычайно нерегулярно), некоторые исследователи объясняют генезис этих явлений разнообразными спонтанными звуковыми изменениями: лабиализацией и делабиализацией¹⁵, расширением и сужением¹⁶, палатализацией и постпалатализацией¹⁷ гласных начального слога.

¹⁴ В докторской диссертации «Фонетика башкирского языка» (1960 г.) Д. Г. Киекбаев говорит, что лишь часть сингармонических вариантов и параллелизмов возникла в результате умлаута, остальные же появились вследствие причин эмоционального порядка. К сожалению, критерии, по которым автор разграничивает эти две категории фактов, изложены не были.

¹⁵ Gabain, стр. 44; Баскаков (2), стр. 41; Егоров (2), стр. 164—165, 184—185.

¹⁶ Gabain, стр. 44; Севортян (1), стр. 124.

¹⁷ Баскаков (2), стр. 33; Севортян (1), стр. 123; Яфаров (1).

Однако это не объяснения, а скорее лишь попытки как-то назвать известные факты. Кроме того, применимость самого понятия «спонтанные изменения» к данному случаю вызывает сомнения.

Во-первых, при анализе соответствующих фактов возникает впечатление, что речь идет лишь о явлениях, причинная обусловленность которых с определенной точки зрения просто остается необъясненной. Об этом прямо говорит Е. Г. Егоров: «Иногда бывает и так, что историческое изменение звуков налицо, но причины его неизвестны. Происшедшее в языке изменение звуков мы констатируем, но объяснить его мы не можем ни влиянием соседних звуков, ни влиянием ударения, ни ослышкой, ни аналогией и пр. Такое изменение звуков — в языкознании принято называть спонтанным...»¹⁸. О необъяснимости большинства случаев колебаний огласовки начального слога как внутри одного и того же языка или диалекта, так и между разными тюркскими языками или диалектами говорит также Е. И. Убрятова¹⁹ и др.

Во-вторых, считать, что сингармонические варианты и параллелизмы суть результат спонтанных звуковых изменений, не позволяет опять-таки факт отсутствия какой-либо последовательности и регулярности в колебаниях огласовки начального слога. В последнем легко убедиться хотя бы на примерах межъязыковых (междиалектных) сингармонических вариантов. Особенно показательны с интересующей нас точки зрения соотношения, существующие между гласными начального слога чувашского языка, с одной стороны, и большинства остальных тюркских языков — с другой. При сопоставлении фактов оказывается, что почти каждому чувашскому гласному в любом другом тюркском языке могут соответствовать — одни реже, другие чаще — большинство присущих ему гласных. Приведем некоторые чувашско-казахские соотношения:

Чувашскому *и* в отдельных казахских словах соответствуют:

a : чув. *xura* ~ каз. *qara* 'черный';

o : чув. *s'ul* ~ каз. *žol* 'дорога'

y : чув. *s'ul* ~ каз. *žyl* 'год';

ö : чув. *kus'* ~ каз. *köz* 'глаз';

ï : чув. *kun* ~ каз. *kün* 'день'.

Чувашскому *ï* в казахском могут соответствовать:

a : чув. *s'üs'* ~ каз. *šaš* 'волосы';

¹⁸ Егоров (2), стр. 171.

¹⁹ Убрятова (2), стр. 39, 51—53.

- ä : чув. *üt* ~ каз. *ät* 'тело', 'мясо';
 o : чув. *pü* ~ каз. *boj* 'рост';
 ö : чув. *küle* ~ каз. *köl* 'озеро';
 u : чув. *s'üxe* ~ каз. *žıqa* 'тонкий'.

Чувашскому *ä* соответствуют:

- o : чув. *täxxär* ~ каз. *toğuz* 'девять';
 ö : чув. *kämräk* ~ каз. *kömir* 'уголь';
 y : чув. *tänla-* ~ каз. *tynda-* 'слушать';
 u : чув. *tär-* ~ каз. *tur* 'стоять';
 ä : чув. *käntäla* ~ каз. *kündiz* 'днем'.

Чувашскому *ë* в казахском соответствуют:

- y : чув. *xër* ~ каз. *qyz* 'девушка';
 i : чув. *ës* ~ каз. *is* 'дело';
 u : чув. *pëlët* ~ каз. *bult* 'облако';
 ä : чув. *tëp* ~ каз. *tüp* 'дно'.

Не менее знаменательны в рассматриваемой связи факты тувинского языка. Тому или иному тувинскому гласному начального слога в ряде случаев также может соответствовать в отдельных словах других тюркских языков большинство гласных, вообще возможных в данной позиции. Покажем это на примере некоторых тувинско-казахских соотношений. Тувинскому *y* в казахском соответствуют:

- y : тув. *qyzyl* ~ каз. *qyzyl* 'красный';
 i : тув. *dyl* ~ каз. *til* 'язык';
 u : тув. *sylyts* ~ каз. *žıldyz* 'звезда';
 ä : тув. *myjys* ~ каз. *mäjiz* 'рог';
 a : тув. *qyryn* ~ каз. *qaryn* 'живот';
 o : тув. *čyrā* ~ каз. *žorğa* 'иноходец'.

Вместе с тем нет оснований полагать, что в тувинском языке весь общетюркский вокализм начального слога закономерно совпал в гласном *y*, ибо, например, казахскому *y* в тувинском может соответствовать кроме *y* (см. пример выше) также и гласный *i*: ср. каз. *yt* ~ тув. *im* 'жест', 'знак' и т. п. Не удастся найти также и комбинаторного обоснования приведенных выше соотношений.

Подобная же непоследовательность наблюдается и в соотношениях казахского и татарского, казахского и башкирского языков, например:

- каз. *žajyl* ~ тат. *jäjl* 'лето', но
 каз. *tätti* ~ тат. *tatly* 'сладкий';
 каз. *ajran* ~ баш. *ajran* 'молочный напиток', но
 каз. *ajt-* ~ баш. *äjt-* 'сказать' и т. п.

Перечень подобных фактов легко продолжить. Правда, в литературе имеются попытки выявить определенную закономерность указанных соотношений, установить их зависимость от таких факторов, как, например, первоначальные долготы²⁰, позиция относительно ударения²¹, эмоциональный момент²², разнообразные самопроизвольные «тенденции»²³ и т. п. Но такого рода попытки обычно сопровождаются столь многочисленными оговорками об исключениях, нерегулярности предполагаемых историко-фонетических процессов, что сами постулируемые закономерности по существу сводятся на нет.

Уязвимость гипотез о спонтанном происхождении сингармонических вариантов и параллелизмов можно показать на примере попытки применить к данному случаю теорию «опереднения» звуков в тюркских языках. В частности, мы имеем в виду диссертацию и статью Л. И. Яфарова²⁴.

Ссылаясь на известное положение С. Е. Малова (высказанное по совершенно другому поводу) о действующей в тюркских языках тенденции опереднения звуков, автор пытается объяснить на основании этого положения такие факты, как колебание огласовки начального слога по признаку ряда в татарском языке (типа *az* ~ *äz* 'мало', *aqrın* ~ *äkrin* 'тихо' и т. п.), а также наблюдаемое в некоторых словах соответствие гласных переднего ряда в татарском языке гласным заднего ряда в других тюркских языках (тат. *jäš* ~ каз. *žas* 'молодой'), т. е., по нашей терминологии, внутриязыковые и межъязыковые сингармонические варианты.

Согласно этой гипотезе, во всех указанных случаях изначальными следует считать варианты с огласовкой заднего ряда, которая, по Л. И. Яфарову, вообще превалировала в древних тюркских языках. В дальнейшем благодаря тенденции опереднения гласные заднего ряда сменялись соответствующими гласными переднего ряда, причем в одних случаях заднерядный вариант окончательно вытеснялся (*köp* 'много', *jäš* 'молодой', *jänä* 'еще' и т. п.), а в других — продолжал существовать наряду с переднерядным (*aqrın* ~ *äkrin* 'тихо', *az* ~ *äz* 'мало', *ač-* ~ *äč-* 'открыть', *maču* ~ *mäči* 'кошка' и т. п.).

Прежде всего вызывает возражение то, как объясняет Л. И. Яфаров факт нерегулярности предполагаемого изменения. По его мнению, имеются две причины, препятствовавшие

²⁰ См., например: Поливанов (1), стр. 152; Егоров (2), стр. 159.

²¹ См.: Ramstedt, стр. 7; Егоров (2), стр. 159, 162.

²² Егоров (2), стр. 160.

²³ Там же, стр. 184—186.

²⁴ Яфаров (1); Яфаров (2).

всеобщему распространению этого процесса. Это, во-первых, семантика слова: «Если та или иная тенденция может задеть семантику слова, то она прекращает свое действие»²⁵. Здесь имеется в виду омонимическое отталкивание (*bar-* 'идти' — *bār-* 'бросить', 'ударить' и т. д.). Во-вторых, опереднению «противопостоит тенденция сохранения устойчивости, а также закреплённая и усвоенная веками языковым коллективом гармония и благозвучие твердо произносимых слов. Например, было бы весьма неуклюже и грубо произносить слова: *jalʔan* (ложь), как *jālgān*; *jala* (клевета) — *jālā*; *aŋly* (сознательный) — *āŋli*; *taqta* (доска) — *tāktā*; *topas* (грубый) — *tōpās*; *jalan* (степь, поле) — *jālān* и т. д.»²⁶.

Вторую из указанных причин следует сразу же решительно отвергнуть, ибо само восприятие «благозвучности» и «гармонии» в каждом конкретном случае не может определяться ничем иным, кроме языкового узуса, а этот последний зависит в первую очередь от собственно языковых закономерностей: «благозвучным» кажется то, что привычно и закономерно для данного языка (если не говорить об очень ограниченной группе табуированной лексики).

Что же касается первой причины, то она в отдельных случаях, могла конечно, затормозить или приостановить процесс опереднения. Однако многочисленные примеры из самых различных языков свидетельствуют о том, что опасность появления омонимии (как лексической, так даже и грамматической) чаще всего отнюдь не представляет непреодолимого препятствия на пути сколько-нибудь значительного и глубокого фонетического процесса (каким, по Л. И. Яфарову, и является процесс опереднения). Достаточно сослаться хотя бы на факт совпадения в русском языке гласных *ѣ* и *е*, имевшего тотальный характер, несмотря на то что в ряде случаев оно привело к возникновению омонимов: *есть* (< *ѣсти*) — кушать и *есть* — имеется; *несѣмъ* — императив 1-го л. мн. ч. — *несемъ* — индикатив 1-го л. мн. ч. (в дальнейшем две последние формы перестали различаться не только фонетически, но и по значению, в связи с утратой форм 1-го лица императива. Но ср. соответствующие украинские *несімо* — *несемо*); *некогда* (< *нѣкогда*) — когда-то и *некогда* — недосуг и т. п.

Таким образом, факт нерегулярности и непоследовательности процесса опереднения остается в концепции Л. И. Яфарова по существу необъясненным.

Против гипотезы опереднения свидетельствует еще одно важное обстоятельство. В большинстве современных тюрк-

²⁵ Яфаров (1), стр. 11. Транскрипция заменена мною. — М. Ч.

²⁶ Там же.

ских языков слова с огласовкой переднего ряда составляют примерно только одну треть общего числа слов. Произведенные нами подсчеты по словарям показывают следующее: в казахском языке из числа 5000 рассмотренных слов около 1500 ($\approx 30\%$) оказались словами с огласовкой переднего ряда; в киргизском из того же количества слов огласовкой переднего ряда обладает 1650 слов, т. е. 33% . Эти данные хорошо согласуются и с результатами подсчетов, производившихся Е. Г. Егоровым для чувашского языка²⁷, где слова с огласовкой переднего ряда составляли примерно 30% (454 слова из 1500 рассмотренных). Подобное соотношение слов с огласовкой переднего и заднего ряда в тюркских языках уже само по себе ставит под сомнение факт «тенденции к опереднению» (в отношении гласных), ибо если бы такая тенденция действительно существовала, то слова с огласовкой переднего ряда уже давно количественно преобладали бы в лексике тюркских языков. Еще более знаменательными представляются в этой связи данные подсчетов по языку орхонских памятников. По логике рассуждений Л. И. Яфарова казалось бы, что в древнетюркском языке число слов с огласовкой переднего ряда должно было быть значительно меньшим, чем в современных тюркских языках.

В действительности же из 1000 учтенных нами слов (по словарю в книге С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности») огласовкой переднего ряда обладают 400 слов, т. е. 40% . Анализ же текста (Малая надпись памятника в честь Кюль-Тегина) дает еще более высокий процент слов с огласовкой переднего ряда — более 45% (187 слов из общего числа 453). Как видно, количество таких слов в современных языках не только не выше, но даже несколько ниже, чем в древнетюркском.

Таким образом, попытки объяснить возникновение сингармонических вариантов и параллелизмов какими-либо «спонтанными» звуковыми изменениями также приходится считать неудовлетворительными. И прежде всего потому, что они не учитывают факт отсутствия регулярности в колебаниях огласовки начального слога. Ведь если в данном языке имеется тенденция к перестройке фонетической системы в целом или в какой-то ее части, то эта тенденция должна проявляться тотально, т. е. во всех без исключения словах, в которых налицо одна и та же фонетико-морфологическая ситуация. Признание обязательной регулярности подоб-

²⁷ Егоров (1), стр. 43.

ных процессов, а следовательно, и порожденных ими звуковых соответствий является, как известно, одним из краеугольных камней сравнительно-исторического языковедения, оно полностью принято также и современной диахронической фонологией²⁸. Любое нарушение указанной регулярности в конце концов находит свое более или менее убедительное объяснение, а если таких нарушений обнаруживается в каком-либо случае слишком много, то и само соответствие признается несуществующим. В последнем случае речь может идти не о фонетическом процессе, а лишь об индивидуальной истории отдельных слов. Не подлежит сомнению, что и по отношению к интересующим нас фактам говорить о «спонтанных изменениях звуков», о «звуковых соответствиях» и т. п., иными словами, о тенденциях и закономерностях фонетической системы как таковой можно было бы только при наличии упомянутых выше условий. Но их, как мы видели, в рассматриваемых случаях нет.

Разумеется, все сказанное отнюдь не означает, что между тюркскими языками вообще отсутствуют регулярные соответствия гласных начального слога. Достаточно напомнить хотя бы о фактах соответствия гласным *i, u, ä* татарского и башкирского языков гласным *ä, o, ö* большинства других тюркских языков (ср. тат., баш. *kil* — каз. *käl* — 'приходить'; тат., баш. *ul* — каз. *ol* 'он'; тат., баш. *kül* — каз. *köl* 'озеро' и т. п.). Однако подобные случаи не имеют отношения к сингармоническим вариантам и параллелизмам. Они обязаны своим возникновением действительному сдвигу в фонетической системе и именно поэтому абсолютно регулярны.

В. Сингармонические варианты и параллелизмы и смешение диалектных напластований

Отмеченная выше нерегулярность в колебаниях огласовки основ не позволяет согласиться и с теми авторами, которые во внутриязыковых сингармонических вариантах усматривают

²⁸ Здесь уместно напомнить высказывание Ф. де Соссюра о том, что любое фонетическое изменение — это «...обособленное событие, как и все диахронические события, но имеющее своим последствием видоизменение тождественным образом всех тех слов, где встречается данная фонема: в этом именно смысле фонетические изменения абсолютно регулярны... Любое фонетическое изменение, если его только рассматривать правильно, может подтвердить полнейшую регулярность этих трансформаций» (Соссюр, стр. 137). Об обязательной регулярности фонетических изменений см. также: Мартине, стр. 46—47.

результат смешения разных диалектных напластований²⁹.

В самом деле, даже в заведомо скрещенных языках или диалектах (за редчайшими и почти всегда убедительно объяснимыми исключениями) невозможно такое положение, при котором одно слово обладает фонетическими особенностями одного из скрестившихся диалектов, а другое — другого. Трудно представить себе, например, русский говор переходной группы, в котором одно слово имело бы севернорусское оканье и *g* взрывное, а в другом наблюдалось бы южнорусское аканье и *h* фрикативное. Во всяком случае подобный говор находился бы в состоянии весьма неустойчивого равновесия, и в течение достаточно короткого времени в каждой части его системы абсолютно возобладали бы либо одни, либо другие диалектные черты.

Кроме того, следует учесть, что в разных языках тюркской семьи явление сингармонических вариантов представляет весьма сходную картину. Поэтому принятие указанной гипотезы заставило бы допустить, что в образовании большинства или даже всех тюркских языков принимали участие одни и те же диалектные элементы, причем в одинаковых соотношениях. Это, конечно, маловероятно.

Итак, с точки зрения своих фонетических особенностей сингармонические варианты и параллелизмы из условий современного строя тюркских языков невыводимы. Их возникновение в пределах этого строя не удастся объяснить ни изменениями гласных под влиянием комбинаторных или позиционных причин, ни спонтанными звуковыми процессами, ни смешением разнородных диалектных напластований.

II. РЕЛИКТОВЫЙ ХАРАКТЕР СИНГАРМОНИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ И ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ

На основании всего изложенного выше представляется правомерным мнение тех лингвистов, которые видят в существовании сингармонических вариантов и параллелизмов наследие каких-то уже пройденных этапов эволюции строя тюркских языков.

Однако вопрос о типологической природе того состояния тюркских (или предшествовавших им) языков, к которому могут восходить интересующие нас факты, весьма сложен, и мнения на этот счет расходятся.

²⁹ См., например: Баскаков (2), стр. 46—47; Баскаков (4), стр. 118; Севортян (1), стр. 126; Щербак (1), стр. 26; Убрятова (2), стр. 139.

А. Следы «внутренней флексии»?

Согласно одной довольно распространенной гипотезе³⁰, эти явления представляют собой следы «внутренней флексии», которая якобы господствовала в алтайских языках в доагглютинативную эпоху. Сторонники указанной гипотезы исходят из фактов сингармонических параллелизмов, точнее, из той их части, в которой различие огласовки основ проводится по признаку ряда. При этом обычно ссылаются на то, уже давно отмечающееся в науке³¹ обстоятельство, что иногда переднерядная огласовка в таких словах ассоциируется с представлением о «женском, малом, слабом, нежном, тихом», а заднерядная — с представлением о «мужском, большом, сильном, грубом, громком». Подобная закономерность наблюдается главным образом в двух лексических группах.

Во-первых, в словах, обозначающих живые существа, с которыми могут быть связаны понятия о поле и возрасте, например:

письм. монг.: *axa* 'старший брат, старший вообще' // *eke* 'мать, старшая вообще'; *abaj* 'отец' // *ebej* 'мать'; *ajaj* 'отец' // *ejej* 'мать';

маньчж. *хaxа* 'мужчина' // *хехе* 'женщина'; *amila* 'самец' // *emile* 'самка'; *ama* 'отец' // *eme* 'мать';

тунг. *akā* 'старший брат' // *ekō* 'старшая сестра';

тюрк. *ača* 'бабушка' // *äčä* 'тетка'; *açača* 'старший брат' // *ägäči* 'старшая сестра'³² и т. п.

Во-вторых, в звукоподражательных и «образных» словах: каз. *adyrañ-adyrañ* — «образное» слово со значением «петушиться, стремиться показать себя» // *ädiräñ-ädiräñ* — то же, но тише, мягче; *qyrš-qyrš* — звукоподражание резанию, зеванию // *kirš-kirš* — то же, но тише, мягче³³.

Кроме того, различия огласовки по признаку ряда иногда используются для стилистической дифференциации слов, например: халх. *sewgër* 'девушка' (в обыденной речи) // *sawjár* 'дева' (в поэзии); *ja* 'ладно, да' (в обыденной речи) // *je* 'да-с, так-с' (в почтительной речи)³⁴.

³⁰ См.: Владимирцов (2), стр. 133; Санжеев (1), стр. 114—119.

³¹ См., например: Schott, стр. 45—46; Schleicher (2), стр. 17; Захаров, стр. 65, 118; Владимирцов (2), стр. 126—134; Санжеев (2), стр. 37—38; Бертагаев, стр. 105; Цинциус, стр. 44; Балаша, стр. 52; Юнусалиев, стр. 26, 29; Кудайбергенов, стр. 31; Цыдендамбаев, стр. 140—141.

³² См. Владимирцов (2), стр. 126—134.

³³ Примеры любезно подсказаны нам кандидатом филологических наук Ш. Сарыбаевым. В связи со спецификой значений звукоподражательных слов точный перевод их весьма затруднителен.

³⁴ Владимирцов (2), стр. 134.

Основываясь на подобных фактах, некоторые ученые приходят к выводу, что господству агглютинации в алтайских языках предшествовало такое состояние, при котором словообразование и словоизменение осуществлялось путем чередования звуков (в частности, гласных) основы, иначе говоря, с помощью своеобразной «внутренней флексии». Если в одной из своих более ранних статей Б. Я. Владимирцов высказывает эту мысль еще весьма осторожно: «...можно отметить в монгольском языке некоторые следы рода, причем чрезвычайно трудно судить о том, оказывается ли это явление остатком былого состояния языка, или же только известной струей, возникшей в то или другое время под влиянием каких-либо социальных явлений»³⁵, — то несколькими годами позже тот же автор говорит об этом более категорически: «В халхаском такие параллели, как *аххā* 'старший, старший брат' // *еххē* 'старшая, мать', сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам»³⁶. Особенно определенно эта точка зрения высказана Г. Д. Санжеевым, который считает, что первоначально сингармонизм в алтайских языках представлял собой «лексико-фонологическую систему» и служил основным средством словообразования и словоизменения. Лишь впоследствии, не выдержав конкуренции со стороны более совершенной, агглютинативной техники, сингармонизм деградировал до уровня «формально-фонетической системы»³⁷. Такое же мнение в той или иной форме высказывалось и другими алтаистами³⁸.

Однако приведенная гипотеза вызывает серьезные возражения.

Прежде всего, отмеченная выше закономерность наблюдается только в ограниченном круге слов, обладающих специфической семантикой и составляющих лишь очень небольшую часть всех имеющихся сингармонических параллелизмов. К тому же даже и в этом лексическом слое мы находим множество фактов, идущих вразрез с упомянутой закономерностью. Так, например, в некоторых тунгусских названиях степеней родства соотношение огласовки основ, обозначающих лиц мужского пола, и основ, обозначающих лиц женского пола, прямо противоположно указанной выше закономер-

³⁵ Владимирцов (1), стр. 31.

³⁶ Владимирцов (2), стр. 133.

³⁷ Санжеев (1), стр. 114—119.

³⁸ См., например: Боровков (2), стр. 120—123; Севортян (1), стр. 9. Горцевская, стр. 20—28.

ности: *atirkān* 'старуха' // *etirkēn* 'старик'; *atki* 'свекровь', 'теща' // *etki* 'свекор', 'тесть'³⁹.

Как утверждает В. А. Горцевская, такое обратное соотношение огласовки наблюдается в названиях некровных родственников, в то время как в терминах кровного родства соотношение «прямое»⁴⁰. Нарушения указанной выше закономерности имеются также и в тюркских языках. Так, в якутском языке из двух сингармонических параллелизмов *dälbi* // *dalby* 'сильно, до последней степени', значение большей интенсивности передает первый, т. е. имеющий огласовку переднего ряда⁴¹. Аналогичные случаи имеются и в казахском языке, например: *ānrā* 'рыдать, плакать навзрыд' // *ynyra* 'тихо и протяжно стонать'. Кроме того, во многих случаях, особенно в звукоподражательных и «образных» словах, семантическое противопоставление «громкого, сильного» — «тихому, слабому» зависит не от признака ряда огласовки, а от признака раствора. Например, каз. *taltan-taltan* — звукоподражание грузной, размашистой походке // *tyltyn-tyltyn* — звукоподражание семенящей походке; *saldyr-saldyr* — звукоподражание грохоту (езды, посуды) // *syldyr-syldyr* — звукоподражание тихому позвякиванию, журчанию⁴². Ср. также тур. *čarp-* 'бить с силой' // *čyrp-* 'слегка ударять'⁴³ и т. п.

Еще труднее объяснить с точки зрения «внутренней флексии» многочисленные сингармонические параллелизмы, находящиеся вне указанного выше круга слов. Содержание семантического момента, лежащего в основе их смысловой дифференциации, настолько многообразно и расплывчато, что уловить здесь какую-либо закономерность не представляется возможным. В отдельных случаях мы находим противопоставления: действия — орудию (каз. *tart-* 'тянуть' // *tärtä* 'оглобля'), действия — результату (башк. *taraš* 'чесание' // *tārāš* 'чесаный лен или конопля'); антонимов (каз. *ast* 'низ' // *üst* 'верх'); противопоставления понятий, связанных по смежности (баш. *başyr* 'печень' // *bägir* 'сердце, душа'), по функции (каз. *tijin* 'белка' // *tyjyn* 'копейка' — ср. тат. *täjin*, выражающие оба указанных значения; напомним также, что и древнерусское *куна* обозначало пушного зверя и денежную единицу). Если же привлечь факты подобного звукового символизма из неалтайских языков, то можно сослаться и на известную детскую сказку, приводимую Э. Прокошем в качестве «забавной».

³⁹ Цинциус, стр. 44.

⁴⁰ Горцевская, стр. 22, 23.

⁴¹ Убрятова (2), стр. 54.

⁴² См. примечание 33.

⁴³ Севортян (1), стр. 9.

иллюстрации» того, как гласные переднего ряда символизируют «активную заинтересованность в успешном совершении действия», а гласные заднего ряда — «пессимистический взгляд на то, что могло бы совершиться»: «Маленький паровоз пытается подняться на холм и весело приговаривает: *I think I can, I think I can!* Но холм слишком крут, бедный маленький паровоз откатывается назад и печально повторяет: *I thought I could, I thought I could*⁴⁴.

Таким образом, установить более или менее регулярную соотношенность между качеством огласовки сингармонических параллелизмов и какими-либо категориями значений не представляется возможным. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть хотя бы следующую пару слов, как она представлена в трех тюркских языках:

	«кроить», «резать»	«нож»
каз.	<i>piš-</i>	<i>pyšaq</i>
тув.	<i>byž-</i>	<i>bižäk</i>
як.	<i>byč-</i>	<i>byhaq</i>

Как видим, в казахском языке слово со значением действия имеет в данном случае огласку переднего ряда, а слово со значением орудия — огласовку заднего ряда; в тувинском — соотношение обратное; в якутском же огласовка обоих слов одинакова (имеется в виду огласовка начального слога). Итак, ничего похожего на индоевропейский аблаут с его соответствием ступеней чередования гласных определенным лексико-грамматическим категориям⁴⁵ в случаях сингармонических параллелизмов не наблюдается.

Кроме того — и это, пожалуй, самое важное — гипотезе, согласно которой интересующие нас явления представляют собой остатки системы «внутренней флексии», противоречит тот факт, что наряду с сингармоническими параллелизмами в тюркских (как и в других алтайских) языках имеется большое количество сингармонических вариантов, т. е. основ, у которых различия в огласовке вообще не связаны с семантической дифференциацией. Допустить, что сингармонические варианты, с одной стороны, и сингармонические параллелизмы, с другой, имеют разные истоки, невозможно: они чрезвычайно тесно переплетены, и то, что в одном языке является сингармоническими вариантами, в другом представляет собой

⁴⁴ Прокош, стр. 121.

⁴⁵ Ср.: «Можно сказать, что в индоевропейском языке морфологическая роль каждого слова более или менее полно определялась качеством гласного корня» (Вандриес, стр. 79).

сингармонические параллелизмы. Ср., например, баш. *asy* ~ *äsi* 'горький', 'кислый'⁴⁶, но тат. *açu* 'горький' // *äci* 'кислый'⁴⁷. Но если сингармонические варианты и сингармонические параллелизмы генетически связаны между собой, то из рассматриваемой гипотезы логически вытекает, что сингармонические варианты возникли в результате десемантизации чередований гласных в сингармонических параллелизмах. Это и вызывает возражение: в истории разных языков известны многочисленные случаи, когда первоначально незначимые чередования становились значимыми (ср. хотя бы германский умлаут, который уже в историческое время превратился из чисто комбинаторного изменения в морфологическое средство). Однако возможность обратного процесса фактами не подтверждается.

Итак, изложенные выше факты не позволяют нам согласиться с мнением тех языковедов, которые усматривают в сингармонических параллелизмах, а следовательно, и в сингармонических вариантах следы «внутренней флексии», якобы господствовавшей в алтайских языках в предполагаемую доагглютинативную эпоху. По-видимому, прав был Бётлингк, считавший, что в алтайских (урало-алтайских) языках «перемены корней... ни где не достигают характера символического способа обозначения понятия звуком»⁴⁸. Это несомненно относится к современным тюркским языкам, и нет никаких оснований сомневаться в справедливости этих слов по отношению к предшествующим этапам типологического развития алтайских языков.

Б. Некоторые сопоставительно-типологические соображения

Нам кажется, что при решении вопроса о типологических условиях генезиса сингармонических вариантов и параллелизмов было бы полезно учесть следующие общие соображения.

Поскольку незначимые чередования звуков всегда предшествуют значимым, но не наоборот, то и в процессе образования интересующих нас явлений сингармонические варианты должны были предшествовать сингармоническим параллелизмам⁴⁹.

⁴⁶ Киекбаев, стр. 145.

⁴⁷ Заляй, стр. 95.

⁴⁸ Бётлингк, стр. 413.

⁴⁹ О семантической дифференциации первоначально незначимых фонетических вариантов в алтайских языках см.: Гулямов, стр. 145—146; Цыдендамбаев, стр. 141, 145—146.

Различия же в огласовке сингармонических вариантов должны были в момент своего образования иметь определенную фонетическую обусловленность, ибо невозможно предположить, чтобы в речи одного и того же коллектива значительная группа слов без всяких на то причин расщепилась на безразличные для смысла фонетические варианты, образовав тем самым ряды ничем не оправданных абсолютных синонимов.

Указанная фонетическая обусловленность варьирования гласных основы могла лежать только вне данной морфемы, так, как внутри нее нет никаких самостоятельно изменяющихся звуковых элементов, способных воздействовать на качество огласовки (палатализация и лабиализация согласных сами являются производными и зависят от качества огласовки).

Из предыдущего тезиса следует, что в отличие от современных алтайских языков в эпоху образования сингармонических вариантов вокализм основ должен был быть слабо дифференцирован фонематически⁵⁰ и подвержен комбинаторным чередованиям типа гармонии гласных.

Последнее же осуществимо лишь при условии, что каждая данная основа могла попасть в фонетическую (resp. морфологическую) зависимость от другой основы.

Это в свою очередь возможно только тогда, когда по крайней мере две основы входят в состав одного фонетикоморфологического целого.

В свете сказанного несомненный интерес представляет гипотеза Е. А. Крейновича⁵¹ о происхождении сингармонических вариантов и параллелизмов (или, по его терминологии, «парных слов»). По мнению названного ученого, «парные слова» могли возникнуть лишь при таких условиях, когда «сингармонизм создавал не только парные суффиксы, но и парные основы»⁵². Исследования ряда современных палеоазиатских языков (нивхского, корякского, чукотского) показывают, что «парные основы, различаемые по согласным и гласным, возникают внутри синтетических сочетаний»⁵³. Отсюда автор приходит к заключению, что «парные слова современных алтайских языков могли остаться в них от того состояния, когда в этих языках или в языках, предшествовавших им, синтетические элементы господствовали

⁵⁰ Бертагаев, стр. 103; Баскаков (2). стр. 36, 39—40, 45—48.

⁵¹ Крейнович, стр. 87—102.

⁵² Там же, стр. 100.

⁵³ Там же.

над элементами агглютинации»⁵⁴ (разрядка моя.— М. Ч.).

Механизм образования «парных основ», показанный Е. А. Крейновичем на материале чукотского языка, таков. Из семи гласных этого языка шесть (кроме нейтрального *ʊ*) группируются в две сингармонические серии:

I — *æ, i, u*;

II — *a, e, o*⁵⁵.

Огласовка каждой основы принадлежит к одной из указанных серий. Но если в данном инкорпорированном комплексе есть хотя бы одна основа, имеющая в своем составе гласный второй серии, то все гласные первой серии, входящие в данный комплекс, тоже заменяются соответствующими гласными второй серии. Например, в комплексе *vala-mna-lyŋ* 'точильщик' под влиянием основы *vala-* 'нож' основа *-pnæ-* 'точить' изменила свою огласовку и выступает в варианте *-pna-* (при комбинаторном изменении согласного — *-mna-*). В комплексе *majŋʉ-ača-gʉtle-qor* 'большой, жирный, жадный олень' все основы, кроме последней, в независимом положении имеют огласовку первой серии (соответственно: *-mæjŋʉ-*, *-æčæ-*, *-gʉtli-*) и только под влиянием гласного *o*, входящего в состав основы *-qor-*, получают огласовку второй серии.

Таким образом, часть основ в чукотском языке выступает в двух вариантах по огласовке: *-pnæ- ~ -pna-* (*-mna-*) 'точить'; *-mæjŋʉ- ~ -majŋʉ-* 'большой'; *-æčæ- ~ -ača-* 'жирный'; *-gʉtli- ~ -gʉtle-* 'жадный' и т. д.

В некоторых случаях, как указывает Е. А. Крейнович, оба варианта той или иной основы, употребляясь вне комплекса, семантически дифференцируются, например: *miml* 'вода' // *tem(b)l* 'тюлень' (по-видимому, букв. 'водяной'). В нивхском языке, которому сингармонизм в настоящее время не свойствен, имеются, однако, следы этого явления, в частности, случаи использования вариантов огласовки для семантической дифференциации основ, например: *ir* 'мать' // *er* 'отец'; *ol* 'подмышка' (об одежде) // *ul* 'пазуха'; *lax* 'туча' // *læx* 'дождь' и т. п.

Как нам кажется, описанные факты палеоазиатских языков не только вполне сопоставимы с сингармоническими вариан-

⁵⁴ Там же, стр. 102.

⁵⁵ По определению П. Я. Скорика, гласные первой серии характеризуются высоким подъемом и образуют «слабый ряд», а гласные второй серии — низким подъемом, образуют «сильный ряд». Наименования «слабый» и «сильный» ряд связаны со специфической ролью каждой серии в сингармонизме. См.: Скорик (1), стр. 15; Скорик (2), стр. 33.

тами и параллелизмами алтайских языков, но и могут служить иллюстрацией вероятных путей возникновения этих явлений в алтайских (или в протоалтайских) языках. Не исключено, что здесь мы находим, так сказать, *in statu nascendi* то, что в алтайских языках представлено в виде уже сложившейся, а вернее, пережиточной системы.

В. О типологических условиях генезиса сингармонических вариантов и параллелизмов

Мысль о том, что агглютинативное слово развилось из полисинтетического комплекса в процессе функциональной дифференциации и последующей фонетической и просодической консолидации его компонентов, в той или иной форме высказывалась многими языковедами⁵⁶.

Со времени О. Бётлингга в алтанстике стало уже, пожалуй, общим местом утверждение о том, что морфемы агглютинативного слова, как корни, так и аффиксы, исторически суть самостоятельные слова, *gesp.* основы⁵⁷. Такое предположение базируется не только на известных общелингвистических представлениях, почерпнутых в значительной мере из индоевропеистики⁵⁸, но и на ряде реальных фактов алтайских и типологически близких к ним языков.

Что касается корней, приведенное положение более или менее самоочевидно: в подавляющем большинстве случаев корни — как именные, так и глагольные — и поныне способны функционировать в качестве самостоятельных слов.

В отношении аффиксов вопрос гораздо сложнее, но и здесь имеется целый ряд обстоятельств, объяснить которые можно, только допустив, что аффиксы развились из самостоятельных основ. Напомним лишь некоторые из них.

В области структурно-функциональной природы самих аффиксов прежде всего следует отметить их грамматическую однозначность. Как известно, каждый алтайский аффикс (за очень немногими исключениями) выражает строго определенное, и причем только одно, грамматическое значение. Этим агглютинативные аффиксы резко отличаются от флективных, каждый из которых, как правило, синтезирует в себе нес-

⁵⁶ Некоторые общие соображения по этому поводу см.: Сепир, стр. 96; Жирков, стр. 54; Суник (2), стр. 46—47.

⁵⁷ Бётлингк, стр. 380—410. См. также: Riedl, стр. 34—43; Adam, стр. 68; Дмитриев (1), стр. 8, 10, 26; Юнусалиев, стр. 12; Юлдашев, стр. 37; Суник (2), стр. 44—45.

⁵⁸ Ср. Мейе, стр. 167—168.

колько грамматических значений, а иногда и полностью исчерпывает всю грамматическую характеристику данной словоформы. Ср., например, казахскую словоформу *üjlärдің* и соответствующую русскую *домов*. В казахском примере значение числа (мн.) и значение падежа (род.) выражаются двумя разными аффиксами: *-lär*, *-дің*. В русской же словоформе оба эти значения выражаются одним и тем же показателем *-ов*, который, кроме того, передает и отсутствующее в казахском языке значение грамматического рода, а также указывает на тип склонения существительного.

С указанной особенностью агглютинативных аффиксов тесно связана и их значительная конструктивная автономность в пределах слова. Это выражается, во-первых, в относительно слабой связи между морфемами, прозрачной морфологической структуре слова и его четкой членимости на морфологические компоненты⁵⁹, во-вторых — в слабости процессов фузии. Морфемы почти никогда не «теряются» в агглютинативном слове, явления опрощения редки.

Кроме указанных выше особенностей агглютинативных аффиксов следами их происхождения от самостоятельных основ можно считать наличие в разных тюркских языках аффиксов, не подчиняющихся закону гармонии гласных и сохраняющих, таким образом, независимый характер своей огласовки⁶⁰; совпадение структуры слога, в том числе и аффиксального, со структурой односложного корня⁶¹; наличие в живых тюркских языках целого ряда переходных ступеней от самостоятельного слова (через служебное слово, послелог) к аффиксу⁶² и т. д. Н. К. Дмитриев относит сюда также и факт регрессивной ассимиляции гласных, считая, что последняя исходила от аффиксов тогда, когда они еще были самостоятельными словами⁶³. Однако нам кажется, что умлаут — явление позднейшего происхождения и связан с переносом ударения (см. ниже).

Таким образом, происхождение агглютинативных морфем из некогда самостоятельных лексических единиц в принципе не вызывает сомнений. Но принять это предположение — значит тем самым допустить, что агглютинации предшествовал полисинтетизм. Ибо в таком случае гипотетическую «протоалтайскую» речь приходится представить себе в виде простого

⁵⁹ А. Н. Кононов сравнивает структуру турецкого языка с «четко действующим и легко разбираемым на части прибором» (Кононов, стр. 6).

⁶⁰ См.: Дмитриев (1), стр. 8; Исхаков (3), стр. 123—124.

⁶¹ См.: Баскаков (3), стр. 333—334.

⁶² См. Дмитриев (1), стр. 26; Дмитриев (3), стр. 48—51.

⁶³ Дмитриев (1), стр. 10.

соположения неоформленных основ⁶⁴ (ведь всяческие форманты, согласно исходному тезису, сами возникли из тех же основ), функциональная дифференциация которых находилась в зачаточном состоянии и содержалась лишь как потенция в их лексическом значении. Но что такое ряд соположенных формально не самодостаточных основ, как не полисинтетический комплекс? Нам кажется совершенно правомерной концепция А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова, трактующих так называемый «изолирующий» строй как разновидность инкорпорирования⁶⁵. Ведь не случайно до сих пор вопрос о границах китайского слова является дискуссионным. Правда, в одной из своих статей Е. Д. Поливанов высказывал предложение, что в истории китайского языка были три ступени развития: полисиллабическая, моносиллабическая и снова полисиллабическая⁶⁶ (иначе говоря, что в китайском языке первоначальный синтетизм сменился изолирующим строем, а затем возник опять). С этим можно в какой-то мере сопоставить и развитие строя таких индоевропейских языков, как английский и французский, в истории которых синтез сменился анализом, а этот последний вновь тяготеет к синтезу (ср. известные французские примеры типа *Je te l'ai dit* 'Я сказал тебе об этом', представляющие по существу единый комплекс).

Но мы и не намерены утверждать, что предполагаемый протоалтайский полисинтетизм является первичным. Не подлежит никакому сомнению, что и он был лишь одним из звеньев в цепи длительной эволюции. Об этом свидетельствует хотя бы то, что во многих современных односложных корнях тюркских языков вскрываются следы былой производности⁶⁷. Однако для нас важно в настоящем случае то, что непосредственным предшественником агглютинации был, по видимому, именно полисинтетизм. В пользу такого предположения, кроме приведенных выше фактов, говорят также и некоторые явления, наблюдаемые в области композит и словосочетаний.

⁶⁴ Термин «основа» здесь может быть употреблен только условно, так как основой принято называть то, что противопоставляется окончанию, флексии, вообще изменяемой части слова. Однако говорить об основах в данном случае все же лучше, чем о словах, ибо под словом подразумевается относительное самодостаточное единство лексического значения и грамматической оформленности, чего ни в коем случае нельзя сказать о компонентах предполагаемого полисинтетического комплекса, из которых впоследствии развились морфемы агглютинативного слова.

⁶⁵ См.: Иванов, Поливанов.

⁶⁶ Polivanov, стр. 78.

⁶⁷ См. Исхаков (1), стр. 124 и сл.

Основное различие между этими двумя типами образований состоит в том, что словосочетания представляют собой факты речи и как таковые продуцируются самим говорящим; сложные же слова суть факты языка: употребляя их, говорящий лишь воспроизводит уже готовое. Однако в фонетико-морфологической организации тех и других мы находим много общих черт⁶⁸.

Одним из важнейших признаков слова в алтайских языках считается, как известно, гармония гласных. Однако ряд авторов приводит факты, когда гармония выходит за пределы данного слова и распространяется на соседнее с ним слово, чаще всего на служебное (ср. тур. *bununla* < *bunun* + *ilä* 'с этим, этим'; *almaqtansa* < *almaqtan* + *isä* 'вместо того, чтобы брать' и т. п.⁶⁹), но иногда даже и на знаменательное (ср. каз., кирг. *aǵajyn* < *aǵa* + *ini* 'родственник', 'приятель'; кирг. *birdin üčü* 'некоторое небольшое количество'. По предположению К. К. Юдахина, в последнем сочетании второе слово представляет собой *üč* 'конец' или 'горсть', видоизменившее огласовку из-за постоянного соседства с числительными, имеющими огласовку переднего ряда: *birdin, äkidin, üčtün, törtün*⁷⁰). В. И. Зиновьев считает, что «в казахском языке существует агглютинация не только в пределах слова..., но и в пределах ритмических групп, где сливаются в одно целое уже не аффиксы, а слова»⁷¹, причем одним из признаков такого слияния слов является выпадение конечного гласного перед словом, начинающимся на гласный (каз. *sar(y) at* 'гнедая лошадь', *qar(a) al(a) at* 'чернопегая лошадь' и т. п.⁷²).

Кроме того, иногда в пределах слова (в частности сложного) наблюдаются явления, относимые обычно к сфере словосочетания. Таков, например, факт отсутствия гармонии гласных в ряде композит (например, каз. *bälwar* 'пояс', 'тalia', тат. *üčajaq* 'треножник' и т. п.). Правда, некоторые исследователи считают, что при отсутствии гармонии гласных говорить о вполне сформировавшемся сложном слове нельзя, что подобные образования находятся «на грани между словосочетанием и сложным словом»⁷³. Однако сам факт существования таких переходных случаев свидетельствует об отсутствии абсолютно четких границ между словом и сло-

⁶⁸ Ср. Панфилов (1), стр. 105—111.

⁶⁹ Дмитриев (6), стр. 284; см. также: Юнусалиев, стр. 5; Киекбаев, стр. 146.

⁷⁰ Юдахин (1), стр. 191—193.

⁷¹ Зиновьев, стр. 54.

⁷² Там же, стр. 53.

⁷³ Горцевская, стр. 34. Ср. противоположное мнение: Зиновьев, стр. 48.

восочетанием. Последнее подтверждается также и тем обстоятельством, что в татарских сложных глаголах постановка экспираторного удара на том или ином компоненте зависит, по утверждению Ф. Г. Исхакова, от логического удара⁷⁴, что вообще совершенно несвойственно природе слова. Сюда же следует отнести и некоторую свободу в расположении морфем, составляющих агглютинативное слово. Так, например, наряду с приводимыми В. А. Гордлевским турецкими глагольными формами *bulurlardy* 'они находили', *bulmuşlar(dyr)* 'они нашли', *bulmuşlardy* 'они нашли (раньше)' комментаторы последнего издания его «Грамматики турецкого языка» приводят параллельно употребляемые формы: *bulurdular*, *bulmuşturlar*, *bulmuştular*⁷⁵.

В свете изложенных фактов гипотеза Е. А. Крейновича о том, что возникновение сингармонических вариантов и параллелизмов в алтайских языках связано с некогда господствовавшим в них полисинтетизмом, кажется еще более убедительной. Если в принципе принять указанную гипотезу, то общая картина возникновения и первоначального развития алтайских сингармонических вариантов и параллелизмов представляется в следующем виде.

В предполагаемом «протоалтайском» полисинтетическом комплексе, несомненно, действовал закон сингармонизма. По мнению О. Доннера, возникновение сингармонизма относится к гораздо более ранней ступени развития языков, чем появление различных формальных элементов⁷⁶. Иначе говоря, сингармонизм существовал еще до функциональной дифференциации значимых элементов языка на корни и аффиксы и кристаллизации слова как лексико-грамматического единства, обладающего внутренней структурой и признаком изолируемости⁷⁷. Косвенным подтверждением этому может служить наличие сингармонизма в современных инкорпорирующих языках (см. выше). Л. Новак полагает, что и китайскому языку не удалось бы избежать сингармонизма, если бы в нем структурная организация речи не достигалась за счет морфологизованного порядка слов (мы бы сказали — не слов, а морфем или семантосилабем⁷⁸).

К сожалению, о природе «протоалтайского» сингармонизма можно только догадываться. По-видимому, на рассматриваемом этапе развития «протоалтайский» фонетический строй

⁷⁴ Исхаков (4), стр. 332.

⁷⁵ Гордлевский (2), стр. 41—43, 533—534.

⁷⁶ См. Donner, стр. 140.

⁷⁷ См. Поливанов (4), стр. 119.

⁷⁸ Novák, стр. 87—88.

еще недалеко отошел от того гипотетически восстанавливаемого некоторыми учеными состояния, при котором основная сигнификативная нагрузка лежала на согласных, гласные же представляли собой лишь некие автоматические «призвуки», или просто слогообразующие элементы, качество которых не имело самостоятельного значения и всецело зависело от тембровой окраски согласных — палатальности, лабиальности и т. п.⁷⁹ Если в интересующую нас эпоху гласные даже и выделялись уже из первичной «протофонемы»⁸⁰ и в «протоалтайском» господствовал «слоговой сингармонизм»⁸¹ (который, по мнению Р. Якобсона, представляет собой след корреляции слоговой палатализации⁸²), то фонематическая дифференциация вокализма находилась, по-видимому, лишь в самом начале своего развития.

Существует мнение, что тюркский вокализм во всем его современном разнообразии восходит к одному исходному гласному. Некоторые ученые⁸³ считают, что таковым был гласный *a*. Подобный вывод делается, в частности, на основании анализа ряда межъязыковых сингармонических вариантов⁸⁴. Но в случаях сингармонических вариантов, как уже говорилось выше, невозможно установить направление звуковых процессов. Таким образом, говорить о качестве предполагаемого исходного гласного весьма трудно.

Но главное состоит в том, что признать моновокализм системы — это по существу значит признать отсутствие гласных фонем вообще. Ведь фонема, как известно, это прежде всего член противопоставления; существование же одного члена оппозиции без наличия другого невозможно. Но если не было противопоставления гласных, следовательно, не было и повода для закрепления за предполагаемым исходным гласным какой-либо качественной определенности. Поэтому, если допустить, что весь тюркский вокализм действительно развился из одного звука, то это был, конечно, не *a* и не какой-либо другой из различаемых ныне гласных, а диффузный звук с окказионально изменчивым качеством. Именно этим, по-видимому, и объясняется возможность перехода «всех гласных во все», фактически констатируемая Ф. Г. Исхаковым для тюркских языков⁸⁵.

⁷⁹ См.: Saussure, Hjelmslev, Ginneken (1), Ginneken (2), Кацнельсон (2) и др.

⁸⁰ Кацнельсон (2), стр. 46 и след.

⁸¹ См.: Novák, стр. 89; Gabain, стр. 57.

⁸² Jakobson (1), стр. 234 и сл.

⁸³ См.: Deny (2), стр. 57; Исхаков (2), стр. 97.

⁸⁴ Ср. Исхаков (2), стр. 66—68; 78—79, 95, 97.

⁸⁵ Там же, стр. 97.

Ясно, что при таких условиях говорить о четкой системе дифференциальных признаков гласных не приходится. Поэтому можно предположить, что в гипотетическом «протоалтайском» комплексе сингармонизм распространялся на все качественные аспекты вokalизма: не только ряд и огубленность, но и раствор. О том, что последний признак не был во всяком случае фонематическим⁸⁶, свидетельствуют многочисленные факты колебания огласовки как начальных, так и неначальных слогов. Ср. др.-тюрк.: *bart-* ~ *byrt-* 'ломать'; *tawar* ~ *tuwar* 'имущество'; *jänä* (~ *jana*) ~ *jinä* 'опять'; *sämäk* ~ *simäk* 'лес'; *sarsaγ* ~ *sarsyγ* 'омерзительный'; *taraγ* ~ *taryγ* 'посев'; *tapaγ* ~ *tapuγ* 'оказание почестей'; *amal* ~ *amyl* 'спокойный'; *jalaŋ* ~ *jalyŋ* 'голый'; *balaq* ~ *baluq* 'рыба' и т. д.⁸⁷. Ср. также каз. *tab-* ~ тув. *tuw-* 'находить'; аз. *täkär* ~ туркм. *tigir* 'колесо'; каз. *žana* ~ кирг. *jany* 'новый'; тув. *araγa* ~ тат. *araqy* 'вино', 'водка' и т. п. В ряде случаев такие колебания затрагивают и аффиксы⁸⁸. К сказанному можно добавить еще и то, что в маньчжуро-тунгусских языках, в частности в нанайском, гармония гласных строится именно на признаке раствора⁸⁹.

Однако здесь возникает вопрос об ориентации протоалтайского сингармонизма, иначе говоря, вопрос о том, какой именно элемент комплекса был фонетически ведущим и своей огласовкой определял сингармонический облик всего комплекса. Трудно предположить, что это зависело от морфологической роли того или иного компонента, так как функциональная дифференциация основ, как уже говорилось, должна была находиться в зачаточном состоянии. Возможно, что здесь действовал акцентуационный фактор. Однако для суждения о природе «протоалтайского» ударения нет никаких данных. Неясен до сих пор и вопрос об ударении в современных инкорпорирующих языках, но есть предположение, что по крайней мере в некоторых из них ударения нет вообще⁹⁰. Но не исключено и то, что сингармонический рисунок «протоалтайского» комплекса определялся закономерностями, подобными тем, которые наблюдаются, например, в чукотском или корякском языках (см. выше), т. е. что имелись основы с «сильной» огласовкой, никогда не менявшей своего качества, и основы со «слабой» огласовкой, качество которой коле-

⁸⁶ Ср. Баскаков (2), стр. 45 и сл.

⁸⁷ Gabain, стр. 49.

⁸⁸ Radloff (1), стр. 34.

⁸⁹ См.: Аврорин, стр. 140; Сунник (1), стр. 174.

⁹⁰ См. Зиндер (1), стр. 581.

балось в зависимости от наличия или отсутствия в данном комплексе основ с «сильной» огласовкой.

На такую мысль наталкивает то обстоятельство, что в современных (и письменно засвидетельствованных) тюркских языках наряду с основами, имеющими сингармонические варианты и параллелизмы в целом ряде языков (например, основа со значением «нырять, погружаться, окунуться, плавать»: каз. *šom-* ~ уйг. *šöm-* ~ аз. *šum-* ~ туркм. *šüm-* ~ тув. *šum-* ~ к.-калп. *šom-* ~ *šüm-* ~ кирг. *šom-* ~ *šöm-* ~ *šum-* ~ *šüm-* и т. д.), есть и основы, огласовка которых, как правило, не варьируется (например, *at* 'имя', *bala* 'ребенок' и др.). Как можно предполагать, фронтальное обследование тюркских основ с этой точки зрения (до сих пор, насколько нам известно, не предпринимавшееся) дало бы весьма ценные сведения для более определенных суждений по рассматриваемому вопросу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате действия закона сингармонизма огласовка по крайней мере части основ, входивших в «протоалтайский» полисинтетический комплекс, варьировалась по всем трем признакам — ряду, раствору и огубленности. При выделении из комплекса основ, сохранивших лексическую самостоятельность, судьбы их, а также отношения между ними могли складываться двояким образом:

А. Разновидности одной и той же основы сохраняют свое семантическое тождество. Здесь в свою очередь возможны два случая:

а) Все или хотя бы некоторые разновидности продолжают сосуществовать в пределах данного языка (диалекта), употребляясь в нем более или менее факультативно и образуя внутриязыковые (внутридиалектные) сингармонические варианты (например, каз. *šyl* ~ *šil* 'рябчик', тат. *jar-* ~ *jir-* 'разделять, раскалывать' и т. п.).

В эмоциональной речи сингармонические варианты одной и той же основы могли, по-видимому, объединяться для выражения эмфазы. Таков один из возможных путей образования так называемых «парно-повторных слов», широко распространенных во всех алтайских языках, например, каз. *šaqr-šiqur* 'хруст', 'треск', уйг. *šačur-čičur* 'скрип', 'скрежет', тат. *tämür* ~ *tumür* 'всякое железо' и т. п.

б) Однако гораздо чаще огласовка каждой отдельной основы унифицировалась по одному из своих вариантов, причем в разных языках или диалектах унификация одной и той

же основы могла происходить по разным ее вариантам. Возможно, что именно таким путем возникли межъязыковые (междиалектные) сингармонические варианты (например, каз. *mäjiz* ~ аз. *biĵniz* ~ тур. *boĵniz* ~ тув. *tuĵus* 'рог' и т. п.).

Б. Разновидности одной и той же основы используются для семантической дифференциации. Здесь также возможны два случая:

а) Обе разновидности продолжают сосуществовать в пределах одного и того же языка или диалекта, т. е. образуют внутриязыковые (внутридиалектные) сингармонические параллелизмы. Естественно, что в дальнейшем каждый из них мог самостоятельно осложняться словообразовательной аффиксацией и дать ряд производных (например, тув. *arun* 'лицо' // *ärin* 'губа'; каз. *tart-* 'тянуть' // *tärtä* 'оглобля', *köz* 'глаз' // *küzät-* 'охранять', *tat-* 'пробовать (пищу, напитки)' // *tätti* 'сладкий' и т. п.).

Следует отметить, что и в гораздо более поздние эпохи способ дифференциации близких значений при помощи сингармонических параллелизмов обнаруживал некоторую продуктивность. Чаще всего это было сознательное использование лицами, осуществляющими нормализацию литературного языка, уже существующих в языке сингармонических вариантов или заимствованных слов, проникших в данный язык разными путями и потому в разном фонетическом обличье. Таковы, например, баш. *ið* 'запах', 'угар', 'гарь' // *äð* 'чувство', 'память', 'сознание', которые, по словам А. А. Юлдашева, вошли в обиход литературного языка «...благодаря усилиям языковедов»⁹¹. Сюда же следует отнести и такие слова казахского литературного языка, как *ȳlym* 'наука' // *ilim* 'учение', 'теория' (оба — из арабского علم, но первое проникло в литературный язык через северо-западные говоры казахского языка, а второе — через южные), *ökimät* 'власть' // *äkimät* 'правительство' (оба — из арабского حكومة, но первое — через южные и северо-восточные говоры, а второе — через западные) и т. п.⁹². С этим можно сопоставить также венг. *család* 'семья' // *cseléd* 'прислуга' — оба из славянского *čelědь*⁹³, венг. *alamizsna* 'милостыня' // *elemőzsia* 'продовольствие', 'пища' — из греч. ἐλεημοσύνη 'милостыня', 'подаяние'⁹⁴ и др.

⁹¹ Юлдашев, стр. 26.

⁹² См. Аманжолов, стр. 180—181.

⁹³ См. Балашша, стр. 53.

⁹⁴ Там же, стр. 80.

б) Чаще, по-видимому, случалось так, что из всей совокупности семантически различающихся разновидностей одной и той же основы в одном языке или диалекте сохранялась лишь одна, в другом — другая и т. д. В этом случае мы имеем дело с межъязыковыми (междиалектными) сингармоническими параллелизмами; например, др.-тюрк. *käntü* 'сам' // каз. *kindik* 'пуп', 'центр' (с разной аффиксацией)⁹⁵, каз. *žip* 'нитка', 'шпагат', 'шнур' // туркм. *jür* 'веревка', 'канат'. 'аркан'⁹⁶ и т. п.

⁹⁵ Сопоставление принадлежит С. Е. Малову (см. Малов, стр. 393); мы лишь заменили якутское слово соответствующим казахским.

⁹⁶ Если только это не позднейшее переосмысление сингармонических вариантов.

ОБ «АЛТАЙСКОЙ» СТАДИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Гармония гласных издавна признается одной из наиболее характерных типологических черт алтайских (и шире «урало-алтайских», «туранских») языков¹. При этом считается само собой разумеющимся, что природа гармонии гласных во всех названных языках (по крайней мере во всех алтайских) принципиально одинакова; различия усматриваются только в чисто технических особенностях гармонии, например в том, по какому вокалическому признаку она проводится в данном языке. Так, в отличие от тюркских и монгольских языков, в которых гармония строится на признаках ряда и огубленности, в некоторых тунгусо-маньчжурских (например, в нанайском) она строится на признаке раствора². Кроме того, отмечается и разная степень проявления гармонии в различных языках³.

Между тем говорить о единстве природы гармонии гласных в разных алтайских языках можно, имея в виду лишь внешнюю ее сторону — наличие моделей, регламентирующих последовательность гласных в слове. Что же касается внутренней сущности гармонии гласных, то здесь мы находим различия принципиального характера, причем большинству других алтайских языков противостоят в этом отношении именно тюркские.

В основе упомянутых различий лежат факторы типологического порядка, вне связи с которыми эволюция и совре-

¹ См.: Бётлингк, стр. 421; Cástren, стр. 17—18; Бодуэн де Куртене, стр. 322; Winkler, стр. 16—17; Егоров (1), стр. 33; Sauvageot, стр. XXI, XXVI; Räsänen, стр. 3; Matthews, стр. 53; Krámský, стр. 17; Щербак (2), стр. 52—54 (там же библиография и обзор литературы).

² См.: Аврорин, стр. 140; Суник (1), стр. 174.

³ См. Radloff (1), стр. 55—60.

менная фонологическая сущность тюркской гармонии гласных остаются непонятными.

Как известно, для определения фонологической природы того или иного явления первостепенную важность имеет вопрос о наличии или отсутствии позиционно-комбинаторной обусловленности этого явления в данном синхронном состоянии языка. Различие фонологической природы гармонии гласных в большинстве других алтайских языков, с одной стороны, и в тюркских языках, с другой, как раз и состоит в том, что в первых это явление фонетически обусловлено, а во вторых — нет. Обусловливающим же фактором служит ударенность начального слога, на который в алтайских языках ориентируется гармония гласных.

Однако говорить о локализации алтайского ударения с чисто «топографической» точки зрения недостаточно. Важно не столько то, на котором по порядку слоге фиксировано ударение, сколько то, какова морфемная принадлежность ударного слога. А это, как мы попытаемся показать ниже, связано с особенностями структуры агглютинативного слова на разных этапах его эволюций.

Мысль о связи гармонии гласных с агглютинацией⁴ и с системой ударения⁵ высказывалась многими исследователями. Однако механизм этой связи еще не до конца ясен. С точки зрения указанного морфо-акцентуационно-фонологического комплекса в истории тюркских языков можно выделить две резко отличающиеся друг от друга стадии. Первая из них в значительной мере соответствует тому положению, которое мы находим в большинстве алтайских языков, кроме тюркских⁶. Вторая стадия характеризуется чертами, господствующими именно в тюркских языках. Исходя из этого, первую стадию удобно обозначить как «алтайскую», а вторую — как собственно «тюркскую». Здесь необходимо сделать две оговорки. Во-первых, термины «алтайская» стадия и «тюркская» стадия употребляются нами не в историко-генетическом, а исключительно в историко-типологическом

⁴ См.: Adam, стр. 66—68; Radloff (1), стр. 52—55; Grunzel (1), стр. 36; Богородицкий (1), стр. 879; Богородицкий (2), стр. 65; Novák, стр. 82; Дмитриев (1), стр. 8, 25; Voegelin, стр. 41; Krámský, стр. 117, 132; Аврорин, стр. 142—143; Санжеев (2), стр. 43.

⁵ См.: Riedl, стр. 34—43; Adam, стр. 66—68; Карш (2), стр. 166; Богородицкий (1), стр. 879; Гордлевский (1), стр. 8—10; Владимирцов (2), стр. 112; Gabain, стр. 42.

⁶ Мнение о том, что монгольские и маньчжуро-тунгусские языки вообще отражают более раннюю стадию фонетической эволюции алтайского лингвистического типа, высказывалось неоднократно; см.: Корш (2), стр. 166—167; Владимирцов (2), стр. 112; Санжеев (1), стр. 114.

смысле, ибо нет никаких оснований утверждать, что, например, состояние соответствующее «алтайской» стадии, исчезло сразу же после выделения тюркских языков из предполагаемой алтайской общности⁷. Во-вторых, обращаясь в дальнейшем к материалу какого-либо из реально засвидетельствованных алтайских языков в целях сопоставления, мы отнюдь не склонны полностью отождествлять его строй с гипотетическим «алтайским» состоянием, о котором идет речь в настоящей главе. Напротив, мы убеждены, что любой из этих языков более или менее далеко отошел от рассматриваемого состояния и сохранил в своем строе лишь отдельные его черты, которые нас в данном случае и интересуют.

В настоящей главе будет рассмотрена природа гармонии гласных на «алтайской» стадии. Исходя из сказанного выше (о факторах, определяющих фонологическую сущность гармонии), мы начнем с анализа морфолого-акцентуационных условий данной стадии, а затем на этой основе попытаемся выяснить специфику природы гармонии гласных.

1. МОРФОЛОГО-АКЦЕНТУАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ «АЛТАЙСКОЙ» СТАДИИ

А. Следы былой начальнoударенности тюркского слова

Даже при самом поверхностном обзоре акцентуации алтайских (а также и финно-угорских) языков обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве из них ударение фиксировано на начальном слоге слова⁸. Только тюркские языки представляют в этом отношении исключение: в них ударение не связано с начальным слогом и может оказаться на нем лишь случайно — в односложных словах, в случае неударенности аффикса или при эмпазе.

⁷ Ср. с этим гипотезу А. Габэн о том, что в языке древнетюркских памятников ударение падало на начальный слог (Gabain, стр. 42); правда, еще Ф. Е. Корш относил предполагаемую начальнoударенность только к праалтайскому периоду [Корш (2), стр. 166—167].

⁸ См.: Владимирцов (2), стр. 97; Цинциус, стр. 124—125; Емельянов, стр. 10. Правда, в некоторых языках названных групп имеются довольно многочисленные отступления от указанной закономерности. Возможно, что эти отступления связаны с процессами в области структуры слова, знаменующими собой те или иные отклонения от общего алтайского (или уральского) типа. На такое предположение наталкивает, в частности, сопоставление упомянутых случаев с восстанавливаемой акцентологической историей тюркских языков (см. ниже).

Однако в тюркологии накоплено достаточное количество фактов, позволяющих предполагать, что на определенной ступени своего развития тюркские языки также обладали ударением на начальном слоге⁹. Совокупность этих фактов и составляет уже упоминавшийся в главе I тюркский фонетический парадокс. Вопреки закономерности, наблюдаемой в большинстве других языков, в тюркских степень фонетической устойчивости гласных чаще всего либо вовсе не связана с их ударенностью, либо даже находится как бы в обратной зависимости от наличия ударения на данном слоге.

Общеизвестно, что наибольшей фонетической устойчивостью в названных языках обладают гласные начального слога, т. е. именно те, которые в огромном большинстве случаев ударения (по крайней мере главного) не несут. Во-первых, вокализм начального слога наиболее богат разнообразными звучаниями: только в нем, как правило, представлен весь набор огубленных гласных; только в нем различаются гласные *e* и *ə* (в тех языках, где оба они имеются) и т. д.

Во-вторых, качественная характеристика гласных начального слога весьма стабильна (если не считать сингармонических вариантов) и в очень небольшой степени подвержена влиянию комбинаторных условий. Случаи выпадения гласных начального слога хотя и встречаются в тюркских языках (см. ниже), все же составляют скорее исключение, чем правило.

Напротив, вокализм неначальных, в частности конечных слогов, являющихся обычно носителями главного ударения, отличается как раз минимальной степенью фонетической устойчивости.

Эти гласные часто теряют свою качественную определенность (причем иногда широкие переходят в узкие и наоборот, т. е. изменяются по признаку раствора — единственному релевантному признаку гласных неначальных слогов), сокращаются количественно, а в ряде случаев совсем выпадают. Так, например, в хакасском слове *pažă* 'еще' конечный гласный значительно ослаблен, то же в туркменском слове *ga-ră* 'черный'¹⁰. В шорском языке наблюдаются колебания: *qarčă ~ qarčy* 'назад', 'обратно', *čajqă ~ čajqy* 'качай', *täs-kärä ~ täskäri* 'в обратную сторону' и т. п.¹¹. Фонетическая неустойчивость гласных конечного слога проявляется и в том,

⁹ См.: Корш (1), стр. 160—161; Корш (2), стр. 166; Богородицкий (1), стр. 879; Богородицкий (6), стр. 98; Поливанов (2), стр. 1197; Гордлевский (2), стр. 8—10; Владимирцов (2), стр. 112; Menges, стр. 74; Gabaip, стр. 42; Старостов, стр. 114 и др.

¹⁰ См. Исхаков (2), стр. 66.

¹¹ См. Дыренкова, стр. 8—9.

что одно и то же слово в разных тюркских языках иногда имеет в ауслауте разные гласные, а в некоторых языках вообще теряет гласный. Ср.: тув. *araɣa* 'водка', 'вино' — хак. *araɣǎ* — шорск. *araɣa ~ araɣu* — тат., башк. и др. *ara-qu*¹² — каз. *araq* и т. п.

Апокопия гласного широко представлена также в чувашском языке, в котором допустимы факультативные варианты: *sasă ~ sas* 'голос', *pitě ~ pit* 'очень', *s'ară ~ s'ar* 'войско' и т. п.¹³. Об утрате конечного гласного свидетельствует и то, что чувашские варианты многих слов на один слог длиннее, чем в других тюркских языках, например¹⁴:

Чувашский язык		Другие тюркские языки
<i>čělǵě</i>	'язык'	<i>tıl</i>
<i>tăwar</i>	'соль'	<i>tuz</i>
<i>pilěk</i>	'талия'	<i>bäl</i>
<i>kirěk</i>	'грязь'	<i>kir</i>
<i>ală</i>	'рука'	<i>al</i>
<i>jytă</i>	'собака'	<i>it</i>
<i>ujăx</i>	'месяц'	<i>aj</i>

В турецком языке в некоторых случаях наблюдается сокращение основ: *qoq- < qoqu-* 'пахнуть'; *qorq- < qorıq-* 'бояться', *qaz- < qazu-* 'копаться'¹⁵ и т. п. По мнению Ф. Е. Корша, одной из причин возникновения тюркских долгих гласных явилось сокращение гласного последующего слога¹⁶.

Как известно, тюркским языкам не свойственно зияние. При образовании hiatusа на стыке двух значимых элементов (основы и аффикса, двух самостоятельных слов) происходит стяжение гласных. Этот факт интересен тем, что при стяжении оказывается наименее устойчивым и выпадает чаще всего не начальный гласный последующего слова, а, наоборот, конечный гласный предшествующего слова (или при аффиксации — основы). Ср., например, якутские формы типа *ahŷr* (< *ahā + ŷr*) — глагольное имя настоящего времени от основы *ahā-* 'есть'; *ahyam* (*ahā + yam*) 'я буду есть'; *altıa* (< *alta + ya*) 'вшестером' и т. п.¹⁷. В положении на стыке двух слов, из которых первое оканчивается, а второе начинается гласным звуком, как правило, оказывается менее ус-

¹² Исхаков (2), стр. 66—67.

¹³ Дмитриев (5), стр. 266.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Дмитриев (5), стр. 266.

¹⁶ Корш (1), стр. 157.

¹⁷ См. Харитонов, стр. 67.

тойчивым, и выпадает конечный (т. е. ударный!) гласный предыдущего слова, а сохраняется начальный (т. е. неударный!) гласный последующего слова, например. — башк. *qur(u)otyn* 'сухие дрова', *ärt(ä)oŋmaŋan* 'тот, кто не успел утром'¹⁸; каз. *sar(y)ölän* 'желтая осока', *sänimd(i)odaqtas* 'надежный союзник', *bylŋar(y)ätik* 'кожаные сапоги' и т. п. В ногайском фольклоре: *basu taraq köt(i)oraq* 'голова его — гребень, хвост — серп'; *atadan ul tuws(a)ijigi, ata jolyn quws(a)ijgi* 'хорошо, если родится сын от отца; хорошо, если последует по пути отца'; *jat t(a)ujqla* 'ложись и спи'¹⁹. Ср. также балк. *bašumd(a)ot qazan qajnaj turady* 'я очень занят работой' (букв. 'в моей голове на огне котел кипит')²⁰.

Случаи обратного порядка, т. е. выпадение анлаутного гласного последующего слова, встречаются редко, в основном тогда, когда этим вторым словом является служебное слово (вспомогательный глагол, послелог), ср. в ногайском:

ärtängi ärtä ärtä (ä)kändä,
qadydyn qyzy qady (ä)kändä,
qara torŋaj žady (ä)kändä.

И была сказка давным-давно,
 и была дочь судьи судьей,
 и был скворец колдуном²¹.

Однако и в этих случаях выпадению все же иногда подвергается конечный гласный знаменательного слова, например:

kärüw töskö žajylŋan
ažyŋul bajdyn qoj(y)äkän.
qojsalyŋa žyjlŋan
süwrät qyzdyn toj(y)äkän.

К северному подножью горы собрались
 Аджыкула-бая овцы.
 В Койсалу собрался
 красавицы-девушки свадебный пир²².

Подобного же рода явления встречаем и в балкарском языке, например: *žanyn qolun(a)alyp bar(a)ädi* '[он] очень спешил' (букв. 'свою душу в руке держа, шел').

¹⁸ Дмитриев (6), стр. 284—285.

¹⁹ Баскаков (1), стр. 146—167. Транскрипция здесь и ниже заменена мною. — М. Ч.

²⁰ Приводимые здесь и ниже балкарские примеры любезно сообщены нам доцентом А. М. Аппаевым.

²¹ Баскаков (1), стр. 157.

²² Там же, стр. 189.

Фонетическая неустойчивость огласовки конечного слога сказывается также в явлении так называемой «беглости» или синкопы гласных. При наращении аффиксов к некоторым двусложным основам (преимущественно именным, но иногда и глагольным) содержащийся во втором закрытом слоге этих основ узкий гласный выпадает; каз. *tojun* 'шея' — *tojnu* 'его-шея', *murun* 'нос' — *murnuŋ* 'твой нос', *ojun* 'игра' — *ojna-* 'играть' и т. п. Это явление еще Ф. Е. Корш связывал с былой начальноударенностью тюркского слова²³.

В пользу гипотезы о локализации прототюркского ударения на начальном слоге в литературе приводится еще целый ряд других доводов. Кроме фактов, указанных выше, Ф. Е. Корш относил сюда трансформацию типа **aγuz* 'рот' > шорск. и абак. *ās*²⁴. К. Менгес считает, что о былой начальноударенности свидетельствует наличие «сокращенных герундиев» типа *ap* (<*alyp*) 'взяв', *käp* (<*kälip*) 'прийдя', *bor* (<*bolyp*) 'будучи, быв' и т. п.²⁵. По мнению А. Габэн, с ударением на начальном слоге связано появление образований вроде *qar-qara* 'черный-пречерный'²⁶. В. А. Богородицкий и Б. Я. Владимирцов приводят в качестве довода существование второстепенного ударения на начальном слоге тюркских слов²⁷. Кроме того, В. А. Богородицкий ссылается также на факт лабиализации гласного *a* в начальном слоге татарских и башкирских слов²⁸. Наконец, к тому же выводу приводит некоторых ученых и анализ тюркской метрики²⁹. Более того, имеются основания предполагать, что в тюркских языках динамическое ударение на начальном слоге было даже более интенсивным чем в монгольских. На это, в частности, указывает то обстоятельство, что некоторые тюркские основы на один слог короче, чем соответствующие монгольские. Например:

Монгольский язык

köke 'синий'
ere 'муж'
tüne 'мрачный'
beki 'крепкий'

Тюркские языки

kök 'синий'
är 'муж'
tün 'ночь'
bäk 'крепкий'³⁰

²³ Корш (1), стр. 161.

²⁴ Корш (1), стр. 161.

²⁵ Menges, стр. 74.

²⁶ Gabain, стр. 42.

²⁷ Богородицкий (1), стр. 879; Владимирцов (2), стр. 112.

²⁸ Богородицкий (6), стр. 98.

²⁹ См.: Корш (2), стр. 166; Поцелуевский, стр. 37; Gabain, стр. 42.

³⁰ См.: Поливанов (2), стр. 1198; Дмитриев (5), стр. 265—266; Ramstedt, стр. 152, 175—176.

Б. Ударенность корня—атрибут агглютинации урало-алтайского типа

Если сопоставить приведенные выше факты тюркских и других алтайских, а также финно-угорских языков, то возникает мысль, что начальноеударенность слова составляет своеобразный атрибут того языкового строя, который мы называем агглютинацией урало-алтайского типа, и имеет определенные основания в самой природе агглютинации³¹. Таким основанием может служить, в частности, то обстоятельство, что начальный слог в агглютинативном слове всегда является корневым. Как нам кажется, рассмотрение данного вопроса в более широкой лингвистической перспективе подтверждает это предположение.

Как известно, с точки зрения типа локализации ударения обычно подразделяют на равноместное и фиксированное на определенном по порядку слоге слова. В функциональном отношении два указанных типа ударения отличаются друг от друга тем, что первый может дифференцировать слова или формы (ср. русск. *му́ка* — *мука́*, *ру́ки* — *рукы́* и т. п.), а второй лишь разграничивает слова в речевом потоке. На этом основании Р. Jakobson³² относит разноместное ударение к области фонологии слова (*Wortphonologie*), а фиксированное на определенном по порядку слоге — к области синтаксиса синтагмы (*Syntagmaphonologie*). Однако наряду с двумя упомянутыми типами Р. Jakobson выделяет еще один, занимающий, по его мнению, промежуточное положение между первым и вторым. Это ударение, фиксированное на определенной морфеме. Такое ударение, как вытекает из рассуждений Р. Jakobsona, не лексикализировано (в отличие от ударения первого типа), но и не «синтагматизировано» (в отличие от ударения второго типа), — оно морфологизировано.

Естественно предположить, что ударение этого среднего типа следует искать в образованиях, занимающих в определенном смысле промежуточное положение между «идеальным» словом³³ и синтагмой. Таких промежуточных образований

³¹ Ср. Поливанов (2), стр. 1197.

³² Jakobson (2), стр. 164—165.

³³ Для наших целей «идеальное» слово достаточно определить как языковую (в сосюрловском смысле) единицу, обладающую признаками отдельности, цельнооформленности и семантико-грамматической монолитности. Все другие «словообразные» сущности, обладающие указанными признаками лишь частично, являются с этой точки зрения промежуточными либо между словом и морфемой (служебные слова), либо между словом и синтагмой (разного рода композиты, агглютинативные образования, инкорпорированные и аналитические комплексы и т. п.).

имеется целый ряд, причем они отличаются друг от друга по степени приближения к одному или к другому из названных «полюсов». Отсюда в свою очередь следует, что и функциональный характер ударения в подобных образованиях должен представлять собой ряд переходных ступеней, одни из которых стоят ближе к первому, а другие — ко второму типу (по Р. Якобсону).

Как говорилось выше, вероятным предшественником агглютинативного слова алтайского типа можно считать полисинтетический комплекс. В упоминавшейся выше цепи образований, промежуточных между «идеальным» словом и «идеальной» синтагмой, иначе говоря, между языковой единицей и речевым произведением, полисинтетический комплекс по ряду признаков находится ближе к последнему: состав комплекса имеет окказиональный характер, он не дан в языковом инвентаре, а продуцируется говорящим в зависимости от конкретной коммуникативно-экспрессивной задачи³⁴. В таких условиях локализация ударения также должна иметь скорее речевой, чем языковой характер. Можно полагать, что в полисинтетическом комплексе ударение служило лишь средством свободного логико-эмоционального выделения той или иной основы³⁵ либо элементом ритмики речи³⁶. О допустимости подобного предположения свидетельствуют также и имеющиеся (правда, весьма скудные) экспериментальные данные некоторых современных северных языков, в которых ударение, по-видимому, лишено фонологических функций³⁷.

Развитие агглютинативного слова из полисинтетического комплекса можно рассматривать как определенную ступень процесса кристаллизации языковой единицы в речевом пото-

³⁴ Ср. «Инкorporативный комплекс является временным образованием, создающимся в процессе речи. Инкorporируемые в словесную форму основы представляют собой подвижные компоненты, количество и порядок следования которых переменны, и то и другое каждый раз обусловлено контекстом высказывания» [Скорик (2), стр. 103].

³⁵ Ср. утверждение В. З. Панфилова о том, что в нивхском языке «логическое ударение может падать и на какой-либо из компонентов инкorporированного комплекса... В отличие от этого ни на одном из компонентов сложного слова в отдельности логическое ударение сделано быть не может, так как ни один из них в отдельности не сохраняет своего лексического значения, и логический предикат, таким образом, может быть выражен только посредством сложного слова в целом» [Панфилов (2), стр. 53].

³⁶ Ср. «Чукотское ударение в инкorporативном комплексе может быть сопоставлено с фразовым ударением. От последнего оно отличается тем, что объединяет не отдельные слова, а основы, значение которых закреплено еще и морфологически. Такое объединение теснее, чем во фразе, но слабее, чем в сложном слове» [Скорик (2), стр. 71].

³⁷ См., например, Зиндер (1), стр. 581.

же³⁸. Параллельно с этим процессом изменяется и функциональная природа ударения: по мере формирования слова ударение становится одной из морфологических характеристик последнего и, следовательно, как и само слово, превращается в факт языка³⁹. Одним из проявлений указанного процесса служит, в частности, закрепление ударения за определенной категорией морфем. Можно полагать, что первоначально здесь также имело место лишь логико-эмоциональное выделение значимых элементов, несших в данном отрезке речи наиболее важную семантическую нагрузку. Однако постепенно такие ведущие компоненты все более специализировались в функции носителей лексической нагрузки, между тем как значение других со временем грамматикализировалось. В создавшейся ситуации само ударение неизбежно должно было превратиться в элемент морфологической структуры слова. Поскольку в начале этого процесса функциональная дифференциация будущих корней и будущих формантов была еще недостаточно органичной (так как последние продолжали сохранять живую связь с исходными самостоятельными основами, из которых они развились⁴⁰), то она (дифференциация

³⁸ Ср. последовательные фазы агглютинации по Ф. де Соссюру: 1) обыкновенная комбинация нескольких терминов в одной синтагме; 2) собственно агглютинация, т. е. синтез элементов синтагмы в некую новую единицу; 3) все прочие изменения, способствующие еще большему превращению прежнего сочетания в единое простое слово; сведение нескольких ударений к одному, специально фонетические изменения и т. д. (Соссюр, стр. 163).

Однако при этом заметим, что развитие агглютинации тем и отличается от возникновения обычных композит, что в первом случае между объединяющимися компонентами непременно существуют отношения субординации (что и является предпосылкой для дальнейшего превращения подчиненных компонентов в форманты). Подобную же картину можно наблюдать еще в условиях полисинтетизма. Например, в чукотском языке «инкорпорирование происходит в тех случаях, когда компоненты сочетания выражают подчиненные отношения. Другие сочетания... в этом общем оформлении остаются расчлененными» [Скорик (2), стр. 111].

³⁹ Сказанное не исключает, однако, возможности того, что одно из словесных ударений в данном сообщении сохраняет или вновь приобретает дополнительную речевую функцию, обслуживая высказывание в целом в качестве логико-эмпатического или ритмико-фразового акцента.

⁴⁰ Ср. с этим точку зрения Ф. де Соссюра, как ее пересказывает С. Д. Кацнельсон: «...агглютинативные формы... не содержат ничего семантически нового по сравнению с исходными состояниями... Синтаксическое сочетание сложилось здесь до агглютинации, и последняя не может поэтому рассматриваться как причина, породившая функциональные изменения» [Кацнельсон (1), стр. 67]. Следует заметить, что в нашем построении сказанное можно отнести только к самому первоначальному этапу развития агглютинации. В дальнейшем картина сильно осложняется процессом все углубляющейся грамматикализации подчиненных компонентов и их аналогическим использованием в качестве уже «чистых» формантов.

морфем) нуждалась в средстве своего внешнего выражения. Таким средством и послужило ударение, превратившееся в непрременную принадлежность и категориальную черту корня как типа морфем, четко отличающую корень от другого типа морфем — аффиксов, которые отныне и на протяжении всей «алтайской» стадии являются энклитиками.

Таким образом, в описываемую эпоху ударение, став словесным, все же сохраняет свою выделительную функцию⁴¹, хотя само выделение из логико-эмоционального превращается в грамматическое: его роль сводится теперь к выделению корня из ряда соположенных морфем, образующих агглютинативное слово⁴².

II. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ НА «АЛТАЙСКОЙ» СТАДИИ

А. «Алтайская» гармония гласных — частный случай редукции неударных гласных

Отмеченные выше особенности «алтайского» морфолого-акцентуационного комплекса представляются чрезвычайно важными для понимания природы гармонии гласных на соответствующем этапе ее эволюции (как, впрочем, и для понимания дальнейших процессов в области тюркской акцентуации и вокализма).

В принципе нам кажется несомненным следующее: «алтайская» гармония гласных есть специфическое проявление неударенности аффиксальных гласных, их редукции⁴³, в условиях агглютинации урало-алтайского типа (последняя же предполагает в качестве своего атрибута непрременную ударенность корня, геср. неударенность аффиксов). Под редукцией здесь подразумевается эффект неударенности, состоящий

⁴¹ По мнению А. Мартине, основная функция ударения всегда выделительная (Мартине, стр. 207). Если это так, то вопрос заключается в том, какова та акцентуационная единица, которую выделяет ударение из речевого потока. Мы должны признать, что на «алтайской» стадии подобной единицей является не слово (как, например, в большинстве индоевропейских языков), а морфема определенной категории, а именно корень.

⁴² Правда, в дальнейшем корневыделительная роль ударения в значительной мере затемняется в связи с образованием многосложных корней (вследствие слияния омертвевших аффиксов с «первичными» корнями).

⁴³ Не случайно Н. С. Трубецкой относит нейтрализацию гласных в начальных слогах алтайских языков, т. е., иначе говоря, гармонию гласных, именно к редуктивному типу нейтрализации (Трубецкой, стр. 266—267).

в более или менее значительном ослаблении фонетической устойчивости гласных. Редукция может проявляться в виде частичной или полной утраты качественной определенности гласного, в его повышенной подверженности влияниям со стороны фонетического окружения⁴⁴, в количественном сокращении и, наконец, в полном исчезновении гласного.

Непосредственная причина редукции кроется в особенностях работы артикулирующего аппарата. «Звук, находящийся под ударением, имеет более энергичную и более четкую артикуляцию, чем неударенный»⁴⁵. Здесь, по-видимому, проявляется общая черта фонации как деятельности, состоящая в стремлении к экономии усилий и к минимуму разнообразия усилий, потребных для достижения полезного результата⁴⁶. Кроме того, можно полагать, что в основе редукции лежит психо-физиологический процесс торможения, индуцируемый смежным возбуждением — ударением⁴⁷. Таким образом, сам по себе факт редукции неударных гласных определяется факторами нелингвистического порядка. Именно поэтому это явление имеет универсальный характер: в любом языке, обладающем сколько-нибудь выраженным динамическим ударением, в той или иной степени присутствует и редукция неударных гласных. В этом легко убедиться, сопоставив хотя бы такие типологически и генетически далекие друг от друга языки, как, например, русский и монгольский. И в первом и во втором мы находим все те проявления фонетической неустойчивости неударных гласных, о которых упоминалось выше.

Фонетическая неустойчивость русских неударных гласных, особенно таких, как *э* и *ь*, общеизвестна. Их качественная характеристика расплывчата, локализация нестабильна и подвержена значительным индивидуальным и диалектным колебаниям. В связи с этим, редуцированные гласные весьма чувствительны к влияниям фонетического окружения. Чаще всего такие влияния исходят от соседних согласных (ср., например, лабиализацию неударных гласных по соседству с губными согласными в русских говорах: *попáша*, *устовáй*, *кобáк*, *кумáр*, *лумáт'* и т. п.)⁴⁸. В ряде говоров качество неударных гласных зависит и от гласного элемента ударного слога (например, так называемое ассимилятивное аканье

⁴⁴ Ср. Конечна, стр. 90.

⁴⁵ Зиндер (3), стр. 238.

⁴⁶ Ср. Поливанов (3), стр. 24 и сл.

⁴⁷ Ср. Панов, стр. 3 и сл.

⁴⁸ См. Аванесов (1), стр. 70.

и ассимилятивное «оканье») ⁴⁹. Наконец, при некоторых благоприятных условиях редукция неударного гласного может дойти до конца, т. е. до полного исчезновения гласного, а следовательно, и слога вообще. Ср. диалектные: *бáчкэ* (бабочка), *мáчкэ* (матушка) ⁵⁰, *пэ-угав'э* (по голове), *дэ-глав'ины* (до половины), *пэснав'йт'* (постановить) ⁵¹, *пугла́м* (по углам), *нуглу́* (на углу) ² ит. п.

Еще в большей степени фонетическая неустойчивость неударных гласных проявляется в монгольских языках. Возможно, это связано с большей интенсивностью динамического ударения ³.

Качественная определенность монгольских неударных гласных (кроме долгих, образовавшихся в результате выпадения интервокальных согласных или стяжения дифтонгов) так мала, что граничит с полной индифферентностью ⁴. В связи с этим акустическая характеристика неударных гласных нестабильна и колеблется в весьма широких пределах. Как указывает Б. Я. Владимирцов, в речи халхасов могут встретиться такие варианты, как *bātār ~ bātor ~ bātr* 'богатырь', *nersē ~ nersə ~ ners* 'голубка' и т. п. ⁵⁵. Звучание неударных гласных в монгольских языках настолько неопределенно, что новая монгольская орфография (на основе русской графики) содержит довольно обширный свод правил их правописания ⁶.

Есть основания полагать, что и в прошлые эпохи развития монгольских языков неударные гласные обладали в них столь же малой качественной определенностью и устойчивостью. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные ошибки, встречающиеся в письменных памятниках, например: *ečige* вместо *ečige* 'отец'; *darusu* вместо *darasu* 'вино'; *kerig* вместо *kereg* 'нужда', 'дело'; *Jegüden* вместо *Jegüdün* 'сон', 'сновидение'; *kütün* вместо *küten* 'холодный'; *amixul* вместо *amixal* 'дыхание', 'жизнь'; *sab* вместо *saba* 'сосуд'; *baras* вместо *bars* 'тигр'; *sini* вместо *sine* 'новый' и т. п. ⁷.

Естественно, что при такой фонетической неустойчивости неударные гласные легко подвергаются ассимилирующему

⁴⁹ Там же, стр. 65.

⁵⁰ Там же, стр. 61.

⁵¹ Там же, стр. 60.

⁵² Там же, стр. 111—120.

⁵³ Ср. Владимирцов (2), стр. 97; Санжеев (2), стр. 20.

⁵⁴ См., например, Владимирцов (2), стр. 55, 97, 327; Тодаева, стр. 21; Санжеев (1), стр. 72, 74; Санжеев (2), стр. 12.

⁵⁵ Владимирцов (2), стр. 327. Ср. также: Бертагаев, стр. 101.

⁵⁶ См. Тодаева, стр. 21—24.

⁵⁷ См. Владимирцов (2), стр. 107 и сл.

влиянию со стороны фонетического окружения. Поскольку это и есть фонетический аспект гармонии гласных, о которой речь пойдет ниже, мы пока оставляем его в стороне.

Наконец, в ряде случаев неударные гласные в монгольских языках редуцируются до предела, т. е. исчезают⁵⁸. Эта тенденция захватывает даже новейшие заимствования, в которых конечные гласные, как правило, апокопируются, например: *техник* 'техника', *тонн* 'тонна', *касс* 'касса', *лампы* 'лампа', *хими* 'химия', *арми* 'армия', *секц* 'секция', *облигаци* 'облигация' и т. п.⁵⁹.

Как видим, редукция неударных гласных, как феномен фонетический, представляет в русском и монгольских языках более или менее сходную картину. Подобные же проявления редукции можно, по-видимому, наблюдать и в любом другом языке, обладающем динамическим словесным ударением. Правда, удельный вес каждого из указанных выше проявлений неударенности гласных может значительно колебаться от языка к языку. Если, например, в индоевропейских языках мы сталкиваемся главным образом с утратой качественной определенности неударных гласных, то в алтайских прежде всего обращает на себя внимание подчинение неударного вокализма ассимилирующему влиянию фонетического окружения. Впрочем, провести сколько-нибудь четкую грань между этими явлениями практически очень трудно, так как они постоянно сопровождают друг друга.

Б. Морфологический аспект «алтайской» гармонии гласных

Иное дело — фонологический аспект редукции. Хотя конечный результат редукции и в этом плане, как правило, один и тот же: различительная способность неударных гласных в общем ниже, чем ударных, — пути, приводящие к указанному результату, различны. Иначе говоря, различны типы нейтрализации (или, по Н. С. Трубецкому⁶⁰, «случаи» нейтрализации) гласных.

Если мы продолжим сопоставление алтайских языков с русским, то убедимся в следующем. В русском языке (по крайней мере литературном) «представитель» гласной архифонемы не совпадает ни с одним из членов данной нейтрал-

⁵⁸ См. Санжеев (1), стр. 74; (5), стр. 156, 175—176.

⁵⁹ См. Годаева, стр. 44.

⁶⁰ См. Трубецкой, стр. 88—93.

лизуемой оппозиции (что соответствует «первому случаю» по Трубецкому); ср., например, аллофон *ɤ* в формах: *вѣдѣѡс* — от корня *вод-*, включающего фонему *о*, и *трѣвѣстѡј* — от корня *трав-*, имеющего в своем составе фонему *а*; *з'ѡрнышкѣ* — флексия *-о* и *д'ѡвушкѣ* — флексия *-а*; *нѣтл'исѣл* — префикс *под-* и *нѣтл'исѣл* — префикс *над-* и т. п.

В алтайских же языках представитель архифонемы совпадает с тем или иным членом нейтрализуемой оппозиции (точнее, нейтрализованного коррелятивного пучка), причем выбор аллофона в каждом случае определяется извне — в зависимости от качества огласовки ударного (т. е. начального) слога (что соответствует второму и четвертому «случаям» по классификации Трубецкого).

Указанные различия определяются спецификой морфо-акцентуационно-фонологических комплексов сопоставляемых языков. Это особенно заметно, если рассматривать вопрос в плоскости морфонологии.

Как известно, в русском языке ни одна категория морфем (т. е. корни или форманты) не является постоянным носителем ударения. Следовательно, ни одна морфема в принципе не «гарантирована» от того, что в составе той или иной словоформы ее гласный элемент (для простоты возьмем односложные морфемы) окажется в позиции нейтрализации (ср. формы *вѡды*, *вѣдѣ*, *вѣдѣѡс*, *пѡ-вѣду*, в которых одна и та же корневая морфема *вод-* находится в четырех разных положениях относительно ударения). Отсюда в свою очередь вытекает, что в русском языке нет и не может быть каких-либо устойчивых морфонологических и в то же время акцентуационных категорий гласных, одни из которых выступали бы только под ударением и потому постоянно играли бы господствующую фонетическую роль в слове, а другие встречались бы исключительно в неударной позиции и потому были бы всегда редуцированными, а значит, фонетически подчиненными. В описанных условиях у неударного гласного, фигурально выражаясь, во-первых, не может выработаться устойчивая «склонность» к подчинению и уподоблению, своего рода «комплекс неполноценности» (ибо в составе другой словоформы он же легко может оказаться в сильной позиции); во-вторых, для такого гласного в слове нет достаточно «авторитетного» и постоянного образца для уподобления. Поэтому редукция неударного гласного проявляется лишь в частичной утрате артикуляционных характеристик, а значит, и соответствующих дифференциальных признаков (что и приводит в определенных случаях к материальному совпадению аллофонов разных фонем, т. е. к нейтрализации

противопоставлений; ср. русские фонемы *о* и *а* совпадающие в общем варианте *ѵ*).

Другое положение наблюдается в алтайских языках. Прежде всего следует учесть, что здесь гласные ударных и неударных слогов фонологически (точнее, морфонологически) не идентичны. Если, например, в русском языке гласные *о*, *а*, *ѵ* суть представители одной и той же функциональной единицы, так как в принципе могут чередоваться в пределах одной и той же морфемы (см. выше), то этого никак нельзя сказать, например, о монгольских *о* и *ѵ* в форме *órōx* — причастие будущего времени от глагола *or-* 'входить' или *а* и *ѵ* в форме *áxăd* — дательного-местного падежа единственного числа существительного *ax* 'брат' и т. п., так как они никогда не встречаются в составе морфем одной и той же категории: ударные гласные функционируют только в корнях, неударные же — только в аффиксах (или в неначальных слогах двухсложной или многосложной основы, исторически представляющих собой омертвевшие аффиксы; для нас это не существенно, ибо мы здесь рассматриваем «идеальный» алтайский тип, в котором корни односложны).

Так как любая аффиксальная гласная функционирует только в пределах неударной позиции, ни один из ее аллофонов не может считаться «сильным», обладающим независимой качественной характеристикой и, следовательно, не может повлиять на остальные аллофоны того же парадигматического ряда в смысле ограничения амплитуды их качественных колебаний. Поскольку же в аффиксах имеются всего две самостоятельные вокалические единицы и граница между ними отмечена лишь признаком раствора (если рассматривать, например, монгольские языки), то «область рассеивания»⁶¹ каждой из этих единиц покрывает собою половину всех гласных звучаний, возможных для данного языка в неударных слогах: одна из них включает все «широкие» звучания, а другая — все «узкие».

Кроме того, поскольку степень внутренней консолидации агглютинативного слова сравнительно невысока, корень обладает в нем значительной долей семантической и конструктивной самостоятельности. Как правило, он не подвержен процессам опрощения, т. е. не «терется» и не растворяется в слове (как это нередко случается, например, в русском и других индоевропейских языках); в любом случае корень легко вычленяется из состава слова, так как этому не мешают различные фузионные искажения и стертость морфем-

⁶¹ См. Мартине, стр. 70 и сл.

ных границ; в большинстве случаев корень может функционировать и как отдельная словоформа (ср. монг. *nom* 'книга' — *nomūdtajd* 'имеющий книги' — *nomtoj* 'с книгой' — *nomūdās* 'из книг' — *nomunxō* 'своей книги' и т. п.; *nij* 'согласие', 'единение', 'совокупность' — *nijgde* 'совместно распространяться' — *nijgem* 'общий', 'общественный', 'общество' — *nijl* 'соединяться', 'дружить', 'совпадать', 'соответствовать' — *nijd* 'сойтись', 'дружить' и т. п.⁶²). Если при этом учесть и то, что корень постоянно несет на себе динамическое ударение и обладает стабильным и независимым звуковым составом (в частности огласовкой), то следует признать, что в агглютинативном слове корень явственно выделяется как компонент, господствующий не только семантически и морфологически, но и фонетически.

Совокупность указанных выше обстоятельств и приводит к тому, что в условиях агглютинативного слова редукция неударного вокализма проявляется в форме гармонии гласных. В самом деле, в силу своей крайней фонетической неустойчивости неударный гласный подвержен интенсивному воздействию со стороны фонетического окружения. А поскольку в агглютинативном слове единственным устойчивым и притом всегда ударным является гласный корня, то вокализм аффиксов, естественно, ассимилируется именно корневым гласным (ср. монгольские причастия будущего времени: *jawāx* 'имеющий идти', *irēx* 'имеющий прибыть', *orōx* 'имеющий войти', *örgōx* 'имеющий поднять' и т. п.⁶³).

В том, что гармония гласных обусловлена именно господствующим положением корня, убеждает нас еще и самый факт прогрессивного направления гармонии. Как известно, в большинстве языков ассимиляция звуков бывает чаще всего регрессивной⁶⁴. Однако, как указывает В. А. Богородицкий, «...в том случае, когда предшествующий звук по тем или другим причинам не поддается ассимиляции (разрядка моя. — М. Ч.), эта последняя может проявляться в обратном направлении, т. е. от предшествующего звука к последующему...»⁶⁵. Таким образом, прогрессивная ассимиляция всегда вынужденная. В данном же случае причиной, препятствующей регрессивной ассимиляции и вызывающей прогрессивную, как раз и является господствующее положение корневого вокализма и подчиненное положение вокализма аффиксов.

⁶² Примеры заимствованы из работ: Тодаева, стр. 46; Санжеев (3), стр. 37.

⁶³ Пример заимствован из работы: Санжеев (3), стр. 44.

⁶⁴ См. Зиндер (3), стр. 229.

⁶⁵ Богородицкий (5), стр. 33; см. также Богородицкий (1), стр. 879.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таково наше представление о природе гармонии гласных на «алтайской» стадии ее эволюции. Разумеется, изложенное выше лишь самая общая схема. Но и в таком виде, она, как нам кажется, помогает уяснить два момента, весьма важных для наших дальнейших рассуждений. Во-первых, гармония гласных закономерно связана с морфологической структурой агглютинативного слова. Во-вторых, на «алтайской» стадии гармония гласных обладает живо* фонетической обусловленностью.

О «ТЮРКСКОЙ» СТАДИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ

I. МОРФОЛОГО-АКЦЕНТУАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ «ТЮРКСКОЙ» СТАДИИ

Важнейшим событием, которое привело к кардинальной перестройке фонологической природы гармонии гласных и ознаменовало переход к «тюркской» стадии эволюции последней, послужила репласация ударения.

А. О причинах репласации ударения

В вопросе о причинах и механизме репласации еще очень много неясного, как и в области тюркской акцентологии вообще.

Однако можно предположить, что репласация произошла вследствие взаимодействия двух основных факторов: с одной стороны, потенциальной возможности, заложенной в природе самого алтайского ударения, а с другой — условий для реализации этой возможности, сложившихся на определенной ступени структурной эволюции тюркского слова.

Внутренняя предпосылка репласации заключалась, по-видимому, в двухполюсном характере алтайского ударения.

Среди тюркологов широко распространено мнение, что слово в тюркских языках обладает не одной, а по крайней мере двумя акцентуационными вершинами. Правда, указанная двухвершинность понимается по-разному. Большинство исследователей находят в тюркском слове два ударения: главное, фиксированное, как правило, на конечном слоге, и побочное, падающее на начальный слог. При этом некоторые авторы

считают, что оба ударения в качественном отношении одинаковы и отличаются друг от друга только степенью интенсивности¹; другие же воспринимают главное ударение как динамическое, а побочное — как повышение тона². Этим взглядам противостоит концепция, согласно которой в тюркском слове имеется не два, а только одно ударение, но его локализация в зависимости от причин эмоционального, ритмического или просодического порядка может колебаться между двумя позициями: «нормальной», приходящейся обычно на конечный слог, и инверсированной — на начальный слог³.

Очевидно, что вопрос о том, сколько в тюркском слове ударений и каково их качество, может быть решен окончательно только в результате тщательного экспериментального исследования. Однако, как бы то ни было, сам факт двухполюсности тюркского ударения представляется несомненным.

Подобную же двухполюсность ударения, но только с противоположным размещением «полюсов» констатируют и монголоеды. По свидетельству Б. Я. Владимирцова, в монгольском языке, кроме главного динамического ударения, находящегося на начальном слоге, имеется также тоновое (иногда сопровождаемое и слабым динамическим) на конечном слоге слова⁴.

Сопоставляя данные тюркских и монгольских языков, можно предположить, что на «алтайской» стадии ударение тоже было двухполюсным⁵, причем расположение «полюсов» соответствовало «монгольскому» типу (последнее вытекает из корневыделительной роли алтайского ударения — см. гл. III), а интервал интенсивности между обоями «полюсами» был сравнительно невелик (на основании ряда фактов Б. Я. Владимирцов считает, что в древнем монгольском побочное ударение было сильнее, чем теперь, и, следовательно, меньше отличалось от главного⁶).

Но наличие в слове двух акцентуационных вершин, к тому же мало отличающихся друг от друга по интенсивности, таит в себе определенную неустойчивость, а следовательно,

¹ См.: Баскаков (1), стр. 13; Баскаков (2), стр. 109—111; Харитонов, стр. 56; Егоров (2), стр. 221—223.

² См.: Radloff (1), стр. 97—98; Богородицкий (1), стр. 877 и сл.; Батманов (1), стр. 63; Зиновьев, стр. 51; Севортян (1), стр. 130 и сл.

³ См.: Мелиоранский, стр. 72; Шараф, стр. 202; Polivanov, стр. 81; Grönbech, стр. 378—386; Benzing, стр. 301—303; Menges, стр. 72.

⁴ Владимирцов (2), стр. 97; см. также: Санжеев (2), стр. 20.

⁵ Ср. Поливанов (2), стр. 1198; Polivanov, стр. 80.

⁶ Владимирцов (2), стр. 111.

возможность перераспределения качества полюсов (т. е. экспирации и тона, либо степеней интенсивности, либо, наконец, «нормальной» и инверсированной позиций).

Как уже упоминалось, типологические условия для репласации ударения сложились на определенной ступени структурной эволюции тюркского слова.

В предыдущей главе мы пытались показать, что на ранних этапах развития агглютинации урало-алтайского типа функция ударения состояла в выделении корня как семантически ведущей морфемы из ряда других соположенных с ним морфем. Такая роль ударения определялась, с одной стороны, недостаточной функциональной дифференциацией морфем, а с другой — относительно низкой степенью внутренней консолидации агглютинативного слова.

Однако с течением времени дифференциация морфем все более углублялась, так как те из них, которые развивались в направлении формантов, постепенно утрачивали ощутимую ассоциативную связь с исходными самостоятельными основами и вследствие этого лишались семантической и конструктивной самостоятельности. Ясно, что при таких условиях отпала необходимость в обязательном акцентуационном выделении корня, как единственном способе противопоставить его формантам. В то же время из-за непрерывно продолжающегося роста внутренней консолидации агглютинативного слова выделение корня становилось все менее возможным, так как сама корневая морфема тоже утрачивала значительную долю своей семантической и конструктивной самостоятельности. Правда, в тюркских языках этот процесс не зашел так далеко, как, например, в индоевропейских языках, однако имеется целый ряд фактов, позволяющих считать, что и тюркским языкам не чужда общая тенденция к стиранию морфологической структуры слова, в частности к опрощению корня и формантов.

Проявление указанной тенденции можно, как нам кажется, усмотреть в следующем.

Во-первых, в тюркских языках наблюдается довольно значительное число окаменевших форм и сочетаний, например: каз. *naɣur* ~ *näɣur* (<*nä qulur*) 'почему, по какой причине?', *arɣar-* (<*alur bar-*) 'унести', *äkäl* (<*alur käl-*) 'принести' и т. п.. В них корни *qul-*, *al-* выступают в крайне деформированном фонетическом виде и потому не вычлениаются из состава слов.

Во-вторых, стирание или во всяком случае затемнение морфологической структуры слова проявляется в случаях метатезы и гаплогонии: хак. *altanarɣa* (<*atlanarɣa*) 'садиться на

кочя верхом', *palıyırğa* (<*baıla...*) 'привязывать'⁷; др.-тюрк. <*sürçi* (*sür-ür-çi*) 'маляр', *otaçu* (<*ıt-a-daçu*) 'врач'⁸ и др.

В-третьих, о «размывании» межморфемных границ может в какой-то мере свидетельствовать факт слогового перераспределения, в результате которого звуки одной и той же морфемы оказываются в составе разных слогов, в то время как звуки разных морфем входят в состав одного и того же слога, например: тат. *ba-ram* (корень *bar-*) 'иду', *qar-nut* (корень *qar(y)n* 'мой живот')⁹ и т. п.

Наконец, в-четвертых, сюда следует отнести наличие в тюркских языках большого количества двух- и многосложных корней. Если принять издавна существующее среди алтаистов мнение об изначальной односложности алтайского корня¹⁰, то, очевидно, необходимо признать ныне существующие многосложные корни следствием слияния «первичных» корней либо между собой, либо с какими-то формантами, сейчас уже не ощущаемыми (вообще или только в данных сочетаниях) как отдельные морфемы. Нередко следы таких «угасших» формантов (resp. «угасших» корней) удается обнаружить в составе современных корней, как многосложных, так и вторично односложных (т. е. образовавшихся из многосложных в результате фонетических изменений). Так, например, в словах типа *ärin* 'губа', *böjin* 'шея', *birün* 'нос', *qaryn* 'живот', *alyn* 'лоб', с одной стороны, и типа *üst* 'верх', *ast* 'низ', *ald* 'перед', *art* 'зад' и т. п. — с другой, Ф. Г. Исаков усматривает следы архаичного аффикса, который совершенно утратил в них свое грамматическое значение¹¹. В составе шор. *pügräk*, тур. *böbräk*, каз. *büjrak* 'почка' (анат.) можно, как нам кажется, вычленив омертвевший аффиксальный элемент *-äk/-aq*, если сопоставить это слово, с одной стороны, с тат. *büir*, як. *büör* 'почка', а также с такими семантически родственными словами, как туркм. *baıur*, каз. *baıur* 'печень', кирг. *bör*, алт. *pür*, як. *byar* 'живот', 'брюхо', каз. *büjir* 'бок', а с другой — с тув. *qaraq* 'глаз' (ср. *qara-* 'смотреть'), каз. *işäk* 'кишка' (ср. *iş* 'нутро'), *žüräk* 'сердце' (ср. *žür-* 'бежать'). Сюда же, очевидно, следует отнести и каз. *kökräk* 'грудь' (ср. чув. *käkär*, др.-тюрк. *köküz*, як. *köhüs* с тем же значением; по-видимому, и в этом последнем случае можно предполагать историческую производность, так

⁷ См. Пальмбах, Исаков, стр. 294.

⁸ См. Gabain, стр. 56.

⁹ См. Богородицкий (6), стр. 83—84.

¹⁰ См.: Adam, стр. 66—68; Radloff (3), стр. 33; из работ последних лет см.: Юнусалиев, стр. 12; Юлдашев, стр. 28.

¹¹ Исаков (1), стр. 124 и сл.

как в монгольском находим *kökün* 'грудь' с другим формантом¹²), а также, вероятно, такие слова, как каз. *sūjak* 'кость', *ajaq* 'нога', *qulaq* 'ухо', туркм. *göbäk* 'пупок' и т. п.

Следы былой производности можно усмотреть также и в следующем ряду слов: тур. *balgam* 'мокрота', каз., кирг. *balbyra-* 'сыреть (о сене, траве)', каз. *baldyr*, кирг. *balyr*, тув. *balar*, хак. *palar* 'водоросли', 'тина', каз. *balawsa*, лобнор. *balun* 'травя, растущая у воды', каз. *balqaş* 'болотистое место', *balşuq* 'грязь', 'глина', кашг. *balq* 'глина'¹³, каз. *baluq* 'рыба' и т. п. Мы не можем здесь входить в подробные этимологические изыскания, однако, как нам представляется, не исключено, что все эти слова включают один и тот же первичный корневой элемент *bal-* с общим значением 'влага', 'вода'. Возможно, что в наиболее «чистом» виде этот элемент сохранился в таких словах, как ног. и каз. (сев.-зап. говоры) *bal* 'маленький арык, служащий для полива посевов'¹⁴, а также в каз., кирг. *mal-* 'погружаться (в воду)' и чув. *Päla* — название реки. В каждом из приведенных выше современных корней этот первичный корневой элемент, по-видимому, был осложнен ныне «угасшим» аффиксом (или аффиксами) и слился с ним в неразложимое целое¹⁵.

По мере эволюции тюркского слова от ряда соположенных автономных морфем к монолитному, теряющему внутреннюю мотивировку знаку изменяется и роль ударения. Из средства выделения одной из морфем в пределах слова ударение превращается в принадлежность слова как целого. В сложившихся условиях исчезает необходимость локализации ударения на корне и тем самым становится возможной репласация ударения, потенциальная предпосылка которой была издавна заложена в природе самого ударения, а именно в его двухполюсности.

Как видим, в силу внутренней логики своего развития тюркские языки на определенной стадии эволюции отходят от «классической» агглютинации урало-алтайского типа, одним из атрибутов которой является конструктивная и семантическая автономность морфем при непеременимой ударенности корней, и приобретают принципиально новые типологические черты.

¹² Малов, стр. 395.

¹³ Menges, стр. 74, см. также: Малов, стр. 368, где др.-тюрк. *baluq* 'город' сопоставляется с ж.-уйг. *palyq üj* 'глинобитный дом', каз. *balqaş* 'кочки на болоте', 'зыбкое место', а также с др.-тюрк. *balbal* 'статуя, каменная баба' (по предположению С. Е. Малова, последнее из *bal* + *bas*, т. е. 'глиняная голова').

¹⁴ См. Доскараев, стр. 23.

¹⁵ Об исторической производности некоторых других ныне неразложимых корней см. также: Юлдашев, стр. 24—25.

Б. Внутренняя периодизация «тюркской» стадии

Хотя отмеченные выше черты характеризуют «тюркскую» стадию в целом, в этой стадии целесообразно различать два этапа, первый из которых мы условно назовем «раннетюркский», а второй — «позднетюркский». Фактически вся засвидетельствованная в письменности история тюркских языков относится ко второму этапу. Первый же этап восстанавливается лишь теоретически, как логически необходимое связующее звено между «алтайской» стадией и непосредственно наблюдаемой картиной живых и мертвых тюркских языков.

В области морфологии различия между «раннетюркским» и «позднетюркским» этапами имеют главным образом количественный характер и заключаются в неодинаковой степени внутренней консолидации слова. В частности, упомянутые выше признаки опрощения и стирания структуры слова выражены более явно на «позднетюркском» этапе. В качестве разграничительного признака для двух названных этапов можно принять слоговое строение корня: «раннетюркский» этап характеризуется обязательной односложностью корня, а «позднетюркский» — возможностью существования также и многосложных корней, неразложимых в синхронном плане. Выбор критерия периодизации оправдывается тем, что изменения слоговой структуры корня обусловили некоторые существенные сдвиги в фонологии тюркских гласных (см. ниже).

В области вокализма различия между двумя указанными этапами «тюркской» стадии имеют более принципиальный, качественный характер. Поскольку задача настоящей главы состоит в выяснении общих условий и динамики становления гармонии гласных тюркского типа, мы ограничимся здесь подробным рассмотрением «раннетюркского» этапа, а на «позднетюркском» остановимся лишь коротко.

II. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ И СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА НА «РАННЕТЮРКСКОМ» ЭТАПЕ

А. Утрата фонетической обусловленности и функциональная перестройка гармонии гласных

Непосредственным результатом репласации ударения для системы тюркского вокализма явилась утрата фонетической обусловленности гармонии гласных. Широко распространен взгляд на тюркскую гармонию гласных, как на ассимиляцию, т. е. живой фонетический процесс¹⁶.

¹⁶ См.: Deny (1), стр. 105; Räsänen, стр. 3; Егоров (2), стр. 173; Ми-

Мы, однако, убеждены, что прав в данном случае В. А. Богородицкий, считавший тюркскую гармонию гласных не «процессом изменения», а лишь «унаследованным чередованием звуков, причина которого лежит в более или менее отдаленном прошлом»¹⁷. Это доказывается не только тем фактом, что начальный слог слова больше не является носителем главного ударения, но и тем, что в ряде случаев сингармонический рисунок слова вовсе не соответствует нынешнему качеству огласовки начального слога. Как указывает В. А. Богородицкий, «несмотря на то, что корневой гласный в известных фонетических условиях почти исчез или даже исчез и, следовательно, уже не способен оказывать влияния, тем не менее гармония гласных в аффиксах выдерживается. Ясно, что здесь причина, породившая гармонию гласных, уже не существует более в языке, и гармония гласных, таким образом, является в настоящее время лишь «чередованием» гласных, опирающимся на приобретаемой с детства привычке к ассоциациям известных отношений между гласными аффиксов и корневыми»¹⁸.

Тот факт, что, утратив живую фонетическую обусловленность, гармония гласных не только не исчезла, но в некоторых отношениях даже расширилась и стала более последовательной (см. ниже), связан со специфической функциональной нагрузкой, которую приобрела гармония в условиях строя тюркских языков.

Как должно быть ясно из предшествующего изложения, по мере роста внутренней консолидации слова как основной языковой единицы неизбежно увеличивалась и потребность в средствах, которые могли бы противостоять центробежным силам, постоянно сопутствующим агглютинации.

В тюркских языках такими средствами не могли служить ни ударение, ни фонетические признаки конца слова. Первое — из-за сравнительно малой интенсивности¹⁹, а также потому, что оно вообще слабо связано со словом как таковым и, как полагают некоторые исследователи, имеет тенденцию превратиться в синтагматическое ударение²⁰. Что же касается вторых, то они в тюркских языках по существу отсутствуют, так как фонетические закономерности, наблюдаемые на гра-

хайлова, стр. 121; Севортян (1), стр. 34—35; Исхаков (3), стр. 122; Ramstedt, стр. 136.

¹⁷ Богородицкий (6), стр. 50.

¹⁸ Богородицкий (1), стр. 878.

¹⁹ См.: Харитонов, стр. 56; Басаков, Инджекова-Грекул (2), стр. 374, Севортян (1), стр. 130—131.

²⁰ См.: Grönbech, стр. 378 и сл.; Зиновьев стр. 50; Старостов, стр. 109—116.

ницах слов, почти совсем не отличаются от фонетических закономерностей, свойственных положению на границе морфем внутри слова²¹. Так, например, апокопия гласного в ауслауте (*sar(y) at* 'гнедая лошадь') ничем не отличается от подобного же явления внутри слова (як. *altya* < *alta* + *ya* 'вшестером', *ahyam* < *ahā* + *yam* 'я буду есть')²². То же можно сказать и о переходе *a* > *i* и *ā* > *i* на стыке слов в уйгурском языке, например *anči qiziq* (вместо *ančā*) 'очень внимательный'²³ (ср. *balisi* < *bala* + *si* 'его ребенок' и т. п.).

Наблюдаемое в конце слова приглушение согласных (каз. *qap* 'мешок' — при *qabum* 'мой мешок', *myltyq* 'ружье' — при *myltyum* 'мое ружье' и т. п.; ср. также заимствованные из арабского *kitap*, *mäktäp* — при исходных со звонкими согласными в конце) также не может служить полноценным признаком конца слова, ибо, как отмечает В. И. Зиновьев, «при объединении слов в ритмические группы, при слитном произношении слов на границе их наблюдаются в основном те же чередования, что и внутри слова²⁴», например, каз. *qab[~]aldum* '[я] взял мешок', *kitab[~]aldum* '[я] взял книгу', где конечные согласные, оказавшись в интервокальной позиции на стыке слов, озвончаются так же, как на стыке морфем внутри слова (ср. *qabum*, *kitabum*). Наконец, об отсутствии признаков конца слова свидетельствует и возможность перераспределения слогораздела между словами, в результате которого звуки, относящиеся к разным словам, оказываются в составе одного слога, например каз. *tor(y) + at* → *to-rat* 'гнедой конь' (ср. подобный же процесс между морфемами внутри слова: *šaš + y* → *ša-šy* 'его волосы', *bar + a* → *ba-ra* 'идя' и т. п.)²⁵.

В описанных условиях роль централизующего и делимитативного средства закрепила за гармонией гласных: наличие корреляции между огласовкой двух или нескольких смежных слогов-морфем стало восприниматься как признак того, что эти морфемы составляют единое слово; граница распространения такой корреляции — как пограничный сигнал слова. Мысль о делимитативной функции гармонии гласных высказывалась еще в середине прошлого века А. Шлейхером²⁶, А. Ридлем²⁷, а позже — Л. Аданом²⁸. Но наиболее

²¹ См.: Барашков, стр. 23; Севортян (1), стр. 119; Ramstedt (5), стр. 186—187.

²² См. Харитонов, стр. 67.

²³ См. Насилов (1), стр. 8.

²⁴ См. Зиновьев, стр. 50.

²⁵ См. Кенесбаев, стр. 63; см. также Старостов, стр. 113.

²⁶ Schleicher (1), стр. 63—64.

²⁷ Riedl, стр. 34—43.

²⁸ Adam, стр. 66—68.

определенно она была сформулирована в конце 70-х г. И. А. Бодуэном де Куртене²⁹ и с тех пор является в тюркологии общепризнанной³⁰.

Б. Эволюция системы вокализма

То обстоятельство, что, утратив фонетическую обусловленность, гармония гласных сохранилась в качестве основного средства универбации и словоразграничения, направило все дальнейшее развитие системы вокализма в русло своеобразной специализации. В процессе этого развития строение тюркского вокализма постепенно приобретает черты исключительной упорядоченности и, мы бы сказали, аналитичности (см. гл. I). Это в равной мере относится к динамике парадигматических взаимоотношений между гласными начального и нена начального слогов и к эволюции строения каждой из названных подсистем гласных в отдельности.

1. Изменения в структуре отношений между гласными начального слога и гласными нена начальных слогов

В развитии парадигматических взаимоотношений между обеими подсистемами тюркских гласных следует выделить два момента, внешне как будто противоречащих друг другу, но по существу обусловленных одними и теми же причинами типологического порядка, о которых говорилось выше. Мы имеем здесь в виду, с одной стороны, морфонологическую бифуркацию системы вокализма, а с другой — «прояснение» гласных нена начальных слогов, т. е. их материальное совпадение с гласными начального слога.

Морфонологическая бифуркация вокализма

С точки зрения синхронии (см. гл. I) две вокалические единицы, различаемые в нена начальных слогах, квалифицируются как архифонемы, выступающие в позиции нейтрализации противопоставлений по признакам ряда и огубленности. Иначе говоря, эти единицы как бы обобщают варианты тех

²⁹ Бодуэн де Куртене, стр. 323 и сл.

³⁰ См.: Radloff (1), стр. 51—52; Алпаров, стр. 116 Богородицкий (2), стр. 67; Егоров (1), стр. 38—39; Novák, стр. 87 и сл.; Menges, стр. 85—86; Зиновьев, стр. 48; Убрятова (1), стр. 551; Gabain, стр. 51 и сл.; Боровков (2), стр. 123; Deny (2), стр. 112.

же восьми гласных фонем, которые различаются в начальном слоге.

Таким образом, в синхронии гласные начального и неначальных слогов хотя фонологически и не равноценны, но все же парадигматически гомогенны.

Однако при диахроническом подходе картина парадигматических взаимоотношений между названными подсистемами гласных рисуется в несколько ином свете. Как предполагается, на «раннетюркском» этапе все корни были односложными. Следовательно, начальный слог слова всегда являлся корневым, а любой неначальный — непременно аффиксальным. Но если это так, то вопрос о парадигматических отношениях между гласными начального и неначальных слогов представляется целесообразным рассматривать в плане сугубо морфонологическом (в узком смысле слова). В самом деле, поскольку мы признаем, что фонема есть непосредственный элемент морфемы, функциональная идентичность двух или нескольких звучаний может быть установлена лишь при том условии, что они в принципе могут чередоваться (комбинаторно или позиционно) в составе одних и тех же морфем или хотя бы в составе морфем одной и той же категории (корневых или аффиксальных). Но, как уже говорилось, исторически тюркские гласные начального слога были только корневыми, а гласные неначальных слогов — только аффиксальными. Следовательно, они принципиально не могли встретиться в одной и той же морфонологической позиции. А это значит, что, при всей возможной материальной близости этих гласных, они не сводимы к одним и тем же функциональным единицам.

Однако своеобразие парадигматических отношений (точнее, отсутствия таких отношений) между гласными начального и неначальных слогов на рассматриваемом этапе сказанным не исчерпывается. Мало того, что эти гласные не сводимы к одним и тем же единицам, — они не составляют и единой системы единиц. Поскольку гласные этих двух категорий никогда не встречаются в морфемах одного порядка, то они не могут находиться и в оппозиции друг к другу³¹. Ведь, как известно, оппозиция включает в себе элемент неопределенности, она предполагает возможность произвольного выбора того или иного из ее членов в зависимости от конкретной коммуникативно-экспрессивной задачи. В нашем же слу-

³¹ Здесь кажется уместным привести слова Н. С. Трубецкого, сказанные, правда, по несколько иному поводу: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга

чае употребление вокалических единиц каждой из двух категорий целиком predetermined морфологическими условиями — корневым или аффиксальным характером заданной морфемы. Но если гласные начального слога и гласные неначальных слогов не находятся в отношениях взаимных оппозиций, то они не составляют и единой системы. Ведь всякая лингвистическая система есть не что иное, как совокупность функциональных единиц, связанных между собой отношениями оппозиций.

Таким образом, в парадигматическом плане обе морфологические категории тюркских гласных совершенно автономны. И если мы все же говорим о вокализме какого-либо тюркского языка (имея в виду его исторические судьбы), как о чем-то едином, мы подразумеваем лишь то, что обе категории гласных составляют принадлежность именно данного языка и наряду со всей совокупностью других черт определяют его специфику.

Само собой разумеется, что сказанное несколько не противоречит тому, что в синтагматическом плане гласные начального и неначальных слогов теснейшим образом взаимосвязаны. Надо, однако, сказать, что специфика парадигматических отношений между гласными начального и неначальных слогов особым образом сказывается и на их синтагматическом взаимодействии. Природа этого взаимодействия такова, что его можно образно сравнить с электромагнитной индукцией, например, в трансформаторе. Как известно, в этом устройстве имеются две изолированные друг от друга обмотки, причем определенное состояние цепи первичной обмотки «настраивает» цепь вторичной обмотки на соответствующее состояние, хотя никакого «материального» обмена между ними не происходит: каждая из них замкнута в себе и автономна. Так же и в тюркском слове. Наличие, допустим, фонемы *a* в начальном слоге вызывает в неначальных слогах появление гласных *a* (*bašlar* 'головы') или *y* (*başu* 'его голова'), хотя последние две гласные — по отношению к гласной *a* начального слога — парадигматически явление совершенно иного порядка и «вращаются» по другой «орбите». Точно таким же образом наличие фонемы *ä* в начальном слоге «на-

члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать основанием для сравнения. Две вещи, не имеющие основания для сравнения или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу» (Трубецкой, стр. 75).

страивает» неначные слоги данного слова на огласовку *ä* или *i* (*bätlär* 'лица', *bäti* 'его лицо') и т. п.

Итак, оставаясь в плоскости «чистой» фонематики, мы рисковали бы упустить из виду один очень существенный момент эволюции тюркского вокализма — его морфонологическую бифуркацию.

Возникновение упомянутой бифуркации исторически обусловлено двумя взаимосвязанными факторами: грамматикализацией формантов и репласацией ударения. С этой точки зрения и в указанном процессе можно, по-видимому, выделить две ступени, соответствующие двум стадиям развития всего морфо-акцентуационно-фонологического комплекса, лежащим в основе нашей периодизации.

На первой ступени корень несет на себе ударение, а превращающиеся в форманты энклитики еще сохраняют живую связь с породившими их самостоятельными основами. При таких условиях гласные элементы данного грамматического показателя и исходной основы, естественно, соотносятся между собой как реализации одной и той же вокалической единицы. Функционируя в составе самостоятельной основы, эта единица несет на себе ударение и фонетически независима. Выступая же в составе соответствующего форманта — энклитики, она попадает в фонетическую зависимость от огласовки тех корней, с которыми может сочетаться данный формант, и в силу этого дает ряд модификаций по определенным вокалическим признакам (ряд, огубленность). Ср., например, гласную фонему *i* в местоимении *biz* 'мы' и в развившемся из него личном показателе *-biz/-byz/-büz/-buz*; фонему *u* в глагольной основе *tur-* 'стоять', 'быть', 'пребывать' и в развившемся из нее предикативном показателе 3-го лица *-dul-dül/-dyl-di*; фонему *a* в реконструируемом слове **yar* со значением направления и в возникшем из этого слова показателе направительного падежа *-ya/-gä/-yo/-gö*³²; фонему *ä* в местоимении *män* 'я' и в развившемся из него личном показателе *-män/-man/-*mön/-*mon*³³ и т. п.

Таким образом, по числу гласных фонем, различающихся под ударением, возникает несколько рядов позиционных пере-

³² Об этимологии этого аффикса см. Исаков (5), стр. 103.

³³ Варианты этого показателя, приведенные «под звездочкой», реально не засвидетельствованы, так как в языках, в которых данный показатель имеет широкую огласовку, гласные *o* и *ö* в неначных слогах вообще не встречаются (например, каракалпакский, кумыкский и др.). Характерная для большинства тюркских языков узкая огласовка этого же показателя является, по-видимому, вторичной [ср. Дмитриев (7); стр. 8—9].

дований, независимый член каждого из которых фигурирует в самостоятельной форме основы, а позиционно обусловленные варианты — в энклитических формах данной основы, играющих роль грамматических показателей. Нетрудно заметить, что при этом все гласные фонемы одного и того же раствора в одинаковых комбинаторных (сингармонических) условиях дают совершенно одинаковые модификации; ср., например, с одной стороны, фонему *i* в составе местоимения *biz* и его энклитической формы — предикативного показателя *-biz/-byz/-büz/-buz*, а с другой — фонему *u* в составе глагольной основы *tur-* и ее энклитической формы — предикативного показателя *-du/-dū/-dy/-di*.

Фонемы в составе самостоятельных основ, под ударением	<i>i</i>	<i>u</i>
---	----------	----------

Аллофоны тех же фонем в составе энклитик	1) <i>y</i> 2) <i>i</i> 3) <i>u</i> 4) <i>ü</i>	1) <i>y</i> 2) <i>i</i> 3) <i>u</i> 4) <i>ü</i>
---	--	--

В составе энклитик противопоставление гласных фонем одного и того же раствора фактически нейтрализуется, и здесь, в полном соответствии с концепцией Н. С. Трубецкого (см. выше), действительно фигурирует архифонема. По терминологии Р. И. Аванесова³⁴, фонемы одинакового раствора образуют пересекающиеся ряды чередований:

Сильная позиция	<i>i</i> <i>u</i>
Слабые позиции:	∇
1)	<i>y</i>
2)	<i>i</i>
3)	<i>u</i>
4)	<i>ü</i>

³⁴ Ср.: Аванесов (2), стр. 23 и сл.

Аналогичные ряды образуют и широкие фонемы.

Вторая ступень рассматриваемого процесса знаменуется, во-первых, репласацией ударения, в результате чего корень перестает быть акцентуационной вершиной слова, и, во-вторых, утратой живой ассоциативной связи между формантами и исходными самостоятельными основами. На парадигматических отношениях между гласными начального и неначальных слогов эти изменения отразились следующим образом:

1. В результате «отрыва» (в ассоциативном плане) формантов от исходных самостоятельных основ между гласными элементами тех и других исчезают отношения позиционных чередований, а следовательно, и отношения представителей родных и тех же вокалических единиц. Таким образом, нижняя часть приведенной схемы полностью изолируется от верхней части, и каждая из них замыкается в себе. В свою очередь это приводит к тому, что фонемы, находящиеся в верхней части схемы (т. е. фонемы, различаемые в составе самостоятельных основ), обособляются и друг от друга, так как более не образуют нейтрализуемой оппозиции:

Самостоятельные	i u y i u ï
основы	
форманты	

2. Поскольку фигурирующие в самостоятельной основе и употребляемые в формантах члены каждого из первоначальных рядов чередований уже не составляют парадигматического единства, по отношению к их фонологическим позициям становится неприменимым и само понятие «сильный» и «слабый» (тем более, что бывшая «сильная» позиция перестает к тому же быть ударной): ведь вообще под фонологическими позициями понимаются разные состояния одной и той же функциональной единицы. Если, например, гласный элемент местоимения *biz* перестает входить в один ряд чередований с гласными элементами предикативного показателя *-byz/-biz/-buz/-büz*, то, естественно, что первый не может более счи-

таться «сильным», а вторые соответственно «слабыми» членами этого, уже не существующего в своем исходном составе ряда.

3. Если на предшествующем этапе гласные *y, i, u, ü* в составе, например, показателя *-byz/-biz/-buz/-büz* и материально тождественные им гласные в составе показателя *-du/-di/-du/-dü* представляли собой хотя и пересекающиеся, но все же генетически разные ряды чередований (в первом случае — ряд аллофонов фонемы *i*, а во втором — ряд аллофонов фонемы *u*), то теперь они утратили свою индивидуальность относительно друг друга и полностью конвергировались. Ведь единственным, что ранее отличало их один от другого, было то, что находившиеся во главе каждого из них «сильные» члены — не одинаковы. Таким образом, отныне любые гласные данного раствора, выступающие в составе неначальных слогов, воспринимаются уже не как общие члены нескольких пересекающихся рядов, не как продукт нейтрализации этих разных рядов, а как единый ряд, образующий самостоятельное функциональное целое.

Изменение типа нейтрализации гласных неначальных слогов

Определенный интерес представляет для нас тот факт, что любая реализация каждой из двух вокалических единиц неначальных слогов материально совпадает с той или иной гласной фонемой начального слога (однако обратное не обязательно, так как вокализм начального слога зачастую богаче звучаниями, чем вокализм неначальных слогов). Так, например, в киргизском языке широкая гласная неначальных слогов реализуется в звучаниях, качественно совпадающих с гласными *a, ä, o, ö* начального слога (ср., с одной стороны, варианты аффикса множественности *-lar/-lär/-lor/-lör*, а с другой — корни: *bal* 'мед', *bäl* 'поясница', *bol* 'быть', *böl* 'делить'), а узкая — в звучаниях, совпадающих с фонемами *y, i, u, ü* начального слога (ср. варианты предикативного показателя *-du/-di/-du/-dü* и корни: *qyr* 'воздвигать', *kir* 'входить', *qur* 'хребет', 'грань', *kür* 'благополучный', 'изобильный').

Таким образом, если вслед за Н. С. Трубецким трактовать тюркский вокализм неначальных слогов как результат нейтрализации тембровых противопоставлений³⁵, то тип этой нейтрализации нужно отнести к так называемому «четвертому слу-

³⁵ См. Трубецкой, стр. 118, 266—267. Точнее, речь здесь должна идти о нейтрализации коррелятивных пучков, так как одновременно нейтрализуются два признака — ряд и огубленность.

чаю», т. е. к такому, когда в качестве представителей архифонемы выступают сами члены нейтрализуемой оппозиции, причем выбор того или иного члена определяется извне (в данном случае в зависимости от огласовки начального слога)³⁶. Заметим, кстати, что, по утверждению Н. С. Трубецкого, «в чистом виде рассматриваемый (т. е. четвертый—М. Ч.) случай встречается очень редко»³⁷ (разрядка моя. — М. Ч.), — обстоятельство, лишний раз подчеркивающее «исключительный» характер строения тюркского вокализма.

Иная ситуация существовала, по-видимому, на «алтайской» стадии эволюции вокализма. Здесь положение гласных в начальных слогах тоже представляло собой позицию нейтрализации тембровых противопоставлений. Однако нейтрализация эта соответствовала «первому случаю» Н. С. Трубецкого³⁸: представители обеих гласных архифонем начальных слогов материально не совпадали ни с одним членом нейтрализуемых оппозиций, будучи в силу постоянной неударенности гласными неполного образования (см. гл. III). Подобное положение частично и поныне существует, например, в монгольских языках; ср.: *bätvr* 'богатырь', *nèrsə* 'голубка'³⁹, *áxvd* 'брату', 'у брата', *jáwvx* 'имеющий идти'⁴⁰ и т. п.

Изменение типа нейтрализации тюркских гласных в начальных слогах связано, как нам кажется, не только непосредственно с репласацией ударения, но и с превращением гармонии гласных в средство универбации и словоразграничения. На «алтайской» стадии гласные начальных слогов представляли собой по существу лишь слогообразующие элементы, своеобразные «шва», качество которых было стихийным результатом их постоянной неударенности, resp. редукции (в том смысле, как этот термин употреблен в гл. III). При переходе же к «тюркской» стадии качество этих гласных, во-первых, утратило фонетическую обусловленность (вследствие репласации ударения), а во-вторых, приобрело определенную функциональную нагрузку. Так как соотношение огласовки начальных слогов с гласным начального слога играет отныне роль делимитативного сигнала, то качество этой огласовки становится существенным и, следовательно, должно быть строго дифференцировано. Исходя из сказанного, мы не можем согласиться с мнением Г. Д. Санжеева, считающего, что сингармонизм с самого начала предполагает

³⁶ Трубецкой, стр. 91 и сл.

³⁷ Там же, стр. 92.

³⁸ Там же, стр. 88.

³⁹ Владимирцов (2), стр. 327.

⁴⁰ Санжеев (2), стр. 44.

наличие более или менее четких гласных фонем⁴¹. Гораздо более обоснованной нам кажется точка зрения В. А. Богородицкого, согласно которой «разнообразие флексийного (вокализма. — М. Ч.), первоначально восходящее к двум типам (широкий гласный и узкий), обязано влиянию сингармонизма...»⁴².

2. Эволюция подсистем вокализма

Специализация системы тюркского вокализма проявляется также в особенностях строения каждой из двух подсистем гласных. Подробно об этих особенностях уже говорилось в главе I. Сейчас мы рассмотрим возможные пути эволюции, приведшей к тому состоянию обеих подсистем вокализма, которые характеризует «раннетюркский» этап.

Так как условия, определившие упомянутые особенности строения вокализма, сложились только на определенной, вероятно, относительно поздней ступени типологической эволюции, естественно предположить, что в более ранние эпохи тюркские языки обладали не столь специфичными системами гласных.

К сожалению, о природе этих систем мы можем только догадываться, ибо в нашем распоряжении чрезвычайно мало положительных данных. Кроме современной системы тюркского вокализма, единственной более или менее надежной вехой здесь может служить система орхоно-енисейской письменности, поскольку предполагается, что она в какой-то мере отражает состояние вокализма соответствующей эпохи⁴³. Поэтому всю историю тюркского вокализма удобно разделить на три условных периода: «доорхонский», «орхонский» и «послеорхонский». Необходимо при этом подчеркнуть, что с точки зрения эволюции вокализма сам по себе «орхонский» период, возможно, не имеет принципиального значения. Мы используем его в качестве ориентира лишь потому, что только он доступен непосредственному наблюдению.

О некоторых особенностях «орхонской» системы гласных

Прежде всего остановимся на некоторых свойствах принятой нами за точку отсчета «орхонской» системы. Как известно, в орхонском алфавите было только четыре знака для

⁴¹ См. Санжеев (1), стр. 118.

⁴² Богородицкий (6), стр. 87.

⁴³ Ср. замечание И. Крамского о том, что все имеющееся в письменности, вероятнее всего есть и в языке, хотя обратное и не обязательно (Krámský, стр. 125).

гласных. Обычно считается, что каждый из них имел двойное звуковое значение: знак $\int$ мог передавать гласную *a* или *ä*,

знак $\uparrow$ — *u* или *i*, знак $>$ — *o* или *u*, знак $\mathcal{M}$ — *ö* или *ü*⁴⁴.

Таким образом, предполагается, что уже в «орхонскую» эпоху тюркские языки обладали восьмигласной системой вокализма. Нам, однако, кажется, что здесь допущена недостаточно обоснованная экстраполяция. Во всяком случае данные орхонского письма можно истолковывать и иначе, а именно как свидетельство существования четырехчленной системы гласных⁴⁵. Не исключено, конечно, что к моменту создания дошедших до нас памятников орхонское письмо уже не во всем соответствовало положению в языке. Но в таком случае предполагаемая четырехгласная система лишь отодвигается во времени. В принципе это не меняет дела, и условное наименование «орхонского» вокализма можно сохранить именно за четырехгласной системой.

При анализе рассматриваемой системы вокализма обращает на себя внимание следующее обстоятельство: неогубленные гласные противопоставлены друг другу только по признаку раствора (но не ряда), а огубленные, напротив, только по признаку ряда (но не раствора)⁴⁶. Следовательно, с точки зрения дифференциальных признаков четыре «орхонские» гласные можно определить так:

- 1) неогубленная широкая;
- 2) неогубленная узкая;
- 3) огубленная заднего ряда;
- 4) огубленная переднего ряда;

*Состояние вокализма, предшествовавшее его
морфонологической бифуркации*

Вопрос о формировании «орхонской» вокалической системы иногда связывают с общей проблемой происхождения гласных как категории фонем. Основываясь на известной гипотезе Ван-Гиннекена⁴⁷, И. Крамский полагает, что четыре «орхон-

⁴⁴ См.: Малов, стр. 17; Krámský, стр. 127; Батманов (2), стр. 16—21; Насилов (2), стр. 11.

⁴⁵ Ср. Krámský, стр. 128.

⁴⁶ Характерно, между прочим, что подобная же картина наблюдается и в старом монгольском письме.

⁴⁷ См.: Ginneken (1); Ginneken (2), а также: Ярцева; Krámský, стр. 128; Кацнельсон (2), стр. 46—55.

ских» гласных непосредственно восходят к «призвукам» четырех тембровых разновидностей согласных⁴⁸. Нам, однако, кажется, что названный автор излишне архаизирует «орхонский» вокализм. Некоторые соображения общетипологического, а также и более частного характера позволяют предположить, что на более ранних этапах система алтайского вокализма была, по всей вероятности, трехгласной; четырехгласная же «орхонская» система является уже следующей ступенью эволюции. Общеизвестно, например, что в языках с наименее развитым вокализмом система гласных сводится обычно именно к трем фонемам:

i *u*
a

Таково положение во многих семитских, кавказских и других языках. Что же касается алтайских языков, мысль о трехгласной системе первоначального вокализма алтайских языков высказывалась неоднократно⁴⁹.

Однако для характеристики той или иной вокалической системы, особенно с целью выявления возможных путей ее эволюции, недостаточно учитывать только состав ее фонем. В самом деле, одну и ту же, приведенную выше, трехгласную систему в принципе можно трактовать по меньшей мере шестью совершенно разными способами — в зависимости от того, какие из вокалических признаков мы примем за релевантные:

1) широкая (*a*) противостоит двум узким, из которых одна — переднего ряда (*i*), а другая — заднего (*u*);

2) широкая (*a*) противостоит двум узким, из которых одна неогубленная (*i*), а другая — огубленная (*u*);

3) огубленная (*u*) противостоит двум неогубленным, из которых одна широкая (*a*), а другая — узкая (*i*);

4) огубленная (*u*) противостоит двум неогубленным, из которых одна заднего ряда (*a*), а другая — переднего ряда (*i*);

5) гласная переднего ряда (*i*) противостоит двум гласным заднего ряда, из которых одна широкая (*a*), а другая — узкая (*u*);

6) гласная переднего ряда (*i*) противостоит двум гласным заднего ряда, из которых одна неогубленная (*a*), а другая — огубленная (*u*).

Очевидно, что различия между приведенными трактовками касаются далеко не только их собственной формы, но

⁴⁸ Krámský, стр. 128.

⁴⁹ См.: Grunzel (1), стр. 1—42; Санжеев (1), стр. 163; Krámský, стр. 122.

соответствуют различиям в самом объекте. В каждом случае любая из трех фонем обладает неодинаковым фонологическим содержанием, а следовательно, и неодинаковой областью рассеивания, т. е. амплитудой варьирования, в пределах которой данная фонема остается тождественной самой себе⁵⁰. Так, например, в случаях (1) и (2), где фонема *a* квалифицируется как широкая и только, область ее рассеивания не ограничена ни признаком ряда, ни признаком огубленности. Это значит, что фонема *a* теоретически может реализоваться во всех без исключения неузких звучаниях: *a*, *ä*, *o*, *ö* и т. п. В случае (3) та же фонема характеризуется как широкая неогубленная и потому имеет амплитуду варьирования уже только в плоскости «передний ряд — задний ряд». В случаях (4) и (6) она же выступает как неогубленная заднего ряда и, следовательно, может занимать любое место относительно признака раствора. Наконец, в случае (5) эта фонема является широкой заднего ряда, т. е. ее варьирование не ограничено только признаком огубленности-неогубленности. Подобным же образом изменяются и фонологические характеристики, *геср.* области рассеивания, фонем *i* и *u*. Указанное обстоятельство чрезвычайно важно не только для статической характеристики системы, но и для выяснения возможных путей ее эволюции.

Преодолеть описанную многозначность формулы

$$\begin{matrix} i & u \\ a \end{matrix}$$

можно, сориентировав всю систему относительно сети координат, образуемой тремя основными вокалическими признаками (ряд, раствор, огубленность), или, что то же самое, «вписав» ее как в некую метасистему в упоминавшийся выше (см. гл. I) «куб» гласных⁵¹.

⁵⁰ Ср. Мартине, стр. 70.

⁵¹ Поскольку нас здесь интересуют главным образом изменения в фонологическом содержании гласных фонем, т. е. в комплексах конституирующих эти фонемы дифференциальных признаков, в следующих ниже схемах каждый член оппозиций расшифровывается на «подфонемном» уровне. Для этого мы воспользуемся (с небольшими изменениями) способом Г. П. Мельникова (см. Мельников): будем обозначать вокалические признаки в последовательности РГП (ряд, губность, подъем), причем «положительную» градацию названных признаков (передний ряд, наличие огубленности, верхний подъем) условимся передавать единицей (1), а «отрицательную» градацию — нулем (0).

В тех случаях, когда значение какого-либо из признаков представляется неопределенным (иначе говоря, когда данный признак не является релевантным), на соответствующем месте взамен цифры ставится буквенный символ этого признака (т. е. Р или Г, или П).

В результате такой операции мы получаем шесть разных построений, соответствующих шести теоретически возможным трактовкам, причем каждое из них строго однозначно (рис. 2).

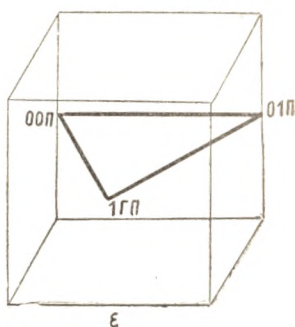
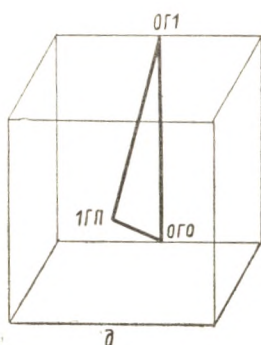
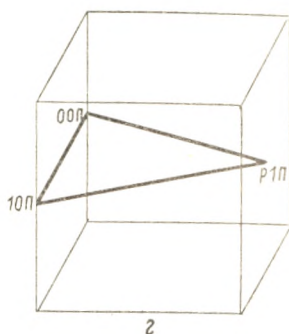
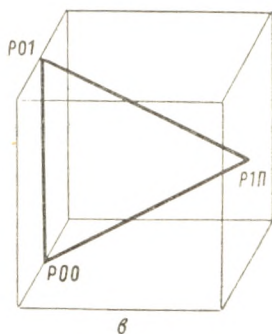
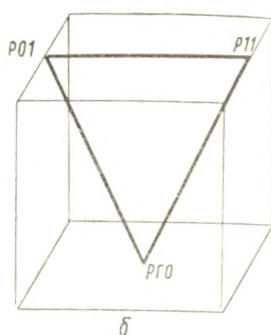
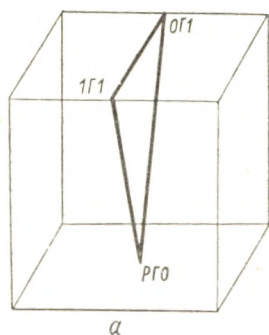


Рис. 2

Какое же из этих построений следует считать адекватным интересующей нас «доорхонской» системе? Имеются основания полагать, что на одной из ранних ступеней истории тюркского вокализма существовала ситуация 2б (см. рис. 2)⁵², являющаяся общей как для начального, так и для неначальных слогов (см. ниже). Однако последующая эволюция вокализма двух названных категорий слогов шла, по-видимому, разными путями и поэтому должна рассматриваться раздельно.

Дальнейшая эволюция подсистемы гласных начального слога

Чтобы объяснить дальнейшие изменения вокализма начального слога, приходится допустить, что на пути к известному нам «орхонскому» состоянию эта подсистема гласных претерпела переориентацию относительно указанной выше сети координат: ситуация 2б сменилась ситуацией 2в, иначе говоря, для единственной огубленной гласной признак раствора утратил свою релевантность; в то же время широкая гласная отошла в область неогубленных (рис. 3)⁵³. Нам представляется, что это изменение может быть объяснено действием чисто структурных факторов. В положении 2б, как это видно из схемы, имелась узкая огубленная фонема. Поскольку широких огубленных

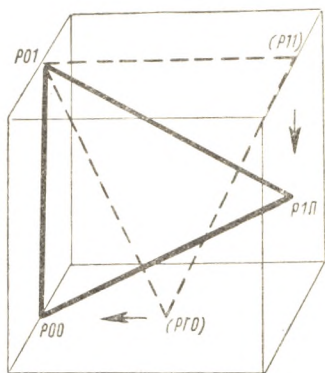


Рис. 3

⁵² По мнению А. Мартине (Мартине, стр. 88; ср. также Трубецкой, стр. 119—121), состав простейшей трехгласной системы вообще определяется стремлением к «максимальной дифференциации»: наиболее открытая (широкая) *a* противопоставлена двум предельно закрытым (узким) — без того, чтобы превратиться в согласные, — фонемам *i* и *u*, причем первая из них является самой передней, а вторая — самой задней из всех возможных гласных (чему соответствует наша схема 2а). Вполне вероятно, что и алтайская система древнейшей поры не составляла с этой точки зрения исключения. Однако никаких следов такого состояния в алтайских языках не обнаруживается, и оно, таким образом, остается вне пределов досягаемости.

⁵³ В схемах предшествующие состояния изображены пунктирной линией, а последующие — сплошной линией. Стрелками показаны направления изменений. Символы исходных (уже исчезнувших в рассматриваемых синхронических состояниях) единиц заключены в круглые скобки.

в данной системе не было, то область рассеивания указанной фонемы распространилась на все «поле» огубленных гласных. В связи с этим $P11 \rightarrow P1П$. Но перемещение центра тяжести этой фонемы не осталось без последствий для системы в целом. Оно привело к тому, что «зона безопасности» (термин А. Мартине) между данной фонемой и фонемой РГО угрожающе сократилась, так что, например, звучания типа $o, \bar{o}$ могли теперь входить в области рассеивания обеих фонем. Во избежание возможных смещений⁵⁴ центр тяжести фонемы РГО в свою очередь сместился в сторону неогубленных. Последнему способствовало и то обстоятельство, что перемещение $PГО \rightarrow PОО$ не создавало никакой угрозы для зоны безопасности между этой фонемой и фонемой $PО1$, поскольку названные фонемы достаточно четко различались по признаку подъема.

Дальнейшую эволюцию вокализма начального слога можно представить себе в виде ряда актов дивергенции фонем и, в связи с этим, численного увеличения системы гласных.

Первым из ряда подобных актов являлась, по-видимому, дивергенция фонемы $P1П$ на две более специализированные (а значит и обладающие большим фонологическим содержанием) фонемы: $11П$ и $01П$ (рис. 4).

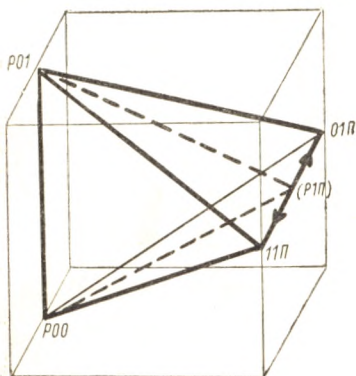


Рис. 4

Как видим, образовавшийся таким образом тетраэдр полностью соответствует «орхонскому» четырехгласному вокализму с его специфической системой противопоставлений (см. выше).

Общее направление эволюции вокализма начального слога в «послеорхонское» время представляется более или менее

ясным. Можно полагать, что каждая из четырех «орхонских» фонем разделилась на две, причем обе неогубленные глас-

⁵⁴ Ср. с этим высказывание А. Мартине: «Всякая реализация фонемы, затрудняющая сохранение четкого противопоставления, подвергает опасности самостоятельное существование двух фонем и тем самым целостность системы. Система является тем более устойчивой (т. е. по существу тем более соответствующей своему назначению и, следовательно, экономической), чем менее вероятным является смещение фонем вследствие неизбежных в речи артикуляторных отклонений» (Мартине, стр. 133).

ные (широкая и узкая) дивергировались по признаку ряда, а обе огубленные (заднего ряда и переднего ряда) дивергировались по признаку раствора (рис. 5). В результате указанных процессов и складывается окончательно тот «куб» гласных, который лежит в основе современного тюркского вокализма начального слога.

Однако для суждения о последовательности отдельных актов указанной дивергенции фонем, к сожалению, нет никаких данных. Известная система Грунцеля⁵⁵, согласно которой процесс формирования тюркского вокализма проходил в таком порядке:

- | | | | |
|------|------|------|-------|
| 1) а | 2) а | 3) а | 4) а |
| | ă | ăô | ăôô |
| і | і | і ѱ | і ѱ ѱ |

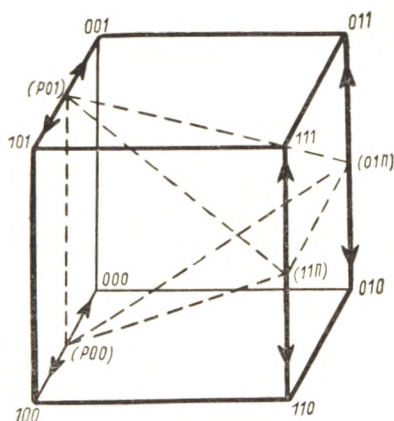


Рис. 5

вызывает серьезные возражения. Во-первых, она противоречит данным орхонского письма, в котором, как мы видели выше, дифференциация огубленных гласных по признаку ряда существовала до того, как стали фонологически различаться по этому же признаку широкие неогубленные (у Грунцеля оба процесса одновременны). Во-вторых, нет достаточных оснований считать, что узкие неогубленные (*і*—*у*) дифференцировались в тюркских языках столь поздно, как это изображает Грунцель.

Дальнейшая эволюция подсистемы гласных неначальных слогов

Обратимся теперь к вопросу об эволюции тюркского вокализма неначальных слогов. В подавляющем большинстве современных тюркских языков эта подсистема гласных насчитывает всего две фонологические единицы — широкую и узкую. Однако есть серьезные основания полагать, что на ранних этапах развития в этой позиции, как и в начальных слогах, различались три фонемы: широкая, узкая неогубленная и узкая огубленная. Мнение об изначально трех-

⁵⁵ См. Grunzel (1); см. также Krámský, стр. 122.

гласном составе вокализма непервых слогов высказывалось многими⁵⁶ и основано на следующих фактах. В языке древнетюркских памятников, а также в некоторых современных языках карлукского и огузского типов регулярно наблюдаются случаи, когда неначальные слоги (аффиксальные или относящиеся к двухсложным корням) содержат узкий огубленный гласный, лабиализованный характер которого не зависит от качества огласовки начального слога⁵⁷. Ср. др.-тюркск. *altun* 'золото', *qatun* 'госпожа', *ädgü* 'добро', *-ur/-ür*, *-duq/-dük* — аффиксы отглагольных имен, *-tur/-tür*, *-ur/-ür*, *γur/-gür* — аффиксы каузатива и т. п.; новоуйг. *altun* 'золото', *jamγur* 'дождь', *-sun* — аффикс 3-го л. императива, *-duq* — аффикс 1-го л. мн. ч. претерита, *-dur* — предикативный аффикс 3-го л. и т. п.; тур. (в настоящее время диалектные): *altun* 'золото', *qarı* 'дверь', *dälük* 'дыра', *-ur/-ür* — аффикс дееспричастия прошедшего времени, *-sun/-sün* — аффикс 3-го л. императива и др.

Если исходить из того, что в рассматриваемую эпоху палатальная гармония в тюркских языках уже существовала (а это кажется несомненным), то необходимо предположить, что исходная трехгласная система вокализма неначальных слогов была ориентирована в положении 2б (см. рис. 2), иначе говоря, что узкие гласные противопоставлялись друг другу не по признаку ряда, а лишь по признаку огубленности или ее отсутствия.

Дальнейшая эволюция вокализма неначальных слогов в подавляющем большинстве тюркских языков заключалась, по-видимому, сначала в контаминации, а затем и в полной конвергенции обеих узких гласных, что и привело к сложению современной двухгласной линейной системы, в которой противопоставление вокалических единиц основано только на признаке раствора.

В рассматриваемом процессе конвергенции узких фонем различаются две ступени, каждая из которых засвидетельствована фактическим материалом.

Сначала аффиксальная фонема P01 под влиянием гармонии гласных получила в соответствующих сингармонических условиях кроме имевшихся ранее неогубленных аллофонов

⁵⁶ См.: Räsänen, стр. 3 и сл.; Ramstedt, стр. 151.

⁵⁷ Гласные, о которых идет речь, не следует смешивать с вторичными *и*, *й*, развившимися в ауслaute из **yγ/ig* и, как правило, сохраняющими дифтонгоидный характер (каз. *aluw*, 'взятие', *bilüw* 'знание' и т. д.), а также *о*, *ö*, образовавшимися в той же позиции из сочетаний **aω/äw* (**<aγ/äg*); например хак. *pygo* 'теленка', *kizö* 'зять', и т. п. Об этих гласных см. ниже.

(переднего ряда и заднего ряда) также и огубленные аллофоны. Последние, естественно, совпали с уже существовавшими до этого (в силу палатальной гармонии) аллофонами фонемы P11 (рис. 6)⁵⁸.

Тем самым между обеими узкими фонемами неначальных слогов возникла зона нейтрализации (в позиции после огубленной фонемы начального слога). Именно таково положение, наблюдаемое в языке древнетюркских памятников и частично сохранившееся в нубоуйгурском, турецком (по диалектам) и некоторых других языках. Здесь аффиксы, исторически включавшие фонему P01, имеют по четыре варианта, два из которых обладают неогубленной огласовкой, а два — огубленной (-y/-i/-u/-ü/-аффикс принадлежности 3-го л.). Наряду с ними в этих же языках наблюдаются и упомянутые выше двухвариантные аффиксы, огласовка которых всегда огубленная, что указывает на ее исконную принадлежность к фонеме P11.

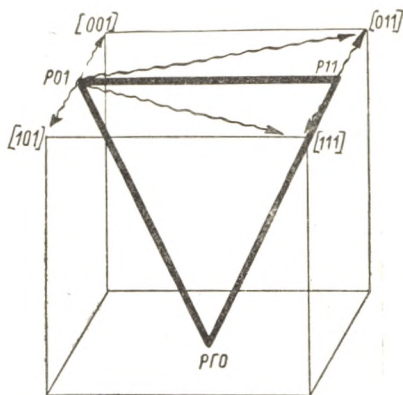


Рис. 6

На следующей ступени рассматриваемого процесса (рис. 7) фонема P11 в свою очередь также полностью подчинилась лабиальной гармонии и в соответствующих случаях приобрела неогубленные аллофоны (в турецком предикативном показателе *-dyr-/-dir/-dur/-dür*, исторически восходящем к глаголу *tur-* 'стоять', 'жить', 'быть'), что привело к появлению еще одной зоны нейтрализации противопоставлений между обеими уз-

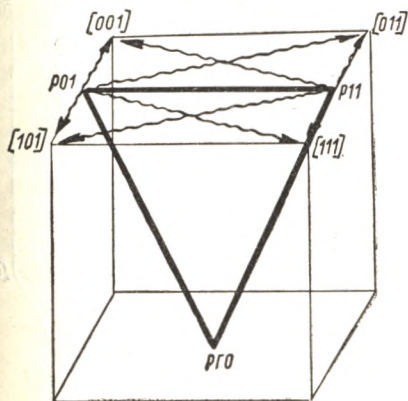


Рис. 7

⁵⁸ В следующих ниже схемах волнистой линией показаны направления варьирования фонем; в квадратные скобки заключены обозначения аллофонов.

кими фонемами — на этот раз в позиции после неогубленной гласной начального слога. Указанное изменение произошло, по-видимому, довольно поздно, уже в «послеорхонский» период, и до сих пор завершено не во всех тюркских языках.

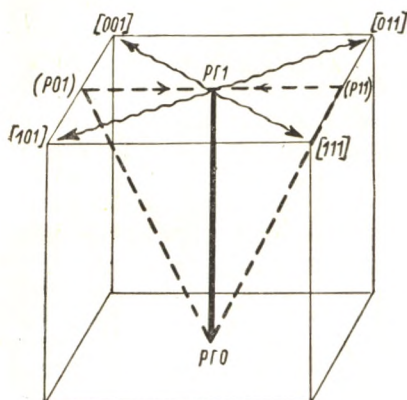


Рис. 8

рассеивания обеих конвергировавших фонем (рис. 8). В самом деле, с точки зрения современной системы вокализма гласные *y, i, u, ü* в составе, например, двух киргизских предикативных показателей: *-byz/-biz/-buz/-büz, -dy/-di/-du/-dū* — суть несомненно аллофоны одной и той же вокалической единицы. И это несмотря на то, что первый аффикс восходит к местоимению *biz* 'мы' и, следовательно, исторически содержал фонему P01, а второй развился из глагола *tur-* 'стоять', 'жить' и, значит, первоначально включал фонему P11.

Что касается широкой гласной фонемы неначальных слогов, то она с самого начала могла свободно варьироваться по обоим тембровым признакам (ряд и огубленность или ее

Как видим, в результате описанных выше изменений области рассеивания обеих узких фонем неначальных слогов совместились: вся совокупность аллофонов фонемы P01 совпала со всей совокупностью аллофонов фонемы P11. При таких обстоятельствах уместно говорить уже не просто о спорадической нейтрализации противопоставлений между фонемами, а о полной конвергенции последних. Естественно, что область рассеивания вновь образовавшейся таким образом единицы PГ1 полностью покрывает области

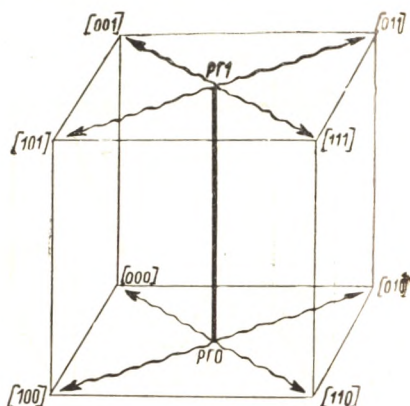


Рис. 9

отсутствие), так как область ее рассеивания ограничена только признаком раствора. Таким образом, система аллофонов тюркских гласных неначальных слогов теоретически должна была быть в таком виде, как на рис. 9. Однако фактически в большинстве тюркских языков (как современных, так, по-видимому, и древнеписьменных) указанная возможность варьирования широкой фонемы реализуется не полностью, и ее огубленные аллофоны мы находим только в киргизском, якутском, алтайском и некоторых других языках. Можно полагать, что широкие губные гласные проникли в неначальные слоги в период максимальной упорядоченности гармонии гласных, а позже, в процессе общего свертывания системы гармонии гласных (см. ниже), оказались наименее устойчивыми и делабиализуются раньше, чем узкие огубленные. Не исключено, что здесь каким-то образом сказывается то обстоятельство, что для широких гласных неначальных слогов признак огубленности никогда не был фонематическим.

В связи со сказанным выше уместно коснуться вопроса о времени возникновения губной гармонии в тюркских языках. Как известно, в науке существует два мнения на этот счет. С точки зрения В. А. Богородицкого, Н. А. Баскакова и других, губная гармония существует изначально, во всяком случае она развилась не позже, чем небная⁵⁹.

По мнению же И. Грунцеля, М. Ряшенена, Э. В. Севортяна и других, губная гармония сложилась относительно поздно⁶⁰. Нам кажется, что в данном случае возможно компромиссное решение. По-видимому, определенная степень губной аттракции существовала так же давно, как и небная аттракция, ибо обе они до репласации ударения представляли собой проявление одного и того же процесса ассимиляции неударных (resp. аффиксальных) гласных гласным ударным (resp. корневым). Однако в более или менее последовательную систему губная гармония превратилась значительно позже — уже по мере отмеченного выше упорядочения гармонии гласных вообще как делимитативного средства.

⁵⁹ См.: Богородицкий (2), стр. 79; Богородицкий (6), стр. 132; Ряшенен, стр. 215 (прим. Н. А. Баскакова).

⁶⁰ См.: Grunzel (1), стр. 39; Ряшенен, стр. 86; Севортян (1), стр. 10.

3. Структурно-функциональная специализация системы вокализма в качестве парадигматической базы гармонии гласных

Таким образом, высокоспециализированной «раннетюркской» системе гласных типологически предшествовала система гораздо более стихийная и тривиальная. В своем исходном состоянии тюркский вокализм реконструируется как достаточно обычная однородная трехугольная система, обладающая типичными для подобных систем чертами: все три имеющиеся в ней оппозиции изолированные, причем две из них (в положении 2б это оппозиции PGO — P01 и PGO — P11 — см. рис. 2) многомерные и неоднородные. Лишь впоследствии, по мере закрепления делимитативной функции за гармонией гласных, система вокализма шаг за шагом приобретает те специфические черты, которые характерны для «раннетюркского» этапа: происходит морфонологическая бифуркация вокализма, и обе образовавшиеся подсистемы гласных эволюционируют во взаимно противоположных направлениях. Вокализм начального слога все более дифференцируется в результате того, что признаки, бывшие ранее релевантными только для части фонем данной подсистемы, становятся релевантными для подсистемы в целом⁶¹. Напротив, вокализм неначальных слогов сокращается до минимума. Таким образом, складывается «классическая» система тюркского вокализма с ее восьмичленной кубической подсистемой гласных неначального слога и двухчленной линейной подсистемой гласных неначальных слогов.

Хотя изложенная в этом разделе гипотеза касается главным образом собственно структурного аспекта эволюции тюркского вокализма, она, как представляется, позволяет сделать некоторые предположения также и о функциональной или, если угодно, телеологической стороне процесса. Отмеченная выше разнонаправленность развития двух подсистем гласных приводит к их все возрастающему численному неравенству и тем самым порождает значительный перепад количества информации между обеими подсистемами. Ведь по общему правилу, с увеличением числа фонем в подсистеме гласных начального слога увеличивается и количество информации, содержащееся в ней; соответственно в вокализме неначальных слогов по мере сокращения числа фонем количество информации падает до минимума. Элементарный расчет дает следующие результаты о

⁶¹ Ср.: Журавлев, стр. 16.

аспределении количества информации между подсистемами гласных (в двоичных единицах)⁶²:

	Подсистема гласных начального слога	Подсистема гласных неначальных слогов	Величина перепада
«Доорхонское» состояние	$H = \log_2 3 \approx 1,53$		
«Орхонское» состояние	$H_1 = \log_2 4 = 2,00$	$H_2 = \log_2 3 \approx 1,53$	$H_1 - H_2 \approx 0,47$
«Послеорхонское» состояние	$H_1 = \log_2 8 = 3,00$	$H_2 = \log_2 2 = 1,00$	$H_1 - H_2 = 2,00$

Ясно, что столь значительный перепад количества информации не мог бы возникнуть и, главное, сохраняться, если бы его не поддерживал некоторый внешний для системы гласных фактор. Таким фактором служит, по-видимому, опять-таки использование гармонии гласных в качестве главного делимитативного средства. В самом деле, ведь основная смысловозначительная нагрузка в тюркских языках падает (если говорить о вокализме) на гласные начального слога. Различительная же роль огласовки неначальных слогов сведена к минимуму. Основная функция этой последней состоит лишь в том, чтобы сигнализировать принадлежность данного слога к тому же самому слову, что и предшествующий слог. При таких условиях для гласных неначальных слогов дистинктивная релевантность того или иного признака, связанная с дифференциацией фонем, оказывается гораздо менее существенной, чем релевантность сингармоническая, связанная с вариативностью одной и той же фонемы в разных дистрибутивных позициях.

Именно это обстоятельство, как нам кажется, определило развитие вокализма неначальных слогов в сторону «де-

⁶² Для простоты мы здесь отвлекаемся от того обстоятельства, что частотность фонем в пределах каждой подсистемы не одинакова и, следовательно, информация распределена между ними не равномерно. Учет этого обстоятельства изменил бы наши результаты не очень существенно и не отразился бы на общем выводе о возрастании величины перепада.

семантизации» большинства вокалических признаков и сокращения общего числа самостоятельных единиц до минимума. Это же обстоятельство обуславливает и существование отмеченного выше перепада количества информации в огласовке тюркского слова. Совершенно ясно, что информация «дистинктивная», соотнесенная с областью семантики во всем разнообразии последней, должна быть неизмеримо более расчленена, чем информация «делимитативная», отражающая выбор только из двух возможностей: «одно слово — не одно слово».

III. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ И СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА НА «ПОЗДНЕТЮРКСКОМ» ЭТАПЕ

А. Деградация гармонии гласных

Основной чертой «позднетюркского» этапа является более или менее четко выраженная тенденция к деградации гармонии гласных и к разрушению той «идеальной» системы вокализма, которая сложилась на протяжении предшествующего этапа.

1. Предпосылки деградации гармонии гласных

Некоторые языковеды⁶³ видят главную причину распада гармонии гласных в том, что тюркские языки продолжительное время испытывали и испытывают на себе постоянное интенсивное воздействие со стороны языков иноструктурных, несингармонистических: арабского, персидского и таджикского, а в новейшую эпоху — русского и западноевропейских.

Разумеется, нельзя отрицать, что многочисленные заимствования из названных языков, а также билингвизм, явления субстратного и адстратного порядка и прочие подобные факторы в значительной мере способствуют расшатыванию и ликвидации гармонии гласных. Не случайно наибольшее число примеров нарушения гармонии гласных приходится именно на заимствованную лексику. При этом во всех тюркских языках (особенно в литературной их форме) наблюдается явная тенденция к тому, чтобы максимально приблизить произношение заимствованных (например, из русского или через русский язык) слов к тому фонетическому облику,

⁶³ См.: Böhtlingk, стр. 11—12; Menges, стр. 54; Севортян (1), стр. 36—37.

который эти слова имеют в языке-источнике, (т. е. в данном случае в русском). Указанная тенденция проявляется не только по отношению к словам, заимствование которых происходит в самое последнее время, но частично и к тем, которые проникли в тюркские языки давно и первоначально подчинялись нормам гармонии гласных. Ср., например, изменение произношения слов в казахском языке⁶⁴: *pojuz* — *поезд*, *ätpäkät* — *адвокат*, *pätär* (очевидно, из русск. диал. *фатера*) — *квартира*; кирг.⁶⁵ *bäjro* — *бюро*, *bölköbnük* — *полковник*, *sikünt* — *секунда*, *porto* — *форма* и т. п.

Но вместе с тем, нам кажется, что важнейшие предпосылки процесса деградации гармонии гласных следует все же искать внутри самих тюркских языков. Можно предположить, что деградация гармонии явилась результатом взаимодействия целой совокупности факторов, одни из которых относятся к структурно-морфологической и функциональной сфере, а другие — к области собственно фонологии.

Изменения в морфологической структуре слова

Как было показано в предыдущем разделе, утратив фонетическую обусловленность вследствие репласации ударения, тюркская гармония гласных сохранилась только благодаря тому, что приобрела функцию основного централизующего и делимитативного средства, призванного противостоять центробежным тенденциям агглютинации. В соответствии с указанной функцией гармония упорядочилась сама и надлежащим образом «организовала» свою парадигматическую базу, т. е. систему гласных фонем.

Однако на новом, «позднетюркском» этапе процесс типологической эволюции тюркского слова приближается к той ступени, на которой первоначальные центробежные тенденции в ряде случаев уступают место центростремительным. Это выражается во все более заходящей грамматикализации формантов и в исчезновении ассоциативных связей между ними и исходными для них корнями, а также в увеличении элементов фузии (опрошение, переразложение, фонетическая деформация компонентов слова и т. п.). В результате указанных изменений гармония гласных перестает удовлетворять потребностям общения и, как явление пережиточное, постепенно теряет *raison d'être*.

⁶⁴ См. Бегалиев, Гаврилов.

⁶⁵ См. Юдахин (2).

К этому следует добавить также и то обстоятельство, что возможности гармонии гласных как делимитативного средства уже с самого начала были весьма ограничены. Ведь количество моделей огласовки слова в любом отдельно взятом тюркском языке очень невелико — не более, а часто менее четырех. Поэтому в речевом потоке нередко рядом оказываются два или несколько слов, обладающих одной и той же «серией» огласовки и, следовательно, сингармонически не разграничиваемых; ср., например, каз. *qaba qara saqaldy adam* 'человек с густой черной бородой'; *ärlärdin isi bitä mä?* 'закончатся ли дела у мужчин?' и т. п.⁶⁶

*Появление неодносложных корней
и перерождение морфонологической
бифуркации вокализма*

Другим фактором разрушения гармонии гласных послужило, по-видимому, перерождение морфонологической бифуркации вокализма, которое в свою очередь также было вызвано изменениями в морфологической структуре тюркского слова. Выше мы пытались показать, что на определенной ступени эволюции строя тюркских языков, в связи с нарушением ассоциативных связей между формантами и исходными для них самостоятельными основами, единая система вокализма распалась на две автономные подсистемы функциональных единиц, парадигматически не сводимых друг к другу, — подсистему корневых гласных и подсистему аффиксальных гласных. Излишне доказывать, что подобное строение вокализма могло существовать лишь при условии неперменной односложности корней.

Однако в процессе дальнейшего развития структуры слова, уже на «позднетюркском» этапе, ситуация существенно изменилась. В результате опрощения некоторых формантов и их сращения с первичными корнями в тюркских языках образуются многочисленные вторичные корни — двухсложные и многосложные⁶⁷. Вследствие этого распределение слогов на начальные и неначальные в значительной мере утрачивает морфологический смысл: отныне корневой слог не обязательно является начальным, а неначальный слог — не обязательно аффиксальным. При сложившихся условиях оба разряда гласных (гласные начального слога и гласные неначальных слогов) теряют морфонологический характер и по-

⁶⁶ Ср. Мельников, стр. 43—44.

⁶⁷ Ср. Баскаков (2), стр. 100 — 102.

этому их существование в качестве двух автономных подсистем оказывается неоправданным. Утраченные ранее парадигматические связи между этими категориями гласных как бы восстанавливаются, но, разумеется, уже на новой основе. Начальный слог — это теперь позиция максимальной дифференциации («сильная»), в которой различается восемь-девять (по разным языкам) вокалических единиц — фонем. Неначальные же слоги — это позиция нейтрализации противопоставлений («слабая»), и различающиеся в ней две вокалические единицы суть, по отношению к первым, архифонемы.

Указанное изменение не могло не затронуть характера сингармонического рисунка слова. В ряде тюркских языков закономерности гармонии, в частности губного притяжения, неодинаковы для неначальных слогов неразложенных корней и для аффиксальных слогов⁶⁸. При этом очень часто огласовка неначальных слогов корней сохраняет тип губного притяжения более архаичный (т. е. более последовательный), чем тот, который характерен в данную эпоху для аффиксальных гласных. Ср., например, алт. *toγus* 'девять', но *toγ-tuγ* 'льда' (род. пад.); *börü* 'волк', но *köz-i* 'его глаз'; *qulun* 'жеребенок', но *qiš-u* 'его птица'; *tülkü* 'лиса', но *kün-i* 'его день' и т. п.⁶⁹. Подобная же картина наблюдается в хакасском, узбекском и некоторых других языках.

В этом, на наш взгляд, проявляется двойственная природа неначальных слогов корня. С одной стороны, поскольку такие слоги — неначальные, их огласовка имеет зависимый характер. Однако, с другой стороны, так как эти слоги являются неотъемлемой частью конкретных корней, их огласовка не обладает варианностью, свойственной огласовке аффиксов. По-видимому, в каждом данном случае огласовка подобных слогов унифицировалась в форме, соответствующей нормам губного притяжения, действовавшим в момент сращения этих слогов с первичным корнем, и не была задета дальнейшим процессом эволюции гармонии гласных. Это особенно ясно видно на примере современного узбекского языка (имеются в виду его городские говоры и литературная форма). Распространенное мнение о полной несингармоничности названного языка в действительности справедливо

⁶⁸ Ср. с этим высказывание И. Крамского о том, что с функциональной точки зрения в тюркском слове следует различать три части: а) начальный слог, б) неначальные слоги корня, в) аффиксальные слоги (Крамский, стр. 118).

⁶⁹ Материал позаимствован из работы: Исхаков (3), стр. 146—150, 157.

только относительно аффиксов. Что же касается неразложимых двухсложных корней, то здесь и поныне явственно прослеживается губное притяжение, например; *burun* 'нос', *julduz* 'звезда', *kutuş* 'серебро', *uzum* 'виноград' и т. п.

2. Общее направление деградации гармонии гласных

В разных частях тюркского языкового ареала ход деградации гармонии имел свои особенности⁷⁰. Однако анализ соответствующего материала позволяет выявить также и некоторые общие закономерности, а именно:

1. Хотя процесс деградации затрагивает гармонию гласных в целом, наименее устойчивым звеном последней является губное притяжение: оно сформировалось и упорядочилось, по-видимому, позже, а разрушаться начало раньше и интенсивнее, чем небное притяжение. Кроме того, разрушение губного притяжения имеет, как правило, тотальный для данных условий характер, в то время как деградация небного притяжения в большинстве тюркских языков не затрагивает систему гармонии в целом, а проявляется лишь в виде более или менее значительной суммы случаев (отдельные несингармонические аффиксы, композиты с «ломаной» огласовкой, а также некоторые заимствованные слова).

Исключением из указанного правила является только узбекский и частично новоуйгурский языки. В них губное притяжение оказывается в определенных отношениях более устойчивым, чем небное, и, кроме того, разрушение небного притяжения имеет не спорадический, а системный характер.

2. Утеря сингармонической релевантности (см. гл. I) признака огубленности фонем начального слога происходит быстрее относительно широкой архифонемы неначальных слогов, чем относительно узкой архифонемы. В целом ряде тюркских языков губное притяжение относительно широкой архифонемы исчезло, в то время как относительно узкой оно полностью сохранилось (например, в тувинском, карагаском, кумыкском, азербайджанском, турецком, крымско-татарском, караимском, уйгурском и др.). Примеров же противоположного порядка ни один тюркский язык, насколько нам известно, не дает.

3. Сингармоническая релевантность признака огубленности фонем начального слога менее устойчива в комбинации

⁷⁰ Подробно об этом см.: Богородицкий (6), стр. 117—132; Мельников, стр. 43 и сл.

этого признака с признаком заднего ряда, чем в комбинации с признаком переднего ряда. Во многих тюркских языках губное притяжение сохранилось в словах с переднерядной огласовкой, но полностью или частично исчезло в словах с заднерядной огласовкой (например, в хакасском, чулымском, казахском, каракалпакском, карачаевско-балкарском и др.). Примеры противоположного характера также не зарегистрированы.

Б. Изменения в строении системы гласных

В непосредственной связи с распадом гармонии гласных находятся изменения в системе вокализма.

Многочисленные факты современных тюркских языков заставляют предположить, что начиная с определенного момента здесь происходят процессы, обратные тем, о которых говорилось в предыдущем разделе, и в перспективе также ведущие к ликвидации морфологической бифуркации вокализма.

В области вокализма начального слога на этом последнем этапе эволюции имеют место факты конвергенции, приводящей к сокращению общего числа фонем. Особенно отчетливо этот процесс проявляется в языках так называемой карлукской, или юго-восточной, группы — новоуйгурском и городских говорах узбекского. В новоуйгурском перестали различаться фонемы 101 и 001 (рис. 10), т. е. образовались омонимы типа *siz*- (< *syz*-) 'чертить' — *siz* 'вы'. В узбекском произошла конвергенция в парах 101—001, 110—010, 111—011 (рис. 11), в результате чего совпали, например,

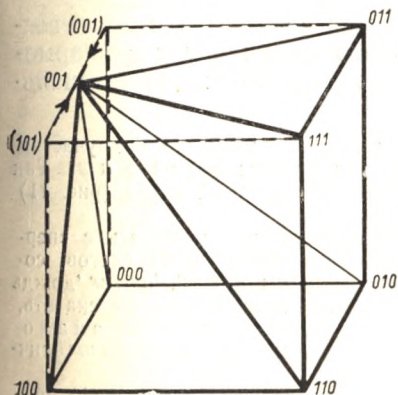


Рис. 10

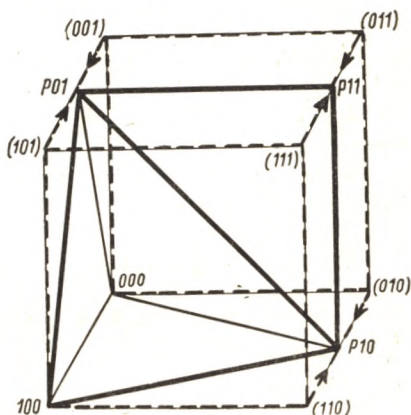


Рис. 11

tiš (< *tyš*) 'наружная сторона' и *tiš* 'зуб', *ot* 'огонь' и *ot* (< *öt*) 'желчь', *uč* 'конец' и *uč* (< *üč*) 'три' и т. п.⁷¹.

В сфере вокализма неначальных слогов в ряде тюркских языков наблюдаются сдвиги обратного порядка, а именно дивергенция фонем. Вследствие этого «классическая» двухчленная система вновь сменяется трехчленной (рис. 12) или иногда даже четырехчленной (рис. 13). Здесь имеется в виду появление вторичных лабиализованных гласных, губной характер которых не зависит от сингармонических условий, например: каз. *aluw* 'брат', 'взятие', *kälüw* 'приходить', 'приход', хак. *puzo* 'теленки', *kizö* 'зять', кирг. *taštu* 'каменный', *älü* 'пятьдесят', *altö* 'шестеро', *ištö* 'работать', 'ра-

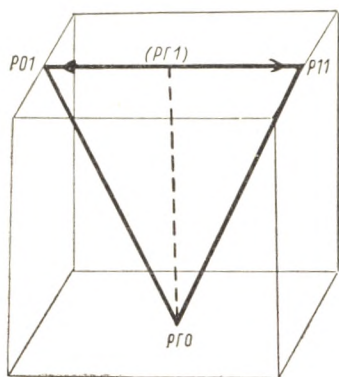


Рис. 12

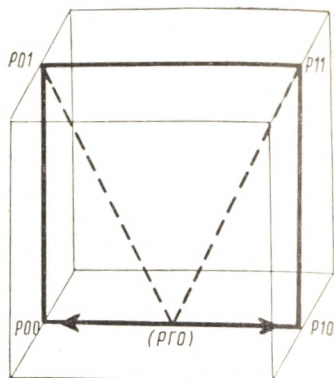


Рис. 13

бота' и т. п.⁷². Хотя генезис этих гласных вызван различными причинами, не имеющими прямого отношения к сингармонизму⁷³, сама возможность их появления в составе неначаль-

⁷¹ Наряду с этим в узбекском языке, по-видимому не без участия иранского субстрата, произошла дивергенция фонемы 000 на *э* и *ә*. Так как условия этого события нам не совсем ясны, в нашей схеме (рис. 11) оно не отражено.

⁷² Напомним, что указанные гласные недопустимо смешивать с «первичными» независимыми огубленными гласными неначальных слогов, сохранившимися, например, в новоуйгурских *jazduq* 'мы писали', *jam'ur* 'дождь' и т. п. Используя биологическую терминологию, можно было бы сказать, что эти две категории огубленных гласных неначальных слогов аналогичны (т. е. занимают в системе одинаковое место), но не гомологичны (т. е. генетически разнородны).

⁷³ Подробнее о происхождении этих гласных см.: Батманов (1), стр. 40—48; Исхаков (2), стр. 90—92, 100—102, 105—106.

ных слогов знаменует собой нарушение гармонии гласных в части губной аттракции.

При создавшихся условиях упомянутые выше (см. стр. 119) теоретико-информационные особенности тюркского вокализма также имеют тенденцию сойти на нет. В этой области постепенно нарастает энтропия (в смысле, близком к физическому значению этого термина). По мере ослабления действия факторов, поддерживавших ранее высокий перепад количества информации между двумя частями тюркского вокализма, сугубо специализированная «маловероятная» система гласных, будучи предоставлена «самой себе», стремится вновь стать тривиальной внутренне гомогенной системой, в которой распределение количества информации между отдельными элементами зависит исключительно от частотности употребления каждого из них. И хотя указанная тенденция в подавляющем большинстве современных тюркских языков еще весьма далека от полной реализации, ее более или менее явные симптомы обнаруживаются в каждом из этих языков.

В. Оживление процессов, связанных с действующей системой ударения

Параллельно с описанными выше изменениями в тюркских языках оживляются процессы, обусловленные действующей системой ударения: редукция предударного вокализма и регрессивная ассимиляция гласных (см. гл. I).

Можно полагать, что фонетические условия для этих процессов существовали в потенции и раньше: они появились одновременно с репласацией ударения. Однако реализация указанных явлений стала возможной только в результате ослабления позиций гармонии гласных. До этого же гласные начального слога в силу своего главенствующего положения в огласовке слова были очень мало уязвимы для процессов редукции и ассимиляции, поскольку последние могли нанести ущерб функционированию гармонии гласных в качестве делямитативного средства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Все рассмотренные в настоящей работе явления, относящиеся к области тюркского вокализма, так или иначе связаны с гармонией гласных. Поскольку же гармония гласных есть закономерность морфонологического плана, то надо полагать, что упомянутые явления генетически обусловлены факторами двоякого рода — фонетическими и морфонологическими (включая сюда и локализацию ударения).

2. Противоречия, с которыми сопряжено сосуществование интересующих нас явлений в синхронии, объясняются тем, что эти явления суть отложения разных эпох эволюции тюркского фонетико-морфонологического комплекса. Поскольку же это так, историко-фонологическое исследование указанных явлений дает основания для реконструкции тех или иных ступеней развития морфонологической структуры тюркского слова.

3. Сингармонические варианты и параллелизмы в синхронии фонетически не обусловлены. Однако исследование места этих явлений в современном строе тюркских языков, а также сопоставление их с фактами некоторых северных языков позволяет предположить, что генетически сингармонические варианты и параллелизмы восходят к позиционной многовариантности основ, обусловленной сингармонизмом, действующим в пределах многоосновного образования типа инкорпорации. Исходя из этого, приходится допустить, что на ранних ступенях развития алтайского («протоалтайского») языкового типа ему был свойствен полисинтетизм.

4. Фонологическая природа гармонии гласных, действующей в пределах одноосновного агглютинативного слова, пе-

режила две последовательные стадии эволюции, каждая из которых также соответствует определенному комплексу фонетико-морфологических (и акцентуационных) условий.

На первой («алтайской») стадии функциональная дифференциация корней и аффиксов формирующегося агглютинативного слова еще недостаточно органична (поскольку форманты сохраняют живую ассоциативную связь с исходными самостоятельными основами) и требует своего внешнего выражения. Средством этого выражения служит динамическое ударение, фиксируемое на корне как семантически ведущей морфеме.

В этих условиях гармония гласных представляет собой специфическое для агглютинации урало-алтайского типа проявление редукции неударного вокализма.

Вторая стадия («тюркская») характеризуется более высокой степенью грамматикализации формантов и значительным ограничением семантической и конструктивной самостоятельности морфем. В соответствии с этим ударение из средства выделения одной морфемы (корня) превращается в принадлежность слова, как целого. Поскольку же алтайское ударение по своей природе двухполосное, то в указанной ситуации ничто не препятствует перераспределению акцентуационных полюсов в слове, вследствие чего происходит репласация ударения и последнее утрачивает исключительную связь с корнем (геср. начальным слогом).

При таких условиях гармония гласных теряет фонетическую мотивированность. Однако гармония сохраняется в качестве делимитативного средства, потребность в котором также определяется процессом все углубляющейся универбации тюркского слова и его постепенного отхода от «идеального» агглютинативного типа (атрибутами которого являются автономность морфем и ударенность корня).

Параллельно с изменением фонологической природы гармонии гласных тюркский вокализм перестраивается и в парадигматическом плане. Происходит морфонологическая bifurкация вокализма на две автономные подсистемы — гласные начального слога и гласные неначальных слогов. Строение каждой из подсистем приобретает черты высокой степени специализации и упорядоченности: вокализм начального слога оформляется в виде «классической восьмерки» гласных, а вокализм неначальных слогов превращается в минимальную линейную систему, состоящую из двух единиц.

Однако по мере дальнейшей эволюции тюркского слова, в ходе которой центробежные тенденции агглютинации частично уступают место центростремительным тенденциям

фузии, гармония гласных как делимитативное и универбализующее средство постепенно обесценивается и начинает деградировать. Одновременно с этим в той или иной мере оживляются процессы, обусловленные действующей системой ударения и находящиеся в противоречии с гармонией гласных: редукция предударного вокализма и регрессивная ассимиляция гласных.

5. Таким образом, на основании историко-фонологической интерпретации фактов современного тюркского вокализма общее направление типологической эволюции тюркских языков представляется в следующем виде: от простого соположения основ («протоалтайский» полисинтетизм) — через функциональную дифференциацию морфем с акцентуационным выделением семантически ведущей морфемы (агглютинация алтайского типа) — к органическому объединению морфем и появлению элементов фузии («тюркская» стадия).

В современных тюркских языках первая и вторая ступени отражены только в виде реликтов. Третья же представляет собой живую, но пока лишь частично реализованную тенденцию.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВНОТ	— «Вестник научного общества татароведения», Казань.
ВЯ	— «Вопросы языкознания».
ИАН, ОЛЯ	— «Известия Академии наук СССР, Отделение языка и литературы».
МГПИИЯ	— Московский государственный педагогический институт иностранных языков.
ИСГТЯ	— «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», Москва.
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.
JSFO	— «Journal de la Société Finno-Ougrienne».
TCLP	— «Travaux du Cercle Linguistique de Prague».
ZDMG	— «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.

*

Аванесов (1)	— Аванесов Р. И., <i>Очерки русской диалектологии</i> , М., 1949.
Аванесов (2)	— Аванесов Р. И., <i>Фонетика современного русского литературного языка</i> , М., 1956.
Аврорин	— Аврорин В. А., <i>Сингармонизм гласных в нанайском языке</i> , — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. XI, 1958.
Алекберли	— Алекберли Г., <i>Природа ударения слова в азербайджанском и русском языках</i> , — «Труды Азербайджанского государственного университета», 1949, вып. III, серия филологическая.
Алпаров	— Алпаров Г., <i>Об агглютинативной особенности татарского языка</i> , — ВНОТ, № 7, 1927.
Аманжолов	— Аманжолов С., <i>Вопросы диалектологии и истории казахского языка</i> , ч. I, Алма-Ата, 1959.
Балашша	— Балашша Й., <i>Венгерский язык</i> , М., 1951.
Барашков	— Барашков П. П., <i>О некоторых особенностях</i>

- гласных звуков якутского языка, — «Доклады на III научной сессии Як. филиала АН СССР», I, История и филология, 1953.
- Баскаков (1) — Баскаков Н. А., *Ногайский язык и его диалекты*, М. — Л., 1940.
- Баскаков (2) — Баскаков Н. А., *Каракалпакский язык, II, Фонетика и морфология*, М., 1952.
- Баскаков (3) — Баскаков Н. А., *Структура слога в тюркских языках*, — ИСГТЯ, I, 1955.
- Баскаков (4) — Баскаков Н. А., *Уйгурский вокализм*, — ИСГТЯ, I, 1955.
- Баскаков, Инкижекова-Грекул (1) — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И., *Хакасско-русский словарь*, М., 1953.
- Баскаков, Инкижекова-Грекул (2) — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И., *Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов* — «Труды ИЯ АН СССР», VI, 1954.
- Батманов (1) — Батманов И. А., *Фонетическая система современного киргизского языка*, Фрунзе, 1946.
- Батманов (2) — Батманов И. А., *Язык енисейских памятников древнетюркской письменности*, Фрунзе, 1959.
- Бегалиев, Гаврилов — Бегалиев Г. Б., Гаврилов М. Ф., *Казахско-русский словарь*, Алма-Ата, 1936.
- Бернштейн — Бернштейн С. Б., *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М., 1961.
- Бертагаев — Бертагаев Т. А., *Флексия основ в агглютинативных языках*, — «Сборник трудов по филологии Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики», вып. I, 1948.
- Бётлингк — Бётлингк О., *О языке якутов*, — «Ученые записки императорской Академии наук по I и III отделениям», т. I, вып. 4, 1853.
- Билялов — Билялов М., *Таблицы по фонетике башкирского языка*, — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. III, вып. 2, 1928.
- Богородицкий (1) — Богородицкий В. А., *Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении со звуковой системой общерусского языка*, — «Известия Российской Академии наук», 12—15, 1919.
- Богородицкий (2) — Богородицкий В. А., *Законы сингармонизма в тюркских языках*, — ВНОТ, 6, 1927.
- Богородицкий (3) — Богородицкий В. А., *О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте*, — ВНОТ, 8, 1928.
- Богородицкий (4) — Богородицкий В. А., *Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию*, Казань, 1933.
- Богородицкий (5) — Богородицкий В. А., *Очерки по языкознанию и русскому языку*, М., 1939.
- Богородицкий (6) — Богородицкий В. А., *Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками*, Казань, 1953.
- Бодуэн де Куртене — Бодуэн де Куртене И. А., *Резья и резьяне*, — «Славянский сборник», III, СПб., 1876.
- Боровков (1) — Боровков А. К., *К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризированных» говоров*, — в кн.: «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1945.

- Боровков (2) — Боровков А. К., *Агглютинация и флексия в тюркских языках*, — сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., 1951.
- Вандриес — Вандриес Ж., *Язык*, М., 1937.
- Владимирцов (1) — Владимирцов Б. Я., *Следы грамматического рода в монгольском языке*, — «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1925, апрель — июнь.
- Владимирцов (2) — Владимирцов Б. Я., *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия*, Л., 1929.
- Глисон — Глисон Г., *Введение в дескриптивную лингвистику*, М., 1959.
- Гордлевский (1) — Гордлевский Вл. (В. А.), *Грамматика турецкого языка*, М., 1923.
- Гордлевский (2) — Гордлевский В. А., *Грамматика турецкого языка (морфология и синтаксис)*, Избр. соч., т. II, *Язык и литература*, М., 1961.
- Горцевская — Горцевская В. А., *О флексии и словосложения в эвкийском языке*, — «Доклады и сообщения ИЯ АН СССР», XI, М.—Л., 1958.
- Гулямов — Гулямов А. Г., *Словообразование путем внутренних изменений слова в узбекском языке*, — «Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947.
- Дмитриев (1) — Дмитриев Н. К., *Строй турецкого языка*, Л., 1939.
- Дмитриев (2) — Дмитриев Н. К., *Турецкий язык*, М., 1960.
- Дмитриев (3) — Дмитриев Н. К., *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948.
- Дмитриев (4) — Дмитриев Н. К., *Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Дмитриев (5) — Дмитриев Н. К., *Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Дмитриев (6) — Дмитриев Н. К., *Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Дмитриев (7) — Дмитриев Н. К., *К истории аффиксов сказуемости*, — ИСГТЯ, 2, 1956.
- Доскараев — Доскараев Ж., *К характеристике диалектов казахского языка*, — «Вестник АН КазССР», 4(61), 1950.
- Дыренкова — Дыренкова Н. П., *Грамматика шорского языка*, М.—Л., 1941.
- Егоров (1) — Егоров Е. Г., *Закон гармонии гласных в чувашском языке*, — «Научно-педагогический сборник Восточного педагогического института», вып. IV, Казань, 1928.
- Егоров (2) — Егоров Е. Г., *Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении*, I, Чебоксары, 1954.
- Емельянов — Емельянов А. И., *Грамматика вотяцкого языка*, Л., 1927.
- Жирков — Жирков Л. И., *Всегда ли случайно типологическое сходство языков? (к вопросу о строе языка кечуа)*, — ВЯ, 1959, I.

- Журавлев — Журавлев В. К., *Двухступенчатая теория фонологии и методика моделирования фонологических процессов*, — «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 года. Тезисы докладов», М., 1963.
- Залай — Залай Л. З., *Основы татарской орфоэпии*, — «Известия АПН СССР», вып. 40, 1952.
- Захаров — Захаров И. И., *Грамматика маньчжурского языка*, СПб., 1879.
- Звегинцев — Звегинцев В. А., *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*, т. II, М., 1960.
- Зиндер (1) — Зиндер Л. Р., *Экспериментальное изучение фонетики северных языков*, — ИАН, ОЛЯ, 1948, вып. 6.
- Зиндер (2) — Зиндер Л. Р., *Критические заметки по поводу некоторых фонетических работ*, — ИАН, ОЛЯ, 1949, вып. I.
- Зиндер (3) — Зиндер Л. Р., *Общая фонетика*, Л., 1960.
- Зиновьев — Зиновьев В. И., *О ритмико-мелодической структуре казахского языка*, — «Известия АН КазССР», № 77, серия лингвистическая, вып. 5, 1948.
- Иванов, Поливанов — Иванов А. И., Поливанов Е. Д., *Грамматика современного китайского языка*, М., 1930.
- Исхаков (1) — Исхаков Ф. Г., *Некоторые предположения о происхождении конечных тид в словах аст, уст, алд, арт и т. п.*, — в кн.: «Акад. В. А. Гордлевскому», М., 1953.
- Исхаков (2) — Исхаков Ф. Г., *Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Исхаков (3) — Исхаков Ф. Г., *Гармония гласных в тюркских языках*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Исхаков (4) — Исхаков Ф. Г., *Законы словесного ударения в татарском языке*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Исхаков (5) — Исхаков Ф. Г., *Имя существительное*, — ИСГТЯ, 2, 1956.
- Исхаков, Пальмбах — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А., *Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Катанов — Катанов Н. Ф., *Опыт исследования урянхайского языка*, — «Ученые записки имп. Казанского университета», 1899, № 11.
- Кацнельсон (1) — Кацнельсон С. Д., *Прогресс языка в концепциях индоевропеистики*, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1940, вып. 3.
- Кацнельсон (2) — Кацнельсон С. Д., *К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы*, — ВЯ, 1958, 3.
- Кенесбаев — Кенесбаев С. К., *Основные закономерности слоговой структуры современного казахского языка*, — Вестник АН КазССР», 1954, 1(106).
- Киекбаев — Киекбаев Д. Г., *Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке*, — «Ученые записки Башкирского государствен-

- ного педагогического института им. К. А. Тимирязева», вып. V, серия филологическая, № 1 Уфа 1955.
- Киссен — Киссен И. А., *Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка*, Ташкент, 1952.
- Конечна — Г. Конечна, *Ассимиляция и диссимиляция*, — ВЯ 1958, 3.
- Кононов — Кононов А. Н., *Грамматика турецкого языка*, М.—Л., 1941.
- Корш (1) — Корш Ф. Е., *Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках*, — «Живая старина», кн. 70—71, вып. II—III, 1909.
- Корш (2) — Корш Ф. Е., *Древнейший народный стих турецких племен*, — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, т. XIX, вып. II—III, 1909.
- Крейнович — Крейнович Е. А., *Фонетика нивхского (гиляцкого) языка*, М.—Л., 1937.
- Кудайбергенов — Кудайбергенов, С., *Подражательные слова в киргизском языке*, Фрунзе, 1957.
- Малов — Малов С. Е., *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951.
- Мартине — Мартине А., *Принцип экономии в фонетических изменениях*, М., 1960.
- Мейе — Мейе А., *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М.—Л., 1938.
- Мелиноранский — Мелиноранский П. М., *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, I, СПб., 1894.
- Мельников — Мельников Г. П., *Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках*, — ВЯ, 1962, 6.
- Михайлова — Михайлова В. С., *К вопросу о реализации русских гласных и их сочетаний в казахском языке*, — «Известия АН КазССР», № 135, серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954.
- Насилов (1) — Насилов В. М., *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940.
- Насилов (2) — Насилов В. М., *Язык орхон-енисейских памятников*, М., 1960.
- Пальмбах — Пальмбах А. А., *Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности*, — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. II, 1954.
- Пальмбах, Исаков — Пальмбах А. А., Исаков Ф. Г., *Явления метатезы в тувинском и в некоторых других тюркских языках*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Панов — Панов М. В., *Об особенностях артикуляции некоторых редуцированных звуков (в свете учения акад. И. П. Павлова)*, — «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», XXXIII, кафедра русск. яз., вып. 3, 1954.
- Панфилов (1) — Панфилов В. З., *Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова)*, — ВЯ, 1958, 1.
- Панфилов (2) — Панфилов В. З., *Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке*, — ВЯ, 1960, 6.

- Поливанов (1) — Поливанов Е. Д., *К вопросу о долгих гласных в общетурецком языке*, — «Доклады АН СССР», серия В, № 7, 1927.
- Поливанов (2) — Поливанов Е. Д., *К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков*, — ИАН СССР, серия VI, 1927, № 15—17.
- Поливанов (3) — Поливанов Е. Д., *Факторы фонетической эволюции языка, как трудового процесса*, 1. Обзор процессов, характерных для языкового развития в эпохи натурального хозяйства, — «Ученые записки Ин-та языка и литературы РАНИОН», т. III, Лингвистич. секция, М., 1928.
- Поливанов (4) — Поливанов Е. Д., *Словарь лингвистических терминов* (Публикация В. П. Григорьева), — ВЯ, 1960, 4.
- Поцелуевский — Поцелуевский А. П., *Фонетика туркменского языка*, Ашхабад, 1936.
- Прокош — Прокош Э., *Сравнительная грамматика германских языков*, М., 1954.
- Рясянен — Рясянен М., *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955.
- Санжеев (1) — Санжеев Г. Д., *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953.
- Санжеев (2) — Санжеев Г. Д., *Современный монгольский язык*, М., 1959.
- Севортян (1) — Севортян Э. В., *Фонетика турецкого литературного языка*, М., 1955.
- Севортян (2) — Севортян Э. В., *Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков*, — ИСГТЯ, 1, 1955.
- Сепир — Сепир Э., *Язык*, М., 1936.
- Скорик (1) — Скорик П. Я., *Очерки по синтаксису чукотского языка*. Инкорпорация, Л., 1948.
- Скорик (2) — Скорик П. Я., *Грамматика чукотского языка*, т. I, М.—Л., 1961.
- Современный казахский язык — Современный казахский язык, Фонетика и морфология, под ред. М. Б. Балакаева, Н. А. Баскакова и С. К. Кенесбаева, Алма-Ата, 1962.
- Соссюр — де Соссюр Ф., *Курс общей лингвистики*, М., 1933.
- Старостов — Старостов Л. Н., *Об ударении в турецком языке*, — «Труды Военного института иностранных языков», № 2, 1953.
- Степанова — Степанова Е. Н., *Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким*, — «Ученые записки И МГПИИЯ», т. VIII, Экспериментальная фонетика и психология речи, М., 1954.
- Суник (1) — Суник О. П., *О языке зарубежных нанайцев*, — «Доклады и сообщения ИЯ АН СССР», т. XI, 1958.
- Суник (2) — Суник О. П., *О происхождении морфологической структуры слова*, — ВЯ, 1959, 5.
- Тодаева — Тодаева Б. Х., *Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология*, М., 1951.
- Трубецкой — Трубецкой Н. С., *Основы фонологии*, М., 1960.

- Убрятова (1) — Убрятова Е. И., *О некоторых особенностях основы слова в якутском языке*, — ИАН, ОЛЯ, 1948, вып. 6.
- Убрятова (2) — Убрятова Е. И., *Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР*, М., 1960.
- Харитонов — Харитонов Л. Н., *Современный якутский язык. Фонетика и морфология*, Якутск, 1947.
- Цинциус — Цинциус В. И., *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*, Л., 1949.
- Цыдендамбаев — Цыдендамбаев Ц. Б., *Изобразительные слова в бурятском языке*, — Сб. «Филология и история монгольских народов». Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, М., 1958.
- Черкасский — Черкасский М. А., *О фонологических отношениях в системе тюркских гласных*, — «Ученые записки Алма-Атинского педагогического института иностранных языков», т. II, вып. 5, Кафедра русск. языка, 1957.
- Шараф — Шараф Г., *Сonorная длительность татарских гласных*, — ВНОТ, 8, 1928.
- Шербак (1) — Шербак А. М., *Способы выражения грамматических значений в тюркских языках*, — ВЯ, 1957, 1.
- Шербак (2) — Шербак А. М., *Об алтайской гипотезе в языкознании*, — ВЯ, 1959, 6.
- Юдахин (1) — Юдахин К. К., *Киргизское йё «пять»*, — «Труды (Московского) Института востоковедения», сб. 2, 1940.
- Юдахин (2) — Юдахин К. К., *Киргизско-русский словарь*, М., 1940.
- Юлдашев — Юлдашев А. А., *Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке*, М., 1958.
- Юнусалиев — Юнусалиев Б. М., *Развитие корневых слов в киргизском языке* (Автореф. докт. дисс.), М., 1953.
- Ярцева — Ярцева В. (рец.), J. van Ginneken, *La réconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité*, — ИАН, ОЛЯ, 1945, вып. 3.
- Яфаров (1) — Яфаров Л. И., *Некоторые закономерные тенденции в фонетике татарского языка* (автореф. канд. дисс.), Казань, 1955.
- Яфаров (2) — Яфаров Л. И., *Некоторые фонетико-морфологические закономерности в развитии татарского языка*, — «Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Филологический сборник», вып. 15, 1958.
- Adam — Adam L., *De l'harmonie des voyelles dans les langue Ouralo-altaïques*, Paris, 1874.
- Bang — Bang W., *Zum Vokalismus*, в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914.
- Benzing — Benzing J., *Noch einmal die Frage der Betonung im Türkischen*, — ZDMG, Bd 95, Hft 2 (N. F., Bd 20), 1941.

- Böhtlingk — Böhtlingk O., *Ueber die Sprache der Jakuten*, St.-Pbg., 1851.
- Cástren — Cástren M. A., *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*, St.-Petersburg, 1857.
- Deny (1) — Deny J., *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, MDCCCXX.
- Deny (2) — Deny J., *Principes de grammaire turque («turk» de Turquie)*, Paris, 1955.
- Donner — Donner O., *Die uralaltaischen Sprachen* («Fin-nisch-Ugrische Forschungen», 1901, Bd I, Hft 1, Helsingfors-Leipzig).
- Gabain — Gabain A. von, *Alt türkische Grammatik*, Leipzig, 1950.
- Ginneken (1) — Ginneken J. van, *La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité*, Amsterdam, 1939.
- Ginneken (2) — Ginneken J. van, *Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen*, — TCLP, 8, 1939.
- Grönbech — Grönbech K., *Der Akzent im Türkischen und Mongolischen*, — ZDMG, Bd 94 (N. F., Bd 19), Hft 1, 1940.
- Grunzel (1) — Grunzel J., *Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen*—Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Akad. d. Wiss., Bd 117, Wien, 1889, III, Abh.
- Grunzel (2) — Grunzel J., *Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch*, Leipzig, 1895.
- Hjlemslev — Hjlemslev L., *Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen*—«Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen», «Acta jutlandica», IX¹ Kobenhavh, 1937.
- Jakobson (1) — Jakobson R., *Über die phonologischen Sprachbünde*, — TCLP, 4, 1931.
- Jakobson (2) — Jakobson R., *Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagnaphonologie*, — TCLP, 4, 1931.
- Krámský — Krámský J., *Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen*, — ZDMG, Bd 106, Hft 1 (N. F., Bd 31), Wiesbad., 1956.
- Matthews — Matthews W. K., *Languages of the USSR*, Cambridge, 1951.
- Menges — Menges K., *Qaraqalpaq Grammar*, P. I, *Phonology*, N. Y., 1947.
- Németh — Németh J., *Türkische Grammatik*, Berlin—Leipzig, 1916.
- Novák — Novák L., *L'harmonie vocalique et les alternances consonantiques dans les langues ouralo-altaïques, surtout finno-ougriennes*. Notes synchroniques et diachroniques, — TCLP, 6, 1936.
- Polivanov — Polivanov E., *Zur Frage der Betonungsfunktionen*, — TCLP, 6, 1936.
- Radloff (1) — Radloff W., *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882.
- Radloff (2) — Radloff W., *Zur Geschichte der türkischen Vo-*

- kalsystems*, — Известия Имп. Академии наук, 1901, апрель, т. XIV, № 4.
- Radloff (3) — Radloff W., *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen*—Записки имп., Акад. наук, VIII серия по Истор.-филол. отд. т. VII, № 7, 1906.
- Ramstedt — Ramstedt G. J., *Einführung in die alttatsche Sprachwissenschaft*, Bd I, Lautlehre, Helsinki, 1957.
- Raquette — Raquette S., *The Accent Problem in Turkish*, — Lund Universitets Årsskrift, N. F., Avd. I, Bd 24, № 4, 1927.
- Räsänen — Räsänen M., *Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie*,—JSFO, XLV, 932.
- Riedl — Riedl A. M., *Magyarische Grammatik*, [Wien, 1858.
- Saussure — Saussure F. de, *Mémoire sur la système primitif des voyelles dans les langues indo-européens*, Leipzig, 1879.
- Sauvageot — Sauvageot A., *Recherches sur la vocabulaire des langues ouralo-altaïques*, Paris, 1930.
- Schleicher (1) — Schleicher A., *Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht*, Bonn, 1850.
- Schleicher (2) — Schleicher A., *Zur Morphologie der Sprache*, St.-Petersburg, 1859.
- Schott — Schott W., *Ueber das Altai'sche, oder Finnisch-Tatarische Sprachgeschlecht*, Berlin, 1849.
- Trubetzkoy — Trubetzkoy N., *Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme*, — TCLP, I, 1929.
- Voegelin — Voegelin C. F. and Ellinghausen M. E., *Turkish Structure*, — «Journal of the American Oriental Society», vol. 63, 1943.
- Winkler — Winkler H., *Japaner und Altaier*, Berlin, 1894.

абак.	— абаканский	ног.	— ногойский
аз.	— азербайджанский	русск.	— русский
араб.	— арабский	тат.	— татарский
балк.	— балкарский	тув.	— тувинский
башк.	— башкирский	тунг.	— тунгусский
венг.	— венгерский	тур.	— турецкий
ж.-уйг.	— желтоуйгурский	туркм.	— туркменский
каз.	— казахский	тюрк.	— тюркский
кашг.	— кашгарский	хак.	— хакасский
к.-калп.	— каракалпакский	халх.	— халхасский
кирг.	— киргизский	шорск.	— шорский
лобнор.	— лобнорский	чув.	— чувашский
маньчж.	— маньчжурский	як.	— якутский
письм. монг.	— письменный мон-гольский		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. О противоречиях в области вокализма современных тюркских языков	9
I. Основной структурно-функциональный комплекс тюркского вокализма	9
А. Парадигматическая база гармонии гласных	10
1. Вокализм начального слога	10
2. Вокализм неначальных слогов	18
Б. Гармония гласных как явление синтагматического плана . .	21
1. Сингармонические цепочки	22
2. Сингармоническая релевантность	23
3. Сингармонические модели	25
4. Сингармонические системы	28
II. Явления, находящиеся в противоречии с основным структурно-функциональным комплексом тюркского вокализма	34
А. Сингармонические варианты и параллелизмы	35
Б. Система тюркского ударения и обусловленные ею фонетические явления	37
1. Тюркский фонетический парадокс	38
2. Редукция и регрессивная ассимиляция предударных гласных .	39
Закключение	41
Глава II. О «протоалтайских» явлениях в современном тюркском вокализме (сингармонические варианты и параллелизмы)	42
I. Положение сингармонических вариантов и параллелизмов в современном строе тюркских языков	43
А. Сингармонические варианты и параллелизмы и комбинаторные изменения гласных	43
Б. Сингармонические варианты и параллелизмы и «спонтанные» изменения гласных	47

В. Сингармонические варианты и параллелизмы и смещение диалектных наплывов	53
II. Реликтовый характер сингармонических вариантов и парал- лелизмов	54
А. Следы «внутренней флексии»?	55
Б. Некоторые сопоставительно-типологические соображения	59
В. О типологических условиях генезиса сингармонических ва- риантов и параллелизмов	62
Заключение	69
Глава III. Об «алтайской» стадии фонологической эволюции гармо- нии гласных	72
Вводные замечания	72
I. Морфолого-акцентуационные условия «алтайской» стадии	74
А. Следы былой начальнотударенности тюркского слова	74
Б. Ударенность корня — атрибут агглютинации урало-алтай- ского типа	79
II. Фонологическая природа гармонии гласных на «алтайской» стадии	82
А. «Алтайская» гармония гласных — частный случай редукции неударных гласных	82
Б. Морфологический аспект «алтайской» гармонии гласных	85
Заключение	89
Глава IV. О «тюркской» стадии фонологической эволюции гармо- нии гласных	90
I. Морфолого-акцентуационные условия «тюркской» стадии	90
А. О причинах репласации ударения	90
Б. Внутренняя периодизация «тюркской» стадии	95
II. Фонологическая природа гармонии гласных и строгие систе- мы вокализма на «раннетюркском» этапе	95
А. Утрата фонетической обусловленности и функциональная перестройка гармонии гласных	95
Б. Эволюция системы вокализма	98
1. Изменения в структуре отношений между гласными на- чального слога и гласными неначальных слогов	98
Морфонологическая бифуркация вокализма	99
Изменение типа нейтрализации гласных неначальных сло- гов	104
2. Эволюция подсистем вокализма	106
О некоторых особенностях «орхонской» системы гласных	105
Состояние вокализма, предшествовавшее его морфонологи- ческой бифуркации	107
Дальнейшая эволюция подсистемы гласных начального слога	111
Дальнейшая эволюция подсистемы гласных неначальных слогов	113
3. Структурно-функциональная специализация системы вока- лизма в качестве парадигматической базы гармонии гласных	118

III. Некоторые тенденции эволюции гармонии гласных и системы вокализма на «позднетюркском» этапе	120
А. Деградация гармонии гласных	120
1. Предпосылки деградации гармонии гласных	120
Изменения в морфологической структуре слова	121
Появление неодносложных корней и перерождение морфо- нологической бифуркации вокализма	122
2. Общее направление деградации гармонии гласных	124
Б. Изменения в строении системы гласных	125
В. Оживление процессов, связанных с действующей системой ударения	127
Заключение	128
Условные сокращения	131

Марк Абрамович Черкасский
ТЮРКСКИЙ ВОКАЛИЗМ И СИНГАРМОНИЗМ
(Опыт историко-типологического исследования)

Утверждено к печати
Ученым советом Алма-Атинского государственного педагогического института
иностранных языков

Редактор *Г. А. Давидова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Д. А. Глейх*
Корректоры *Н. А. Калошина* и *Т. Н. Пронина*

*

Сдано в набор 15/I-65 г. Подписано к печати 17/VII-65 г. А10377
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. п. л. 9. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 1490 экз. Изд. № 1368. Зак. № 32.
Темплан 1965 г. № 1255 Цена 56 коп

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер. : 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. Баскаков Н. А. СЕВЕРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ АЛТАЙСКОГО
ЯЗЫКА. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и пере-
воды. 1965 г. 340 стр. 1200 экз. 1 р. 50 к.
2. Бенвенист Э. ОЧЕРКИ ПО ОСЕТИНСКОМУ ЯЗЫКУ. Пер. с фран-
цузского. 1965 г. 168 стр. 2000 экз. 54 коп.
3. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ
1965 г. 312 стр. 1900 экз. 1 р. 16 к.
4. Успенский Б. А. СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ
1965 г. 286 стр. 3500 экз. 1 р. 20 к.

О П Е Ч А Т К И

Строка	Напечатано	Следует читать
7 сн.	Карш	Корш
10 сн.	стр. 36;	стр. 39;
15 св.	равноместное	разноместное
3 сн.	(5), стр. 156, 175—176.	Ramstedt, стр. 156, 175—176.
22 сн.	<i>вздабдс</i>	<i>вздавдс</i>

Зак. 1468

Цена 56 коп.